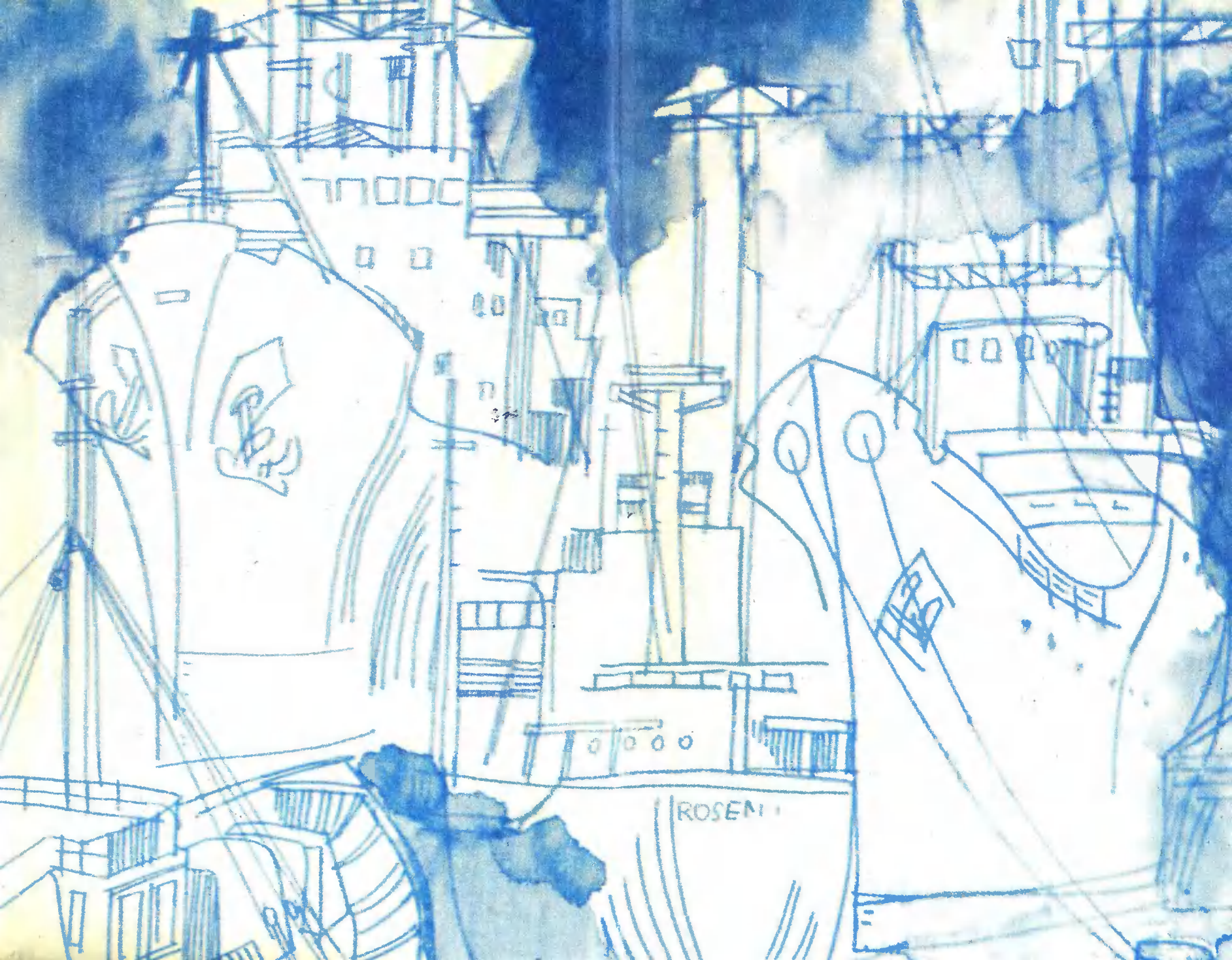

Г.ЦИРУЛИС ГАСТРОЛЬ В ВЕНТСПИЛСЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА
ПУТЕШЕСТВИЯ

ROSEN

Г.ЦИРУЛИС ГАСТРОЛЬ В ВЕНТСПИЛСЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИЕСМА»
РИГА 1979

L2
84.3 Лар 7
Ц 718

Gunārs Cirulis
VIESIZRĀDE VENTSPILĪ
Stāsts
Izdevniecība «Liesma»
Rīga 1975

Перевод с латышского *Юрия Канпе*

Художник *Янис Рейнберг*

Ц $\frac{70303-406}{M801(11)-79}$ 349.79.4702540200

© «Liesma», 1975
Перевод на русский язык,
© «Лиезма», 1979

Прелюдия

Рената Зандбург проснулась в столь скверном расположении духа, что позавидовала мужчинам. Худо ли было ее покойному благоверному? Бывало, спросонок прокашляется, выбернется, а уж тогда и откроет глаза. Еще разок кашляет, ругнет свою судьбу и пароходы, идущие именно в Вентспилс, а не в другой порт — разве мало их на белом свете? — сунет в рот пустую трубку и вот он уже готов выпить свой излюбленный курземский кофе — бурду, которая не только настоящим кофе, но и цикорием-то не пахла... А что сделать для поднятия настроения ей, пожилой вдове боцмана, если в доме нет ни единой живой души и не на кого обрушиться? И черт его знает, откуда это внезапное недовольство жизнью, это тревожное беспокойство, сознание того, что упущено нечто исключительно важное, быть может, единственный крупный выигрыш, выпавший на склоне лет пенсионерке Ренате Зандбург...

Внутренняя тревога заставила быстро одеться, выйти и отправиться бесцельно блуждать по едва пробудившемуся городу. Вставала Зандбург обыкновенно с первыми петухами, но из дому в такую рань не выходила. В одном польском журнале она вычитала, будто бы свет утренней зари столь же невыгоден для женщины средних лет, что и свет этих белых трубок вместо лампочек — и тот и другой безжалостно подчеркивают каждую морщинку на лице. Сегодня ей было безразлично, как она выглядит. В уголках глаз медленно собирались слезы и так же медленно скатывались по впалым щекам. Теперь тетушка Зандбург знала, что заставило ее вскочить ни свет ни заря, — то была многолетняя привычка выпускать во двор собаку. Но ее незабвенный песик Цезарь почивал в любовно обихоженной могилке под кустом жасмина, напротив кухонного окна. Надо было положить вместе с ним в могилу и красный кожаный поводок, тогда рука не тянулась бы за ним всякий раз, перед тем как открыть наружную дверь...

Разумеется, ничто не могло заполнить зияющую пустоту в ее душе после кончины Цезарька, тем не менее

тетушка Зандбург чувствовала бы себя гораздо лучше, если бы приехал к ней погостить кто-нибудь из внучат. По своим дочерям вдова лоцмана не тосковала — те старели с каждым годом, делались сварливее и ни о чем другом уже не говорили, кроме как о своих хворобах. Сейчас она была бы рада даже своему старшему зятю — этому толстому подполковнику милиции Кашису, с которым можно так аппетитно поцапаться перед утренним кофе... Не пройти ли на почту, быть может, ночью пришло письмишко из Юрмалы? С тех пор, как почтальоном стала эта любопытная сплетница Милда, Зандбург запретила приносить на дом даже газеты и абонировала для своей корреспонденции специальный почтовый ящик.

Выйдя из лабиринта окраинных улочек, тетушка Зандбург обратила внимание на то, как много народу движется по направлению к центру города. Да и вид у людей был какой-то необычный — все эти продавщицы, рыбацкие жены, служащие и ремесленники расфуфырились и шли как будто на бал, а не на работу. Будничный вид был только у рыбаков, кативших на своих тарахтящих мопедах в порт.

Впереди толпа запрудила улицу. Первый утренний автобус тщетно пытался проложить себе путь и непрерывно гудел. Так же безрезультатны были и усилия моложавого милиционера. Наконец ему все-таки удалось ликвидировать пробку, поскольку никому не хотелось оказаться под колесами. Толпа расступилась, пропустила машину, но тотчас сомкнулась снова.

— Граждане, будьте сознательны, встаньте в очереди! На всех хватит! — взывал милиционер к народу.

— Стреляйте в воздух! — возбужденно выкрикнула тетушка Зандбург.

Томившая ее с утра черная меланхолия вдруг рассеялась, уступив место лихорадочной жажде деятельности. Кого-то отпихнув, у кого-то прошмыгнув под мышкой, а одну дородную женщину даже ущипнув, она буквально прогрызла проран в запруде из людских спин и вынырнула рядом с нерасторопным блюстителем порядка.

— Вынимайте свой пугач и считайте до трех! Будь у нас газовый пистолет, можно было бы дать по ним! — Заметив в толпе соседку Элину, она выпалила: — Что дают? Я за вами...

Когда же с помощью свистка, угроз и просьб удалось создать некоторое подобие нормальной очереди, тетушка Зандбург ухитрилась втиснуться в первый десяток — между мастером рыбокопчения Элиной Леймане и тщедушным седым старичком, державшим на поводке большую овчарку.

— Его Робисом кличут, — представил своего питомца старичок. — В кинофильме «Последняя проверка» он играл собаку начальника полиции — помните? Поглядели бы, как мой Робис умеет служить...

И как бы в подтверждение слов своего хозяина, Робис сел и поднял передние лапы.

— Умница, — проговорила тетушка Зандбург и отвернулась. Погладить пса по голове было бы предательством по отношению к светлой памяти Цезарька. И, кроме того, надо было исподволь и незаметно выяснить, прибытие какого товара здесь ожидается. Судя по скоплению людей, должны были «выбросить» меховые шапки либо босоножки на плетеной платформе.

Но соседка первая обратилась с вопросом:

— Как по-вашему, нас отпустят с работы? Ах да, вы же нигде не работаете, можете записаться хоть на главную роль.

Тетушке Зандбург стало не по себе. До нее начало доходить, в какую очередь она затесалась. В течение нескольких дней районная газета приглашала граждан на роли статистов на съемках кинофильма «Последний улов». Однако у нее и в мыслях не было сниматься в кино. Так что теперь следовало подумать о том, как наиболее дипломатично ретироваться из этой очереди.

— Ну что вы, что вы... У меня уйма общественных дел! Я пришла только занять очередь для приятельницы, но не собираюсь ждать ее больше четверти часа... Надо отпирать уголок, а то вон вся моя клиентура шляется без надзора.

И в самом деле — вдоль извилистой ленты очереди сновали подростки, без которых нигде и ничего не обходится.

— Атас, ребя! — завидев тетушку Зандбург, издал предупреждающий клич смуглый Янис, весьма гордившийся кличкой «Мексиканец Джо». — Жандармама здесь, сейчас прицепится.

Поздно. Властным жестом тетушка Зандбург подзвала мальчишек и тотчас перешла в наступление:

— Конечно! Когда в школу, тогда их не добудиться, а когда в кино нанимают артистов — они тут как тут! И перестань, Герберт, жевать, когда с тобой начальство разговаривает.

Парень послушно вынул изо рта комочек жвачки и прилепил его к мочке правого уха.

— Уж не подорожала ли эта дрянь, коли боишься выплюнуть? — продолжала пилить тетушка Зандбург.

— Как всегда — красненькая за блок, — сознался Мексиканец Джо. — Но у нас объявлен месячник экономии.

Это было сказано так торжественно, что Зандбург, хорошо знавшая своих подшефных огольцов, решила временно воздержаться от дальнейших расспросов. Сами все выложат, не удержатся, если уж замыслили что-то серьезное, а это было написано у них на физиономиях.

— Раз так, то снимаемся и берем курс на наш уголок, — предложила тетушка Зандбург. — Поможете мне прибрать помещение, а потом поиграете в пинг-понг или в новус.

Лица у ребят вытянулись.

— А мы думали, может, нам тут обломится пара рублишек, — не выдержал Герберт.

— Тоже мне Гарри Пиль, — поддела Зандбург. — Потвоему, если можешь по деревьям лазать, то уже и артист? Никто не клюнет на твои дырявые штаны, тут делают настоящее искусство... А тебе, Райта, что не дает покоя? Слава Греты Гарбо или Марлен Дитрих? Так имей в виду, у каждой из них ума было больше, чем у десяти таких, как ты.

Длинноногая Райта надулась.

— В уголке скучно. Двое играют, а остальным мух ловить...

— Если б хоть музыка была... — мечтательно протянул Мексиканец Джо. — Врубить бы настоящий попс в твоём вкусе, Кобра.

— Мы копим деньги на японский транзистор, — выпалил Герберт. — Вчера в коммиссионке видели трехдиапазонную «Сикуру», и стоит всего полтора куска. Монте-Карло берет даже днем, мы ее покрутили.

— А тебе обязательно Монте-Карло, иначе умрешь!

Так намотай на ус то, что тебе говорит взрослый человек, кое-что повидавший на свете. Самым лучшим радио было, есть и будет радиоточка. Тут тебе и музыка, тут тебе и новости и никакого шума и треска. И незачем забивать башку разными шлягерами, вы и без того балбесы. В ваши годы я помогала матери хозяйство вести, ни о каких транзисторах даже заикнуться не смела...

Тетушка Зандбург по всей вероятности еще долго читала бы мораль ребятам, если бы в эту минуту на площади не появился микроавтобус киностудии. Из него выскочил очкастый мужчина в черном кожаном пиджаке, за ним выпрыгнула чернявая худышка в сером беретике на вздыбленных кудрях. В руках она держала кинокамеру. Не теряя ни секунды, кинооператорша навела объектив на скопище людей, уткнулась носом в видоискатель и включила мотор.

— Не тратьте зря пленку, Лилия, — сказал ей режиссер Крейцманис. — Опять не хватит на кинопробы.

Лилия Дунце не дала себя сбить с панталыку. Злые языки утверждали, что невооруженным глазом она теперь вообще ничего не видит, а может воспринимать окружающее лишь через видоискатель киноаппарата. Лилия не возражала против такого мнения. И сейчас профессиональное чутье позволяло ей безошибочно брать в кадр наиболее подходящих кандидатов.

У Крейцманиса тоже глаз был наметан на оригинальных типажей. В свое время он изучал психологию и стал неплохим физиономистом, так что не было ничего удивительного в том, что и оператор и режиссер одновременно обратили внимание на тетушку Зандбург.

— Вы великолепны! Прямо как по заказу! — возликовал Крейцманис и принялся трясти старушке руку. — Прошу вас, присядьте, то есть, конечно, стойте... В театре вы бывали?

— Театр — моя стихия! — тетушка Зандбург выпрямилась, насколько ей позволяли годы. — В драмколлективе нашего домоуправления мне доверяют самые ответственные роли. И только здравый смысл вынуждает меня отказываться от таких образов, как Гретхен или Дездемона. В моем возрасте позволить убить себя на глазах у публики какому-то ревнивцу-негру...

— В нашем фильме подобные страсти вам не грозят. Роль бывшей домовладелицы для вас будет сущий

пустяк, — успокоил Крейцманис. — К примеру, попробуйте произнести такую реплику: «Как вспомню свой первый бал в этом зале!.. Высший свет города!.. Даже капитанш не пускали на порог...»

— Неправда! — запротестовала Зандбург. — Мой покойный в ту пору ходил всего вторым штурманом, но я не пропускала ни одного званого вечера.

— Еще бы! Вашему папаше принадлежала оптовая торговля и трехэтажный дом на Гертрудинской, — вмешался в разговор стоявший рядом старичок.

— Как не совестно говорить такие вещи, товарищ Тимрот! Мой отец обанкротился еще в тридцать первом году и потом до самой смерти работал простым судебным исполнителем.

— Бог дал, бог и взял, — прочувствованно заметил Тимрот.

— Лилия, глядите-ка, вот он, наш проповедник-баптист! О лучшем просто грех мечтать! — восторгался режиссер. — Снимайте, что вы глаза вылупили... Такая ве-зуха прямо с самого утра. Янсон, запишите адреса и паспортные данные.

— Я? — выдохнул Тимрот. — Зачем вы вводите меня в соблазн? Ведь в писании сказано: бесчестье — удел того, кто гонится за благами на этом свете.

— Прекрасно! — Дунце опустила камеру. — Благодарю вас, достаточно. Я смотрю, вы уже начинаете вживаться в роль.

— В какую роль?

— В образ брата Сигизмунда, — пояснил Крейцманис. — Есть у нас по сценарию один такой святоша.

— Господи, не дай взять грех на душу... Я хотел сказать... Нельзя ли сыграть кого-нибудь еще? Ближе к трудящимся...

— Нет, нет, нет! Роль проповедника будет сидеть на вас прямо-таки с иголочки, — агитировал директор картины Янсон. — Платить будем восемь рублей за съемочный день и по столько же на озвучивании.

— Что ж, это еще куда ни шло, — заметила Зандбург. — Скажите, а в надписях наши фамилии будут?

— Сейчас трудно сказать, — режиссер спрятал улыбку в свой большой носовой платок. — Если очень хорошо сыграете...

— Насчет этого можете не сомневаться, — с холодком в голосе перебила тетушка Зандбург. — Но я все-таки попрошу сохранить мое инкогнито или дать возможность выступить под псевдонимом. Опасаюсь, как бы высокопоставленные родственники не истолковали мой шаг превратно и не подумали, что я гонюсь за славой или за деньгами.

* * *

Теперь никто уже не помнил, каким образом к Райте прилипло прозвище «Кобра». Фигура ее вовсе не была по-змеиному гибкой, нос ее не украшали очки, и волосы тоже не были настолько пышными, чтобы хоть издали напоминать кlobук кобры. Да и по характеру своему эта шестнадцатилетняя пухленькая блондинка была скорее добродушной, нежели ядовитой. Она была единственной девчонкой, которой удавалось вот уже несколько лет состоять в компании «заклятых холостяков». Эта братия носила неведомо где раздобытые значки-эмблемы с буквами ВАБ — Вентспилсская Автомобильная База, — которые расшифровывала как «Великие американские бизнесмены». Райту они терпели в своей бражке по нескольким причинам: если скандинавским морякам после третьей рюмки на глаза попадалась Райта с ее невинной улыбкой, по-детски пухлыми щечками и голубыми очами, в которых светилось наивное доверие, то им начинало казаться, будто они не в Вентспилсе, а в своем далеком Нарвике, Хаммерфорсе или Пори и к ним навстречу бежит с развевающимися по ветру рыжеватыми волосами их невеста. И они принимались щедро ее одаривать — жевательной резинкой, сигаретами, шариковыми ручками, пробными флакончиками духов, пестрыми расписными косынками. Райта никогда не пыталась что-либо присвоить себе, отдавала все в общий котел, который пополнялся скупленными и выменянными вещами. Не менее полезной оказывалась девушка и когда требовалось что-нибудь сбыть. У нее были знакомые перекупщики еще с тех времен, когда мать в трудные минуты заставляла ее на рынке в проходах между ларьками распродавать подарки, присланные дедом из Канады. Но потом из границы пришло письмо в черной траурной рамке, вслед за

ним на почте в последний раз была получена посылка с обратным адресом уже покойного Яниса Клявиня, и на этом сей источник доходов навсегда иссяк. Осталась лишь сноровка безошибочно находить вероятного покупателя и по его виду определять наиболее подходящую цену товара. Еще «бизнесменам» нравилось и то, что Райта никогда не выказывала сомнения в их превосходстве и праве повелевать и подчинялась всем распоряжениям Мексиканца Джо и даже Герберта Третьего.

Герберт Кагайнис по-прежнему именовался Третьим, хотя оба его старшие тезки уж больше года как выбыли из сплоченных рядов ВАБа. Первый теперь работал в угальском леспромхозе, поскольку сам пришел к выводу, что спокойнее зарабатывать деньги честным путем. Второму эту мысль пытались внедрить в голову воспитатели исправительно-трудовой колонии.

Остальные бизнесмены еще не заслужили особых прозвищ и назывались обыкновенно — Янка, Рудис, Владик и Славик. Однако в мероприятии, намеченном на то утро, оба брата Морозовых играли выдающуюся роль. Ведь никто иной как они разузнали у своего отца — сменного диспетчера порта — о том, что в Вентспилсе для пополнения запасов воды и топлива ошвартуется и простоят несколько часов судно «Хелена». У ребят не было сомнения, что моряки с самого утра сойдут на берег отведают местного пива, и потому несли свою «вахту» в Парвенте. Удалось матросам утолить свою вечную жажду или нет — неизвестно, но иностранцы были перехвачены неподалеку от ворот порта, «бизнесмены» у них закупили по дешевке четыре блока наилучшей голландской жвачки и даже отменные наручные часы для водолазов, о которых Мексиканец Джо мечтал давным-давно. Неважно, что механизм у них был дрянной: штамповка и ни одного камня, зато вид — закачаешься!

В данный момент часы переключивали с руки на руку, вызывая огромное восхищение. Мальчишки даже не осмеливались перевести стрелки или нажать кнопку хронометра — столь угрожающим было выражение лица нового владельца сокровища.

— Эта покупка отбрасывает нас на две недели назад, — недовольно проворчал Герберт. — И в каникулы куда трудней расторгнуть по штуке эту чертову жвачку.

Мексиканец Джо, чувствуя себя в известной степени

виноватым, пытался найти хотя бы теоретическую возможность залатать непредвиденную прореху в общей кассе.

— Если удастся раздобыть три пары джинсов, мы завтра же будем разгуливать с «Сикурой» под мышкой.

— Кончай заливать! — махнул рукой Рудис. — Станут тебе иностранцы разводить канитель с джинсами. Их привозят только наши. И цену им знают лучше нас с тобой.

— Вчера в магазине давали «Милтон» по семнадцать рублей, — сообщила Райта. — Вполне приличные...

— Мягковаты. И разве это лейбло: какой-то беззубый тигр? — Герберт собаку съел на импортных товарах. — Эти шкарята похожи на настоящие «Леви-Страус» не больше, чем Рудис — на Метревели.

— Метревели играет в большой теннис, а я — в пинг-понг. — Обиделся не на шутку Рудис.

— Если для тебя главное фирма, — предложил Славик, — у меня дома есть старенькие «Райфлы». За пару пачек сигарет отпорю для тебя лейбло. Лепи на задницу и носи на здоровье.

— Надо с кем-нибудь договориться, чтобы привез десяток этикеток, — задумчиво проговорил Владик. — Отец рассказывал, в Роттердаме есть такие маклацкие лавчонки, где можно достать, чего хочешь. А если нету денег, можно выменять и на водку. «Экстру» берут не очень, а «Кристалл» или «Старку» — за милую душу.

— На этот крючок больше никто уже не клюет, — презрительно усмехнулся Герберт. — Ты хоть знаешь, какие они — настоящие джинсы? Из них можно выпрыгнуть, а они останутся на полу стоять. Вот это — джинсы!

— Ничего, макнем в цементную воду, — наставительно заметила Райта. — Если будет слабо, подсыплю еще крахмала...

— Жандармама! — предупредил Янка.

— Дети! — издали окликнула ребят тетушка Зандбург.

«Бизнесмены» поморщились, поскольку именно этим словом всякий раз начиналось изложение плана очередного мероприятия. Но ретироваться было уже поздно. Они придали мученическое выражение своим физиономиям и приготовились выслушать очередную лекцию на воспитательную тему.

Тетушка Зандбург и в самом деле рассчитывала произнести небольшую торжественную речь, но вдруг ей показалось, что никакие слова не способны передать волнение, во власти которого она пребывала с того момента, как приняла самоотверженное решение. Властным жестом пригласив ребят следовать за ней, тетушка Зандбург молча направилась на второй этаж. Правда, скрипучие ступеньки нарушали торжественность обстановки, превращая парадное шествие в заурядный поход, но и в этом тоже был свой плюс: в привычных обстоятельствах можно было обойтись без риторики.

— Ну так что, ребятня, — обратилась Зандбург к своим «пасынкам». — Может, скинемся? Много ли денег жат у вас за душой?

«Бизнесмены» переглянулись. Внутренний голос подсказывал им, что на этот раз можно сказать правду, не увиливая, хотя все выглядело как всегда — помещение более или менее прибрано, зеленый стол для настольного тенниса, два новуса по углам, шахматные доски с выстроившимися на них в боевой готовности шашками и шахматными фигурами. И тетушка Зандбург тоже была в своем традиционном шелковом платье. И тем не менее в воздухе почти ощутимо витало нечто из ряда вон выходящее.

— Тридцать шесть рублей пятьдесят копеек, — доложил Герберт. — И на сорок рублей нереализованного товара.

— Давайте теперь будем компаньонами на равных паях, — тетушка Зандбург в коммерческих делах тоже была дотошна. — Фифти-фифти, как говаривал мой дорогой покойный муж, когда пытался выцыганить у меня рублик на четвертинку. Я, мальчики, кладу на бочку семьдесят пять — весь свой гонорар за главную роль в вентспилсском эпизоде. Да, да, режиссер меня уломал, и давайте без аплодисментов. Я, конечно, хотела от денег отказаться, потому что искусство вообще нельзя перевести на деньги, но потом вспомнила про вашу жажду музыки... — Она смахнула непрошенную слезу и раскрыла сумочку. — Нате и шпарьте в коммиссионку, покуда этот японец не забрал свой приемник назад!

Лишь по дороге в магазин они сообразили, что произошло.

— Куда ты летишь? — остановил Герберта Мексиканец Джо. — Наш капитал пока только на бумаге.

— Да нет, скорее — в кармане. — И Рудис, которому было поручено хранение «товара», извлек из штанов пачки жевательной резинки. — Чертовы каникулы! Кому ее всучить, если вся клиентура разбрелась по пионерским лагерям или умотала к родне в деревню.

— Ручаюсь, Чип возьмет, но ведь он тоже захочет погреть руки, — мрачно сказал Герберт. — Доход пополам, на меньшее он не пойдет.

— Тогда надо раздобыть товара вдвое больше, — Янка не признавал никаких преград.

— А тем временем кто-нибудь другой нашу музыку преспокойно уведет...

Поднял руку Мексиканец Джо. Именно в критические моменты проявлялись те черты его характера, за которые вот уже третий год его величали президентом и позволяли ему командовать остальными.

— Нос вешать нечего. Третий договорится насчет приемника, если надо, даст задаток. А мы еще поработаем. Владик, Славик, какой сегодня курс на бирже?

— Через час с якоря снимается «Борнхольм». На нефтяном причале поджидают одного финна и двух наших. Да и тот голландец с манго, наверно, уже ошвартовался и прошел проверку, — своим деловым сообщением Славик опередил брата, который все еще пытался привести в порядок мысли.

— Нормально! Кобра с Янкой почешут в порт; когда встречаются пароход, от прекрасного пола толку больше. А мы подежурим у кабаков, поохотимся за шведами, у которых не хватает на такси.

В городе было три ресторана первого разряда, но Мексиканец Джо не колебался ни минуты. Никто не смог бы объяснить, почему иностранцы, словно во исполнение решения международной конференции, посещали только «Страуме», дальше всего расположенный от порта, да и по другим показателям давно уже не отвечавший современным требованиям. Второе заведение, как правило, оккупировали рыбаки, их друзья и родственники. Завсегдатаи иной раз вваливались туда прямо из гавани, в резиновых сапожищах до пояса и залатанных куртках, могли сделать заказ в долг и потому не реагировали на скудость меню и обшарпанные стены. Третий ресторан

был воздвигнут по новейшему типовому проекту — широкие окна, хорошая вентиляция, интерьер в народном стиле. Но искать в нем моряков было так же бессмысленно, как идти охотиться на тигров в район Северного полюса. Здесь с утра до вечера коротали время командированные, «спрыскивали» удачные сделки или наоборот: не уладили то, ради чего приехали, и пили, «завив горе веревочкой».

«Страуме» как раз открывал свои гостеприимные двери. Здесь на должности верховного судьи по вопросам приличий и поведения обосновалась дородная тетка. Ссылаясь на запрет неуловимого заведующего залом, она с каким-то вздорным ожесточением ни с того ни с сего могла забраковать сандалии или материал, из которого была сшита рубашка посетителя, и категорически заявить ему: «Таких мы сюда не пускаем...» И отверженные пребывали в напрасной надежде на то, что неумолимую женщину когда-нибудь уволят за оскорбление должностного лица или иностранного гостя. Этих, последних, она узнавала безошибочно, хоть и непонятно, по каким признакам, и даже зазывала сама.

Мексиканец Джо никогда не пытался прорваться силой во владения суровой церберши, за что она охотно снабжала его нужной информацией, которая иной раз позволяла выгадать не один час ценного времени. А время президент «бизнесменов» оценивал в рублях.

— Пара тут засела за пивом, сынок, — сказала она, опустив в карман ливреи мелочь, которой Мексиканец Джо отблагодарил ее за услугу. Затем наклонилась и что-то шепнула ему на ухо.

— Что ж, придется обождать, — сообщил он, когда вернулся.

— Жаль, что все «Милды» распроданы. Вчера тут один искал по девять долларов за штуку, — с досадой сказал Славик.

— Мы же поклялись с валютой не связываться, — напомнил Владик.

— Сегодня я сбыл бы даже икону и не стал бы у тебя спрашивать разрешения, — Мексиканец Джо готов был на все.

— Так нет же их у нас, — резонно констатировал Славик.

— Мелочи жизни, когда налицо принципиальные раз-

ногласия, — уперся Владик. — Терпеть не могу такие иезуитские выходки! Утром часы, в обед — уникальный радиоприемник... Интересно, что ты еще придумаешь до вечера? Может, решишь по нашим трупам шагать...

— Вы, сэр, не в лондонском Гайд-парке, — язвительно бросил Мексиканец Джо. — За такие словеса можно и по морде схлопотать.

— Идут!

Иностранные господа, пожалуй, выглядели не старше местных предпринимателей. Да и одеты были так же, разве что джинсы и рубашки были у них еще более замызганные. Удивительно, как швейцар вообще пустила их внутрь. Очевидно, не хотела обижать юнгу и помощника кока, которым увольнение на берег дают в самое неудобное время, — пусть уж выпьют кружечку, другую...

— Такси до шипа? — предложил Мексиканец Джо, преградив путь молоденьким шведам. — «Борнхольм» — чоп, чоп, бай, бай...

— Да, да! — радостно согласился упитанный юнга. Его обритая голова наводила на неприятную мысль об отсидке за хулиганство.

Второй, однако, отрицательно покачал головой. Выразительно потер указательный палец о большой и снова помотал длинными белокурыми патлами. Мексиканцу Джо только этого и было надо.

— О'кей, о'кей, — успокоил он и тотчас спросил в открытую: — Я тебе такси, ты мне резинку, чоп, чоп?

— Резина никс, чоп, чоп. Эй оле, — ответил шведский моряк, который, очевидно, был финном или же перепутал Латвию с Эстонией. — Сигарет «Салем» ол райт?

— Да, да! — согласился Владик и шепнул приятелям: — У меня есть клиент, который дает по два рубля за три пачки.

— Блок, — объявил Мексиканец Джо цену услуги и поднял вверх десять пальцев.

Как видно, пиво этим двоим не пошло на пользу. Обычно во хмелю у человека в глазах двоится, но шведы выложили всего пять пачек и вывернули карманы наизнанку.

— Не жирно, — разочарованно сказал Славик.

— Четыре рубля тоже на дороге не валяются, — поняв, что иного выбора нет, принял решение Мексиканец

Джо и энергичным жестом остановил проезжавшее мимо такси.

Владик и Славик поплелись в «штаб».

Несмотря на то, что на счетчике было только пятьдесят восемь копеек, он дал шоферу рубль — если сам хочешь заработать, надо дать поживиться и другому.

Кобру с ее спутниками Мексиканец Джо нашел не подалеку от порта в обычном месте — в кустах у дороги, где был их «штаб». По унылым лицам друзей «президент» понял, что сюрприза не будет.

— Все иностранцы спят мертвым сном, — сокрушался Янка. — А наши чешут на машинах мимо. До вечера тут ничего путного не будет.

— Чип из пожарной покрутился тут, но вдруг умотал ни с того ни с сего, — рассказывал Рудис.

— Чип? — насторожился Мексиканец Джо. — Тогда дело не так безнадежно, этот зря из хаты не вылезет...

И, будто в подтверждение его слов, на повороте шоссе возник долговязый мужчина, в обеих руках он нес объемистые свертки. Завязанная большим узлом пестрая косынка на шее и темные очки над орлиным носом придавали ему сходство с контрабандистом из приключенческого кинофильма. Но контрабандисты на экране обделывали свои делишки играючи, Чип же обливался потом, пройдя несколько шагов останавливался и рукавом вытирал лоб. Курить он бросил, спиртного в рот не брал второй год, но потолстеть Чипу не удавалось ни в какую. И тем не менее он не мог внять совету врача и переселиться подальше от морского побережья с его влажным климатом, заняться сельским трудом, укрепить легкие. Надо сказать, у него и сейчас денег хватило бы на несколько лет жизни, но он считал преступлением не повернуть до конца операцию, начатую с таким размахом.

При виде Мексиканца Джо Чип от души обрадовался:

— Привет армии безработных!

— Твои дела тоже идут не блестяще, если газуешь на одиннадцатом номере.

Надо заметить, что у Мексиканца Джо не было в обычае отвечать Чипу в таком тоне, но дружелюбность, с которой тот обратился к ребятам, неопровержимо свидетельствовала, что Чип не намерен послать их немедленно ко всем чертям.

— Вы на колесах? Подбросьте эти тюки ко мне в логово, а я в долгу не останусь.

— Да ну, пустяки...

Мексиканец Джо поднял свертки и от удивления чуть было не выронил из рук — они оказались воздушно легкими.

— Мне привезли мохер, — поторопился объяснить Чип. — Наши вентспилские дамы вконец зажрались и скоро перестанут брать синтетические парики даже даром. А натуральные волосы там еще дороже, чем у нас... Зато шерсть — ходовой товар даже в деревне.

Освободившись от ноши, Чип почувствовал себя так, будто родился заново... Ему прямо-таки чертовски повезло с этими желторотыми! Не лезть же с таким подозрительным багажом в автобус, а тем более в такси, если не знаешь, кто сидит за рулем. Мальчишки не выдадут, ведь у них у самих рыльце в пуху. И все-таки было бы лучше рассчитаться за услугу наличными: он и сам никому за спасибо не помогает.

Вскоре стало ясно, что Мексиканец Джо отнюдь не собирается корчить из себя бескорыстного благодетеля.

— Услуга за услугу, — сказал он, когда Рудис и Янка, привязав пачки к велосипедам, укатили. — Дай займы полста монет. Можно и под проценты.

— Никогда в жизни! — наотрез отказал Чип. — Это самый верный путь нажить себе вечного врага. Человек не возвращает деньги и вдобавок начинает тебя же ненавидеть... Но аванс можете получить в любое время. Товар по вашему выбору, цена по рыночной конъюнктуре.

— Твоя конъюнктура знаменита на весь город, — заканючил Мексиканец Джо, но выданные Чипом десятки засунул в карман.

— И имей в виду, — предупредил на прощанье Чип. — Шариковые ручки возьму, только если с голыми бабками, другие можешь тащить прямо в детский сад.

* * *

Работал приемник что надо. Стоило на миллиметр перевести стрелку настройки, и тут же в полный голос слышалась другая станция или раздавался писк морзянки, что тоже говорило о незаурядной чувствительности

аппарата. Даже треск атмосферных разрядов не раздирал барабанные перепонки. Правда, коротковолновые диапазоны были не растянутые, но специальная ручка тонкой настройки помогала точно выходить на волну нужного передатчика.

Мексиканец Джо не мог понять, как получилось, что «Сикуру» взял под свою опеку Герберт Третий и теперь не выпускает из рук. Он осторожно и внимательно крутил ручки настройки, безостановочно путешествуя по городам Европы. Надо бы отобрать, покуда остальные не привыкли считать его владельцем аппарата, но не хотелось в присутствии тетушки Зандбург прибегать к силе.

— Да ты дай же послушать хоть сколько! — терпение вдовы лоцмана иссякло. — Никак успокоиться не можешь. Такой хорошенький мотивчик был, прямо-таки сердце таяло.

— Доисторический вальс, — презрительно бросила Райта.

— А чем плохо? Мне всегда были по душе венские вальсы... Стой же ты спокойно, когда тебе говорят!

Герберт нехотя поставил радиоприемник на стол, и Мексиканец Джо в прыжке, достойном Тер-Ованесяна, овладел транзистором. Но тетушка Зандбург тоже была начеку.

— Руки прочь! — прикрикнула она на президента. — Могу я, в конце концов, за свои деньги послушать, что мне хочется, или не могу?

— Я хотел только тембр подрегулировать, — оправдывался Мексиканец Джо и еще раз покрутил блестящую ручку. — Разве теперь не лучше, ребята?

— Один черт, — пожал плечами Янка.

— Для тех, у кого нет музыкального слуха, — вступил в дискуссию Герберт. — Японские приемники как раз и отличаются от наших именно качеством звука. Это каждый молокосос знает.

— Хватит орать, ведь не слышно! — взъелся на друзей Рудис.

Какое-то время никто не произносил ни слова. Затем звуки вальса утратили ясность и исчезли вовсе.

— Фейдинг, — пояснил Герберт. — На коротких волнах это нормальное явление.

Он едва прикоснулся к «настройке», как в помещении

раздался голос диктора, чья русская речь звучала необычно мягко.

— «Немецкая волна» из Кельна, — сообщил всезнающий Славик.

— А ну-ка, цыц у меня! — испуганно замахала руками тетушка Зандбург. — Уймешься ты или нет, окаянный! Ребята, музыку слушайте сколько влезет, но чтоб никакой агитации! И сводку погоды тоже только из Риги, иначе я забираю свои акции обратно.

— А где мы будем хранить наше радио по ночам, здесь, да? — спросила Райта, показывая на шкаф.

— Само собой разумеется, — ответила тетушка Зандбург, но быстро спохватилась: — Нет, наверно, нельзя тут, эта штука ведь не числится в инвентарной книге.

— Буду держать у себя дома! — хозяйским жестом протянул руку к приемнику Герберт.

— Какой умник нашелся! — возразил Мексиканц Джо. — А почему бы не у меня?

— Нас двое, у нас больше прав, — воскликнул Славик.

— Я отказываюсь, мне все равно, — сказала Райта.

— А я нет, — упрямо заявил Янка. — Чем я хуже других?

— По очереди, — мудро решила тетушка Зандбург. — Каждый будет отвечать за приемник одну неделю. И чтобы вы больше не переживали, на первый раз аппарат я унесу к себе — как владелица главного пая акционерного общества.

* * *

Самовластное решение тетушки Зандбург никого в глубокое уныние не повергло. Пусть лучше радио постоит у нее, чем у кого-либо из своих — еще вдруг испортят новую вещь.

— Кажется, мы и спасибо по-настоящему ей не сказали, — заговорил Славик, когда они по пути домой решили посидеть на скамеечке напротив памятника рыбакам, погребенным в морской пучине.

— Отец мой всегда ворчит, что у нас весь чердак завален устными благодарностями, да вот на хлеб их не намажешь, — сказал Рудис.

— Надо бы старухе что-нибудь подарить на память, — предложила Райта.

— Чего ты ей подаришь? Корзиночку для рукоделия или полотенце с вышитым нравоучением, чтобы повесить в кухне? — ехидничал Мексиканец Джо. — «Кто рано встает, тому бог подает». А может, подарить ночной горшок с дружеским призывом: «Не более пяти минут».

— Ладно, ладно, не расходишься, — осадил его Герберт. — Действительно, почему бы нам не приволочь Жандармаме что-нибудь такое, чтобы ей было приятно?

— Старику можно было бы притащить пол-литра, и полный порядок...

— Поди, знай, а может, она киряет втихаря? — вполне серьезно предположил Янка.

— Кончайте треп! У меня гениальная идея! — воскликнул Славик. — Подарим ей щенка. Тетка ведь обожает всяких зверюг, недавно так оплакивала своего римского императора... она и сегодня еще в трауре.

— А у наших соседей как раз щенки есть, — поддержал Владик. — Если попросить получше и дать клятву, что будет хороший уход, они и задаром отдадут.

— Породистый? А то, может, «двор-терьер», — засомневалась Райта.

— Подрастет, увидим, — успокоил Славик. — Но мать настоящая сибирская лайка.

— Дареному коню в зубы не смотрят, — рассудительно заметил Герберт. — Щенята все симпатичные. А пока они превратятся в паскудных барбосов, люди успевают к ним привыкнуть.

— Пойдет! — Мексиканец Джо очень любил, чтобы последнее слово оставалось за ним.

...Когда тетушка Зандбург, нагруженная покупками, к вечеру пришла домой, на крылечке трогательно скулило маленькое и пушистое четвероногое существо. Конец поводка был привязан к дверной ручке, в узелок всунуто письмо:

«Дорогая акционерша! Терпя бедствие в океане благодарности, мы хотим таким способом погасить хоть малую толику нашего неоплатного долга. Очень надеемся, что вы друг дружке понравитесь и найдете общий язык. Не советуем давать ему кличку Брут. Ваши преданные компаньоны».

— Но я же дала клятву никогда больше не заводить собаку! — громко простонала тетушка Зандбург, взяла щенка и погладила его предательски дрожащей рукой. — Окрещу тебя Томом Джонсом Найденышем.

Том на удивленье скоро освоился с новой обстановкой. Тетушка Зандбург только еще готовилась налить ему в Цезареву миску молочка, а он уже успел оставить — и не одну! — визитную карточку на паркете гостиной. Утолив голод, песик стал еще деятельней, проковылял в спальную и, следуя врожденному инстинкту, вытащил из-под ночного столика тетушкины шлепанцы, прибежал с тапкой в гостиную, бросил и вцепился зубами в бахромку скатерти. Потянул что было силенок, и в последний момент спрятался под стол от падавшего на него транзистора.

— Дурачок! Твой единственный долг — прожить на этом свете дольше меня. — Тетушка Зандбург погладила дрожащего щенка по коричневой головке и лишь потом осознала нанесенный им урон.

С такими трудностями купленный японский приемник «Сикура» продолжал издавать звуки, но от пластмассового корпуса отломился столь большой кусок, что взгляду открылись почти все внутренности. И на самом видном месте красовалось название изделия: «Дзинтар». Сделано в СССР».

День первый

С вокзала он хотел напрямиком направиться в городской отдел МВД, но, увидев уйму народа возле автобусной остановки, повернул назад, чтобы оставить чемодан в камере хранения. Затем сунул папку под мышку, повесил на плечо спортивную сумку со съестными припасами, которые дала ему мать на дорогу, и гордо прошествовал мимо толпы приезжих, все еще терпеливо ожидавших автобуса.

«Надо будет принять меры, чтобы согласовали время отправления автобусов с прибытием поездов», — подумал Тедис Яункалн и остановился у края тротуара. Достав из кармана приобретенную вчера записную книжку, он зафиксировал эту мысль на первой странице, как свое

первое неотложное дело. На зеленой обложке красовались выведенные черной тушью буквы: AGENDA. Конечно, с тем же успехом можно было написать: «Неотложные дела» или совсем лаконично: «Сделать», но это было бы не так изысканно. К тому же таким образом представлялась возможность ненавязчиво показать, что в университете он успешно усвоил основы латыни. Правда, на милицейской службе навряд ли удастся применить эти знания, но ведь Яункалн отнюдь не намеревался оседать надолго в Министерстве внутренних дел. Отработает сколько положено после окончания, и — прощайте. Перейдет в адвокатуру, как он тогда пригрозил руководителю практики подполковнику Кашису, только сперва надо приобрести навыки оперативной и следственной работы. К сожалению, председатель комиссии по распределению даже слышать не хотел о назначении молодого юриста в коллегию адвокатов и направил Яункална в родные края — в распоряжение вентспилсской милиции. И вот теперь Теодора Ансовича Яункална, 1950 года рождения, от будущего места работы отделял всего лишь двадцатиминутный переход.

Длинные ноги Тедиса как нельзя лучше соответствовали своему природному назначению. Убедившись, что, несмотря на идеальный рост, из копотливого парня никогда в жизни баскетболиста не сделать, университетский тренер пытался уговорить Яункална заняться спортивной ходьбой, обновить и, быть может, придать новый блеск былой славе латвийского спорта в этой дисциплине. Напрасные усилия. Тедис смотрел на все эти упражнения, которыми надлежало укреплять мускулы и закалять организм, как на пустопорожнюю трату времени, и не внял уговорам. «Эх, мне бы Яункалновы ноги!..» — поскользнулся тренер и вовремя прекратил бессмысленные мучения юноши, не успев отбить у него охоты к дальним прогулкам. Так что четырнадцать километров, отделявшие хутор родителей, где он погостил три дня, от станции Угале, он без труда проделал пешком.

Ночью Тедиса мучила бессонница — спать не давало странное возбуждение, будто предстояло одолеть некий очень важный рубеж. Завтра он будет уже не такой как все: как его родственники, соседи или бывшие одноклассники; завтра он будет уже не просто дылда Яункалн, а представитель власти, сотрудник милиции Теодор Яун-

калн, долг которого — оберегать общество от всякой злокозненности, применяя при необходимости даже оружие.

Интересно, каков он будет в милицейской форме? Тедис долго пытался себе это представить, создать так называемый словесный портрет, вернее — автопортрет. Итак: длинный, сутуловат, шея тонкая с кадыком; мощный подбородок, скуластое лицо; волосы льняные, глаза неопределенного цвета, поскольку они прячутся за желтоватыми стеклами цейссовских очков — единственная роскошь, которую Яункалн позволил себе, путешествуя со студенческим хором по Германской Демократической Республике. Во время чтения он их снимал и тогда нравился себе больше — быть может, потому, что видел свое отражение в зеркале несколько смутно.

На мосту он остановился. С правой стороны взгляду открывался промышленный пейзаж. Порт со складами, элеваторами и цистернами, подъездные железнодорожные пути, юркие электрокары и грузовики и надо всем — стрелы урчащих порталых кранов. Суда он даже не пытался пересчитать. Отсюда, с моста, было видно не менее дюжины, а угадывалось гораздо больше; за излучиной Венты торчал целый лес мачт. Суда, как люди, имеют свой характер, свою биографию и дороги в морях; но у них, как у домов, есть хозяева, которые налагают на них свой отпечаток. И потому было бы несерьезно пытаться их понять, окинув поверхностным взглядом с высоты птичьего полета. Ничего, еще успеется. Яункалн сознавал, что рано или поздно ему придется соприкоснуться и с жизнью порта и с судами. Даже если его не направят на службу в водную милицию. В этом городе испокон веку все связано с морем — как хорошее, так и плохое.

Начальник городского отдела внутренних дел говорил медленно, взвешивая как будто не только фразу, но и каждое отдельное слово. За десять прожитых в Вентспилсе лет полковник в совершенстве овладел латышским языком, однако, когда говорил, то на латышский все-таки переводил в уме с русского.

Зато заместитель начальника по оперативной работе сразу же взял быка за рога.

— Люди с высшим юридическим образованием необходимы нам как воздух! Будете работать в угрозыске начальником над малолетними разбойниками.

— Майор хотел, чтобы вы поняли, почему мы не можем дать вам акклиматизироваться постепенно, приобрести навыки в работе прежде, чем взять на себя руководство сектором, — счел необходимым пояснить полковник. — Займётесь несовершеннолетними. Придется иметь дело и с несчастными родителями заблудших девчонков и с отчаявшимися классными руководителями шпанистых подростков.

— Я уже говорил в отделе кадров министерства... — Яункалн хотел сказать, что никогда не ощущал в себе призвания быть педагогом.

Но майор не дал ему высказаться.

— Вы можете гордиться, что сразу получили назначение на такой ответственный пост. Завтра капитан Печак передаст вам дела. А сегодня вы могли бы познакомиться с инспекторами детских комнат, цветом и украшением нашего отдела. Сами увидите, какие они у нас красавицы, только имейте в виду — они обе замужем. Которая помоложе, та — старший инспектор, ну и, естественно, наоборот.

— Пойдите! — перебил своего заместителя полковник. — А как обстоит дело с самым большим вопросом? Где поселится наш новый инспектор? Вы можете временно пожить у родителей?

— Субботы и воскресенья с удовольствием буду проводить дома. Но ездить каждый день...

— Про субботы и воскресенья позабудьте и о выходных пока не мечтайте. — Майор грустно улыбнулся. — И исполкомовское «временно» может тянуться до конца пятилетки. Я вам тут напишу несколько адресочков, это люди, которые не побоятся сдать комнату даже начальнику ОБХСС. В самом худшем случае сможем позвонить дежурному по вытрезвителю. Тишину не гарантирую, но там, в кабинете на втором этаже, есть удобный и широкий диван...

Подобная перспектива не очень соблазняла Яункална.

— Вы не могли бы позвонить в гостиницу? Помоюсь, оставлю вещи и...

— Отпадает. Гостиница забита женами моряков настолько, что скоро здание завалится. Да еще киностудия

приехала, снимает здесь картину про... кстати, о чем они говорили, товарищ полковник, когда просили разрешение на съемки в нашем зале заседаний?

Полковник пожал плечами.

— Я не стал читать сценарий, больно уж толстый. Но мне обещали за счет киностудии обновить колонны, потолочную роспись, настелить паркет. Как-никак — Растрелли. Вот я и согласился.

— Сегодня утром они привезли этот знаменитый паркет. В рулонах! Красивый, конечно, но он нарисован на бумаге! Наклеют на наш старый пол и устроят шикарный бал.

— Тогда я их заставляю обуть актеров в туфли без подошв, — вскипел полковник. — Пусть шаркают пятками, если им жаль добра.

Яункалн встал. Он еще не чувствовал себя полноправным членом коллектива и не мог участвовать в разговоре.

* * *

Здание, в котором находилась детская комната милиции, Яункалн отыскал без труда по описанию майора, а нужную дверь — по громкому плачу, сотрясавшему второй этаж. У Тедиса замерло сердце — сразу стало ясно, что разговор в кабинете полковника был лишь прелюдией, такой нежной увертюрой перед грозными аккордами, в сопровождении которых солисту предстояло теперь сделать первые самостоятельные шаги. Но ребенок орал во всю глотку, и Яункалн из этого уразумел лишь одно — что бы там ни происходило, но пытку надо немедленно прекратить!

Без стука он распахнул дверь.

— Инспектор Яункалн. Попрошу сейчас же прекратить это безобразие!

— Слава тебе, господи, хоть, кто-то пришел! — На него в упор смотрели крупные синие глаза, на бронзе лица казавшиеся особенно чистыми. — Я сама уже была готова завывать, — и инспектор детской комнаты с этими словами вручила Яункалну отчаянно вопящую девчушку. На вид ей было годика два. — Не пугайтесь, это она от слез мокрая.

Ребенок прижался к Яункалновой груди, даже было попробовал обнять его за шею и — надо же случиться чуду! — замолк. Хотя маленькое тельце еще продолжало вздрагивать от всхлипов.

— Лига в отпуске, а я с такой крохой никак не могу справиться. Стоит взяться за телефонную трубку или потянуться к сейфу — голосит, как милицейская сирена. За стеной еще подумают, что мы тут пытаем детей.

— Разрешите, я вам помогу, — предложил Тедис, видя, как инспектор силится открыть тяжелую стальную дверь.

Он только подумал посадить ребенка на стул, как вновь раздался рвущий барабанные перепонки рев. В точности как говорящая кукла, девочка молчала только в вертикальном положении. Тем временем инспектор достала из сейфа потрепанного плюшевого медведя и лилового резинового зайчика.

— Последняя реформа вашего предшественника: игрушки надо держать под замком, чтобы задержанные тут не чувствовали себя как в детском саду... Было бы лучше всего снять с нас заботу о найденных грудных младенцах. Эта барышня, например, притопала на рынок и не знает откуда она — из деревни или городская.

— Вы сами еще не сказали, как вас называть.

Инспектор не успела ответить, так как открылась дверь и сержант милиции ввел в комнату заплаканную женщину. Вырвав дочку из рук Яункална, она быстренько надавала ей шлепков. Девочка даже не пискнула. Зато мать, обрета душевный покой, дала волю накопившемуся волнению.

— Вы только подумайте, я ей покупаю малину, ну, пока поторговалась, рыбаки, они ведь деньги из моря не черпают, ну, заговорила, конечно, а эта уж и минутки спокойно постоять не может. Я там по радио лью слезы на весь базар, а она преспокойно с чужими дядями тары-бары... Под машину попала бы, тогда бы узнала...

Дальше Яункалн не слушал. Его занимал вопрос, является ли дежурный инспектор начальницей детской комнаты. И если она — младший сотрудник, следовательно старшая по возрасту, то сколько же может быть лет убывшему в отпуск старшему инспектору по имени Лига? Тедис чувствовал, что ему не под силу разрешить этот ребус из возрастов и служебных положений.

Внезапно в комнате воцарилась тишина. Простыл след матери и дочери, успел шмыгнуть за дверь и сержант. И лишь в углу забытый плюшевый медвежонок поблескивал глазами, радуясь воссоединению семейства и вновь обретенной свободе.

Инспектор заперла в ящике стола журнал регистрации происшествий.

— Хорошо, что ничего не успела записать.

— Мать-то вроде бы даже спасибо не сказала!

— Я тут работаю четвертый год, а благодарности еще ни разу ни от кого не слыхала. Материнские слезы, отцовские чертыхания, упрямое молчание самого виновника. Из такого даже клещами другого слова не вытянуть, кроме «да» или «нет»... Да что я вам рассказываю, скоро и сами вдоволь отведаете этого счастья. — Она бросила на Тедиса короткий взгляд. — Вы ведь пришли вместо Печака, да, инспектор? Извините, я не расслышала вашу фамилию...

— Яункалн, — сказал Тедис и резко протянул руку.

Конечно, было бы куда эффектней щелкнуть каблучками, но в гражданском, когда на ногах сандалии... Инспектор встала и так же торжественно ответила на его повторное приветствие.

— Меня зовут Майга Андере... К вашему сведению, если не знаете.

— Мне надо бы познакомиться с вашим хозяйством. С порядком учета, мероприятиями по профилактике и прочими вещами.

— Это в пятницу-то? — Андере не скрывала своего недовольствия. — Вы даже свои пожитки никуда не определили. Неужели намерены дотемна ходить по городу, как турист, с рюкзаком на плечах? Приходите в понедельник, как раз и начальница вернется.

Тедису Яункалну не хотелось терять время понапрасну, но было бы совсем глупо в первый день прослыть бюрократом.

— Вот так мы тут и живем. — Инспектор открыла дверь во вторую комнату, такую же неуютную, как и кабинет. — Могло бы быть и пошикарней, а?

— А что тут рядом? — Яункалн показал на дверь, наполовину загороженную старомодной этажеркой.

— Наш резерв, а точнее: детская комната домоуправления. — Андере горько усмехнулась. — Идея неплохая,

но где взять охотников возиться с чужими детьми, если даже родители не могут или не желают уделять им хотя бы по несколько часов в день?

— Извините, а у вас есть дети? — поинтересовался Яункалн.

— Тогда бы я тут не торчала. Нет, «демографический взрыв» у меня еще впереди. Как только получим отдельную квартиру... Да, а где же вы будете жить?

Яункалн протянул ей вчетверо сложенную записку.

— Даже если б я не знала почерка майора Блумберга... — усмехнулась она. — Самое красноречивое свидетельство бедности. Эти же самые адреса четыре года назад он вручил мне. Первый можете смело вычеркивать — там мы с мужем проживаем по сей день. Знаете, если вы ценитель романтики, берите курс прямым на Капитанскую. Старый дом с садом возле самой гавани, и хозяйка тоже — тетка старого закала. Не без фокусов, но человек золотой, одна из наиболее самоотверженных наших активисток. На крайний же случай позвоните мне — поставим здесь раскладушку. По части удобств не взыщите, зато после полуночи тишина гарантирована полная.

* * *

Тедис учился в вентспилсской средней школе и потому хорошо знал дорогу на Капитанскую улицу. У дверей кинотеатра, в точности как в былые времена, без видимого смысла околачивались подростки и оценивающими взглядами окидывали каждого прохожего, изучали выражение его лица. Один из этих «подпирателей стен» неспешной походочкой направлялся к Яункалну. Подошел и, даже не вынув рук из кармана, спросил:

— Билет надо?

В большом зале уже которую неделю крутили «Генералов песчаных карьеров», но печальная судьба героев картины, кажется, не производила положительного влияния на умы местных «полководцев». Скорее наоборот — наглая ухмылочка и угрожающе выдвинутое вперед левое плечо казались позаимствованными у главаря бразильских бродяг.

— И сколько же тебе за него сверху? — поинтересовался Яункалн.

— Сколько не жаль, — последовал традиционный ответ. Подбодренный молчанием, юный спекулянт добавил: — Если желаете ложу, придется отслюнявить рублишко.

— А в милицию не хочешь?

Парень презрительно пожал плечами — подобные пустые угрозы он за день слышал по крайней мере раз пять.

— Никто не заставляет. Можешь вести свою кадрю в кусты на пляж. — Эти слова донеслись уже с приличного расстояния.

Яункалн не обернулся. Надо сделать все, чтобы удерживать ребят от первого шага по скользкой дорожке, которая чревата для них куда более серьезными преступлениями. Но было бы и совершенно неправильно сразу же представить себе в мрачном свете все подрастающее поколение, от которого он сам ушел недалеко. Нельзя спешить приобщиться к предрассудкам взрослых людей и, словно возвращенный в лоно церкви грешник, с удвоенной яростью обрушиться на еретиков! Таким способом он не снискает себе лавров на новой работе. Если не удастся влезть в шкуру подростков, то ему никогда в жизни не найти общего языка с малолетними нарушителями. Если не поймет мотивов их поступков, он не раскроет ни одного преступления.

Да, из всех лотерейных билетов ему достался самый несчастливый. Разумеется, было бы неверно полагать, что большой город, каким стал Вентспилс, все эти годы жил в ожидании латвийского супердетектива и сейчас готов приветствовать его в лице Теодора Яункална. И все-таки назначение следователем по уголовным делам в «детский сад» было болезненным ударом по самолюбию. Его юридические познаниягодились бы где угодно — в следствии, на оперативной работе, даже в автоинспекции. А здесь, казалось бы, требовался образованный педагог с неисчерпаемым запасом терпения и чуткости, а не только хороший знаток законов. Первый же пустяковый случай со спекулянтом кинопилетами показал, что одними законами успех не обеспечить.

Но опять же и на нытье далеко не уедешь в милицеейской службе. Поэтому следует примириться, постараться

работой доказать, что ему можно доверять более ответственные задания. Надо настроиться и думать только о том хорошем, что принесли ему первые несколько часов в Вентспилсе...

О своих нынешних начальниках Тедис пока судить не решался. По-видимому, у них был за плечами большой опыт и работы и жизни. Да и своих забот, наверно, не мало и было бы неловко требовать, чтобы они с первого же дня стали нянчиться с новичком, в чьем списке заслуг пока что имеется лишь диплом о едва завершившемся высшем образовании.

К тому же не следовало забывать, что ему уже предложены два места для ночлега. В вытрезвителе и в детской комнате милиции!

Асфальт сменился булыжником, многоэтажные каменные дома — деревянными, прятавшимися за палисадниками, улицы сделались уже, они вились в направлении рыбацкой гавани. Воздух был напоен неповторимой смесью запахов смолы, водорослей и рыбы. Сады и птичьи дворы были разгорожены отслужившими свой век рыбацкими сетями. Цель пути была близка. Вот и дом пятнадцать.

Тедис уже было отворил калитку, но тут до него дошло, что смущало его в глубине души. Все годы учебы в университете он непрестанно тренировал в себе наблюдательность, старался не упустить из виду и запомнить любую необычную мелочь, так называемую аномалию. Мало-помалу эти сознательные упражнения превратились в привычку и не требовали от него ни малейшего усилия; лишь в исключительных случаях это выбивало его из привычного ритма. Как сейчас...

Яункалн повернул обратно. Ведь в самом деле на соседнем доме стоял номер одиннадцать. А куда же девался дом номер тринадцать на Капитанской улице? Тедис расхохотался — между двумя соседними домовладениями протянулся узкий, как коридор, не застроенный участок. Нет, что и говорить, этот район от центральной части города отделяло не только расстояние в несколько километров, но и в несколько десятилетий. В прежние времена истые морские волки были, оказывается, суеверны, и потому судьбу зря не искушали. Они предпочитали трянуть мощной и приобрести никому не потребную полосу,

земли, лишь бы не пришлось жить в доме с чертовой дюжиной над дверьми...

Итак, Яункалн подходил к пятнадцатому номеру с улыбочкой превосходства над рабами старинных предрасудков. Его внимание привлекли две таблички. Первая предупреждала: «Осторожно, злая собака!», — однако Тедис не заметил во дворе ни цепи, ни будки, то есть никакого повода для осторожности. В значительно большей мере его ум был занят фамилией домовладельца — Зандбург. Где и когда он ее слышал? Но как ни напрягал Тедис свою память, ответа она не давала. Не возникало ассоциаций и с конкретным человеком. Тедис постучался, услышал голос хозяйки и в этот же миг был готов провалиться сквозь землю или броситься в бегство.

— Том, уймись, цыц, когда тебе говорят! — негодовала теща подполковника милиции Кашиса. Затем, тоном категорического приказа: — Входите! Не бойтесь!

Дверь открылась. Какое-то время старушка, опешив от удивления, смотрела на неожиданного гостя, затем, схватив его за рюкзак, втащила в прихожую.

— И газеты еще утверждают, что телепатии не существует. Весь день собираюсь пойти на почту и позвонить зятю, но стоит мне надеть пальто, как этот тип принимается так жалобно скулить, что сердце сжимается. Бедняжка Том всего второй день без матери... Однако Эдуард, дай бог ему здоровья, не иначе как услышал крик моей души и прислал на подмогу вас. Молодой человек, вы приехали как нельзя более кстати!

— Товарищ Кашис даже не знает, что меня распределили в вентспилскую милицию, — почему-то стал оправдываться Яункалн. — Извините, пожалуйста, я не хотел вас затруднять, меня прислал майор Блумберг, он, наверно, перепутал адрес, решил, что тут сдается комната.

— Перст судьбы! — торжественно провозгласила тетушка Зандбург. — А я-то было подумала, что Регинин муж проявил чуткость к своей бедной теще. Какое там! С тех пор как Кашиса произвели в полковники, ему до чужого горя дела мало. Матис Блумберг совсем другой человек. Да и вообще с того раза, как он вызволил моего дорогого покойника из вытрезвителя, я его считаю другом семьи. Блумберги и живут здесь неподалеку, хотите — покажу?

Тедис послушно взял портфель.

— Что ж, тогда еще раз простите за беспокойство...

— У вас в этой сумке, наверно, совершенно секретные документы, если вы ни на минуту не можете с нею расстаться. — Тетушка Зандбург остановилась на полпути. — Не волнуйтесь, запрем вашу комнату на висячий замок. И в доме у нас собака... А ну-ка, вылазь из-под кровати, Томик, дай лапу новому квартиранту.

На этом вопрос о местожительстве Яункална был исчерпан.

За обедом тетушка Зандбург выступила с декларацией по части режима:

— У меня тут не Армия спасения, никакой благотворительности. Жить будете в Регининой каморке на втором этаже. Матрац малость пролежан, пружины кое-где торчат, зато будете иметь честь почивать на ложе высокого начальства. За меблированную комнату с частичным пансионом беру четвертак в месяц. Завтракать будем втроем, потом мне до вас нет никакого дела — сидите хоть на черстве хлеба — не караулить же мне ночи напролет, покуда вы вернетесь с ловли бандитов, мы ведь с вами не повенчаны. Но прописать — пропишу. В понедельник же пропишу. Тогда пусть мои дорогие наследники попробуют вышвырнуть вас отсюда! — она самодовольно рассмеялась.

— Я же не собираюсь поселиться у вас на всю жизнь. Самое большее до конца года...

— Ладно, ладно! Отчего же тогда Матис Блумберг не взял вас к себе, если так скоро сулит отдельную квартиру? Я ведь тоже не собираюсь на тот свет, пускай мой дорогой маленько еще потерпит... — Тетушка гордо выпрямилась, как бы в подтверждение блестящего состояния своего здоровья. На самом же деле это движение свидетельствовало лишь о том, что она собралась с духом сказать нечто важное.

— Послушай-ка, Теодор, а как у тебя дело обстоит с финансами? Не мог бы мне выложить на бочку за полгода вперед? Мне сейчас позарез нужны сто пятьдесят рублей, я должна погасить один долг чести. — На этих словах она вдруг расплакалась.

— Товарищ Зандбург, что с вами? — Яункална от волнения даже пот прошиб — неужто ему теперь придется вечно канителиться с плаксами?

— Зови меня просто Ренатой, — всхлипывала тетушка Зандбург. — Так и так будем одной семьей, горе и радость пополам.

— Я охотно вам помогу... — он все-таки не решался назвать хозяйку по имени.

— Некрасиво, конечно, в первый же день тебя обременять, но мой зятек всегда говорит: милиционер должен быть как исповедник — всегда готов выслушать чужое горе и оказать помощь. Ну так слушай же! — И она на удивление связно рассказала всю историю с радиоприемником.

Встала, быстренько подбежала к буфету, принесла на подносе шасси «Дзинтара» и осколки задней крышки корпуса «Сикуры».

Тедис задумчиво поскреб затылок.

— Денег мне не жалко, но для чего их тратить зря? Разумней было бы поискать новую японскую скорлупу...

— И вторично надуть бедных детей, — возмущенно запротестовала тетушка Зандбург. — Вообще-то никто твоего совета не спрашивает, я к тебе обратилась как к должностному лицу. Служебное удостоверение уже получил?

— Не успел даже заикнуться об этом.

— Тогда шпарь прямиком к Матису, пускай выписывает. Скажи, иначе тетка Зандбург на порог не пускает. А тогда мы эту банду аферистов быстро выведем на чистую воду!

— Но это же не входит в мою компетенцию.

Яункалн еще колебался, однако перспектива в первый день службы раскрыть аферу была весьма заманчивой — быть может, тогда до начальства дойдет, что ему можно поручать и более ответственные задания.

— Ерунда! Не думай, что на твоей обязанности лежит только сажать мелюзгу за решетку. Твой первейший долг защищать их, не допускать, чтобы они становились жертвами преступлений.

— Звучит убедительно, — согласился Яункалн. — Знаете, а заодно я доложусь дежурному и возьму несколько бланков протокола допросов.

— Не будем мелочны, оформим, когда все концы будут в наших руках. По субботам и воскресеньям можно бюрократию не разводить. Ух, и закипит же у нас дело! Горы свернем! Глядишь, министр скоро проводит

Эдуарда на пенсию и на его место посадит тебя, да, да, можешь не сомневаться!

Яункалн решительно отодвинул стул. Он, хоть и чувствовал, что собирается поступать не совсем по закону, однако был бессилён устоять перед напором тетушки Зандбург.

— Договорились. Я вернусь через час. А может, лучше нам встретиться в центре, у комиссионного магазина?

— Господи, твоя воля! — вдруг воскликнула тетушка Зандбург. — У меня же скоро начинается съёмка, сегодня у нас режим.

— Режим? — удивленно переспросил Яункалн.

— Это когда на улице день в разгаре, а на экране уже смерклось, вечер... Нет, на съёмку я опаздывать не могу, вся моя команда хотела прийти поглядеть, как я играю. Давай и ты тоже подгребай, я тебя познакомлю с Коброй и с Гербертом Третьим, заодно сможешь и допросить...

— Куда?

— Да ну же в этот, в наш парк аттракционов, он теперь открыт круглый год. Сегодня там собираются закатить гулянье по первому разряду, даже гигантские шаги поставят. Если не будут пускать, покажи удостоверение или скажи, что ко мне... к исполнительнице главной роли.

Тетушка Зандбург взяла с подушки уснувшего на ней щенка.

— Пошли, Томик, возьму тебя с собой, чем ты хуже Робиса Тимрота?

* * *

Чип проснулся далеко за полночь. Это бывало с ним и раньше, но такой адской головной боли, как сейчас, он ещё не испытывал. Лишь ценой невероятных усилий ему удалось открыть левый глаз, правый же буквально лопался от боли.

«Вот что значит потерять форму в рывке одной рукой», — посетовал на себя Чип и в очередной раз твердо решил пожить хотя бы год в Крыму, как только покончит с выгодным дельцем. За него-то вчера вечером и пришлось пить так капитально.

Пугало Чипа не похмелье. Он знал способ его разогнать. Но отчего болела лишь правая сторона головы? Неужели он вопреки привычке опрокинул в себя нечетное число рюмок?

Чип встал и сделал несколько осторожных шагов по комнате. Нет, хромать он еще не хромал. Зато в правом виске так кольнуло, что глаз едва не выскочил из орбиты. Он снова лег и стал лихорадочно вспоминать события вчерашнего дня. Первым делом выпили за здоровье хозяина дома. Раз. Затем за его жену — два. Потом, как водится в приличном обществе, мужчины стоя опорожнили бокалы за прекрасных дам — три. Несколько позже за всех членов семьи оптом и в розницу... Так, так, а сколько же всего ублюдков было в этой банде подонков? Раз, два, три... пять и еще старая гадюка — тетка мастера, которую тот никак не может выписать из квартиры... Значит, шестеро. Итого — девять рюмок. Пока что все сходится. Он выпил на брудершафт с соседкой, и традиционный поцелуй затянулся настолько, что один тост он пропустил. И Чип сбился со счета... Дольше напрягать мозг было бессмысленно. Хотя теперь болела уже вся голова целиком, и можно было со спокойной совестью приниматься за лечение.

В молодые годы — Чип недовольно поморщился — от похмелья лучше всего помогало свежее пиво. Но где его добыть в разгаре жаркого лета? Затем Чип вспомнил, что сегодня в парке аттракционов киносъемка, там устраивают настоящую довоенную ярмарку. Вот уж где будет чем опохмелиться!

А вдруг им вздумается пригласить и его на съемки?.. Чип разоделся как на настоящий праздник: белая сорочка, светло-серые брюки из фланели и синий суконный пиджак. Джинсов и пестрых рубаш Чип никогда не носил, пускай в них ходят эти голодранцы, потребители его товаров. Перед зеркалом причесал редкие светлые волосы, в боковой карман сунул внушительную пачку десятков, в наружный — запас жевательной резинки и непристойных фотографий. Истинный коммерсант всегда должен быть готов вступить в любую сделку, будь то купля или продажа. Прихватил недавно приобретенный японский транзистор «Сикура» и отправился в путь.

Музыку Чип расслышал издали. Пока он шел, танго «Слова твои, я знаю, не от сердца» сменилось вальсом

«Шумит зеленый лес», уступившим, в свою очередь, песенке «Минна, Минна». Затем посреди площади гигантским, фантастическим цветком распустилось «колесо обозрения». Косые лучи предвечернего солнца, танцуя на металлической оковке, отбрасывали зайчики на лица счастливцев, которых уже отобрал режиссер.

С каждой новой парой все выше поднималась подвесная кабина, в которой гордо восседали тетушка Зандбург и ее сегодняшний партнер по киносъемке Тимрот. Художник по костюмам приняла ее наряд без возражений, лишь дополнив его белыми перчатками и шляпой с широкими полями, украшенной искусственными сухофруктами. Тимрот же не погнушался казенной экипировкой. Высокий крахмальный воротничок подпирал гладко выбритый подбородок; черная сутана делала жару столь невыносимой, что приходилось непрерывно обмахиваться.

— Да перестаньте же вы наконец! Вас ангажировали не на роль ветряной мельницы, — не сдержалась и вознегодовала тетушке Зандбург. — Вы не даете мне насладиться красотой природы.

Ей казалось, что это ее заявление — вершина конспиративности, ибо в действительности тетушка Зандбург высматривала Яункална. Где этот увалень копается так долго, давно бы пора прийти... Тетушка Зандбург нервно крутила головой во все стороны.

Внизу простиралась площадь с летней эстрадой и верером скамеек, слегка напоминавшая древнеримскую арену. Ее окружала сочная зелень сосен. На другой стороне, за пестрыми грибками детской площадки, теснились городские крыши. Еще дальше на запад, словно сторожевые вышки промышленной окраины, в небо упирались заводские трубы, гигантские резервуары, краны, мачты морских судов.

— Наконец-то! — воскликнула тетушка Зандбург и принялась энергично махать руками.

Но Яункалну не приходило в голову взглянуть вверх. Он никак не мог вообразить, что женщина в столь почтенном возрасте может болтаться где-то между небом и землей. Гораздо вероятней было предполагать, что она затерялась в ватаге подростков возле тира, откуда слышались щелчки выстрелов, шум и веселый смех молодежи.

— Привет коллеге! — дородный капитан милиции остановил Тедиса. — Сегодня видел вас мельком в коридоре отделения, а в детской комнате уже не застал... С понедельника я — начальник городского штаба. Передачу дел оформим на следующей неделе, но значительную часть вашего будущего контингента могу передать прямо здесь же, как говорится, из рук в руки. — Капитан Херманис Печак широко улыбнулся и, слегка вытянувшись, приятельски похлопал Тедиса по плечу. — Далеко пойдете, если догадались в первый же день заглянуть сюда. Молодец!

— Вы ведь тоже не хотите бросить их на произвол судьбы? — Яункалн не остался в долгу за комплимент.

— Не угадали! Меня прислали охранять рижских кинозвезд. Теперь народ гоняется за старинными вещами. Видать, потому сюда и слетелась вся портовая бражка. Даже брандмайор Чип притащился. Вот он, расфуфырился как павлин. — Он незаметно показал Тедису Чипа. — Пускай отойдет, тогда я вас познакомлю с Мексиканцем Джо и его командой. Мальчишка пока еще не на учете, но пусть имеет в виду, что мы с него глаз не спускаем.

Заметил Чипа и режиссер Крейцманис, все еще подыскивавший в толпе характерные типажи. Подозвав директора картины, он шепотом сказал:

— Янсон, вы еще раз сэкономите на костюме. Договоритесь с этим огородным пугалом и посадите его в одну кабину с нашей Лидией. Пусть рассказывает ей свою биографию или что ему угодно, только рукам воли не дает. Завтра в музее рыболовства он нам не понадобится.

— Вон тот, с длинными черными лохмами? — уточнил Янсон.

— Этого я вам дарю. Как сувенир! — съехидничал режиссер. — Мне нужен вон тот хлыщ с таким же радиоприемником, какой вы вчера купили в комиссионке. Вам еще что-нибудь непонятно?

Наконец гигантское колесо было полностью укомплектовано пассажирами. Когда вошли последние два статиста, кабины еще раз колыхнулись. Тетушка Зандбург вновь оказалась внизу, и предоставившуюся возможность она, разумеется, не могла упустить. Довольно она нанервничалась на верхотуре, пассивно наблюдая, как Теодор

все никак не решится подойти к Герберту Третьему. Тетушка Зандбург выскочила из кабины и засеменила через площадь, а ветер подхватил и стал развеивать ее длинную юбку.

— Я сейчас! — крикнула она ассистенту режиссера.

— Что случилось? — закричала с операторского крана Лилия Дунце.

— Наверно, естество дает себя знать, — безразлично отозвалась ассистент. — Доживешь до ее лет — тоже будешь каждый час бегать.

Мексиканец Джо был весьма доволен результатами дня. Половину долга удалось заплатить, съездив в спорт-лагерь на берегу Венты, где у яхтсменов-досаафовцев иссякли запасы сигарет и жевательной резинки. Они покупали, почти не торгуясь... А вторую половину Чип только что скостил, потребовав за это лишь пустяковую услугу — в конце недели перенести несколько пакетов из Парвенты до рыночной площади. Мексиканец Джо не понимал, почему это нельзя было сделать еще накануне, но зря голову ломать не стал. Тем более, что сам-то он не посмел бы запросить такую цену.

А теперь еще этот парк с неожиданным изобилием всяческих аттракционов! Обычно тут мухи дохли от скуки. Словно в нескончаемой агонии, то замирая на месте, то снова дергаясь вперед, медлительно поворачивалось «колесо обозрения», в кабинах которого привыкшие к ветрам и качке на любой высоте моряки страстно целовали своих дам; в тире иной папаша пытался нетвердой рукой продемонстрировать потомкам приобретенное на военной службе умение владеть оружием и ругал непристрелянные ружья, плохое освещение, незаведенные мишени; унылая кассирша комнаты смеха, изучая отражение своего лица в кривом зеркале, старалась понять, по какой причине ее бросил муж; давно не смазанная карусель вращалась в ритме похоронного марша, предоставляя возможность бабушкам шествовать рядом с внучатами, восседавшими на деревянных лошадках.

Сегодня было все иначе — на площади кипело веселье, на каждом шагу взгляд посетителей встречал пестрые плакаты, раздавались крики зазывал. Разве удивительно, что «бизнесмены» разбрелись кто куда?.. Герберт Третий стоял в очереди у киоска, где толстая вокзальная буфетчица Сармите пекла «французские

вафли» и наполняла взбитыми сливками при помощи некоего подобия велосипедного насоса. Кобра уже который сеанс пыталась разобраться, не переодетый ли это мужчина изображает бородатую женщину, и терпеливо ожидала своей очереди собственноручно подергать ее за растительность на лице. Братья Морозовы, наконец, могли разрешить свой бесконечный спор о том, кто из них сильнее, и трахали деревянным молотом по голове улыбающегося турка. Рудис с Янкой неутомимо швыряли деревянные шары, пытаясь раскокать подвешенные на нитях чайники, тарелки, чашки и прочую посуду. Мексиканец Джо решил отправиться к лотерее, где он наверняка вытащит из тиражного колеса билет с крупным выигрышем — живой гусь! — и отнесет его матери, чтобы откормила.

Хоть бы почаще устраивали в Вентспилсе киносъемки! Это ничего, что через полчаса начнут снимать и всем «посторонним» придется покинуть площадь. Спасибо режиссеру и на том, что хоть капельку дал почувствовать вкус настоящей жизни. А еще народ говорит, будто кино — обман зрения...

С чего бы наша Жандармама расфуфырилась, как на собственных похоронах? И куда она ведет за руку очкастого баскетболиста? Когда Мексиканец Джо сообразил, что на сей раз внимание будет оказано именно ему, было уже поздно нырнуть в толпу. Выплюнув жвачку, парнишка засунул руки в карманы и изготовился слушать длинную нотацию.

— Познакомься, Янис! — сказала сквозь одышку тетушка Зандбург. — Это ваш новый шеф. Будет работать в милиции и вести надзор за детской комнатой.

Теперь было бы, наверно, кстати выказать восторг, но крепкое рукопожатие долговязого милиционера и его сдержанная улыбка недвусмысленно говорили о том, что он противник лицемерия.

— А как дела у вас, тетя Рената, что слышно нового по нашему радиоприемнику? — Мексиканцу Джо вдруг подумалось, что более подходящего начальника, чем старуха Зандбург, им не найти на всем земном шаре. Пусть ее болтает сколько влезет...

Но у тетушки Зандбург в данную минуту асфальт плавился под ногами.

— Как раз речь и пойдет насчет нашего радио... Так вы уж теперь сами, товарищ Теодор, я должна бежать. Видите: народ ждет. — И она трусцой удалилась.

— Может, посидим? — показал на скамейку Яункалн.

— Мне и так хорошо.

Тедис понимал, что эта враждебная сдержанность адресована не ему, а должностному лицу Яункалну, и все-таки его передернуло. Неужели он никогда больше не сможет запросто, по-дружески, подойти к подростку, поговорить обо всем и ни о чем? Неужели нет мостика через пропасть, отделяющую блюстителей порядка от нарушителей? Но сейчас этот вопрос не разрешить, ему придется посвящать труд и мысли на протяжении многих месяцев. Поэтому лучше всего сразу брать быка за рога.

— Как хочешь... Надо выяснить кое-какие вопросы. Где вы купили японский радиоприемник «Сикура»? Когда? Сколько заплатили?

— А в чем дело? — голос Мексиканца Джо стал ледяным. — На свои деньги покупали, не на краденые. И старуху Зандбург никто не заставлял. Сама навязалась, а теперь жалобу накатала.

— Ты ошибаешься. Вас самих подло надули, вот дело-то в чем. Купили кота в мешке, как последняя деревенщина, и обалдели от радости. Даже не заметили, что в эту японскую шкуру засунут рижский «Дзинтар», который за семьдесят рублей продается на каждом углу.

Мексиканец Джо был так огорошен этим сообщением, что вновь обрел дар речи далеко не сразу.

— О, мамма миа! А как бедово играл!.. — Вдруг лицо у него вытянулось. — Послушайте, но вы же не думаете, что нутро подменили мы и всучили Жандармаме этого ублюдка?! Сейчас... Третий! Герберт! Поди-ка! У тебя цела бирка?

Герберт Третий был поражен сногшибательным известием намного меньше, нежели этого ожидал Яункалн. Суть ведь в том, что приемник берет все станции и по нему хорошо звучит джаз. Да и в конце концов деньги, которые они переплатили, заработаны не в поте лица, можно даже считать, что пострадала одна старуха Зандбург... Зато теперь они вместе с милицией будут ловить хитроумного мошенника. Вот она, романтика!

Подпись комитента — так на торговом жаргоне почему-то величают того, кто сдает для продажи свою

вещь, — разумеется, была неразборчива. Однако наверняка в кассе сохранился корешок, на котором отмечены все данные, включая серию и номер паспорта.

— А если это сами продавцы плутуют? — перебил Герберт размышления Яункална. — Японские детали зажали себе, а нас осчастливили «Дзинтаром»?

Яункалн с неподдельной признательностью смотрел на ребят. Решено: пока не будет заведено уголовное дело, он работает неофициально — по примеру лучшего частного детектива из заграничных романов. И почему бы не привлечь к этому мероприятию ребят, скажем, как потерпевших? Яункалн чувствовал, что таким способом завоюет их дружбу гораздо скорее, чем с помощью самой умной лекции.

— Сходим втроем в магазин и попробуем что-нибудь выяснить там. Но до завтра — никому ни слова.

— Кобру надо бы взять с собой, — предложил Мексиканец Джо. — У нее такая глупая рожа, что никому и в голову не придет, что мы сыщики.

— Договорились, — улыбнулся Яункалн. — Значит завтра перед открытием магазина встречаемся на почте, у окошка телеграфа.

Если уж романтика, то на всю катушку!..

День второй

Что говорить, кровать могла быть и мягче, но главное — подлинней. Ночью Яункалну каким-то образом удалось просунуть ноги сквозь металлические прутья; теперь же он спросонок никак не мог выпростать их обратно. Утреннее солнце играло на нивелированных шишках и, казалось, подшучивало над неловким пленником. Так вот почему ему снилось, будто он брошен в тюрьму буржуазной Латвии и прикован к холодной как жид стене! А возможно, это кошмарное видение было навеяно рассказом хозяйки о полной лишений жизни героев фильма?

«Ты ж только подумай — они любят друг друга с детства, а автор придумывает все новые и новые загозки и не дает им пожить вместе. Она учительница, он — рыбак и все бунтует. В сороковом году играют свадьбу, а она сразу уезжает со своими школьниками в Крым, в

пионерский лагерь. Ей бы не о чужих детях подумать, а о том, как поскорее своим обзавестись... В годы оккупации он, понятное дело, стал подпольщиком и на своей моторке спасал других подпольщиков... Война кончилась, надо бы жить да радоваться под бочком у красивой же-нушки и дом беречь. А он? Обратно покоя не знает, встанет в четыре утра и бегом в гавань — ему, видите ли, германские мины из моря надо выуживать. И кончается все тем, чем и должно кончиться: вытаскивает он свой последний улов и взрывается. Так рвануло, что и в гроб класть было нечего. Которые его хоронили — побросали венки в море, и качаются они себе спокойно на волнах... Я тебе скажу, на это кино можно будет ходить только в галошах — в зале будет слёз по щиколотку... Я тебе оставляю поесть в духовке, кофей, конечно, сам разогреешь, не маленький. За мной чуть свет машину пришлю, будем снимать в музее, где бывшая купчиха устроилась сторожихой. Придется тебе тут действовать самому. Если на почту я вовремя не поспею — начинай операцию без меня. Но в той лавчонке меня дождись обязательно, рано или поздно я вырвусь из лап этого Крейцманиса...»

Тедис сидел в надраенной кухне тетушки Зандбург и с тревогой взирал на приготовленную ему еду. Хватило бы насытиться всем троим обитателям их комнаты в студенческом общежитии, но если он один съест зажаренный на сковороде «крестьянский завтрак», дюжину копчушек, круг колбасы, хотя бы один ломтик деревенского сыра с тмином и запьет это пахтой, то из дому ему будет не выбраться. Вчера он про себя назвал старушку скупердьяйкой, потому что она так и не накрыла стол — уговор есть уговор. Жаль, что Том, который ластится у ног и просится на руки, тоже не едок. Щенок еще испортит себе желудок, тогда Яункалну вообще от дома откажут!

Да, переходить на другую квартиру Тедису отнюдь не хотелось. Он столько лет провел в интернате и в общежитии, что теперь воспринимал деспотическую заботу тетушки Зандбург, как небесную благодать. И чего только этот Кашис вечно недоволен своей тещей?..

На почте Яункалн буквально опешил. Там его поджидала целая компания подростков. Словно на экскурсию собрались! Янка даже прихватил с собой маленькую

сестренку, которую по субботам и воскресеньям отдавали на его попечение.

— Не волнуйтесь, — поспешил отвести возможные упреки Мексиканец Джо. — Это проверенные товарищи, молчать будут как могила.

— Они ни за что не верили, что мы будем участвовать в работе милиции, — пояснил Герберт Третий.

— Мы только проводим вас до магазина, а потом будем сидеть в уголке, — успокоил Рудис.

— А фальшивый приемник у вас в этой сумке? — спросила Кобра.

— Команда, за мной! — лихо приказал Яункалн и тут же осекся: он был готов надавать себе пощечин за это деланно-фамильярное обращение. Неужели ему так и не удастся найти правильный тон в отношениях с ребятами?

Комиссионный магазин находился в угловом доме на центральной улице города. Половину помещения занимал отдел, где продавали обувь, одежду и трикотажные изделия: мужские рубашки и галстуки, дамские блузки, кофточки, тончайшие заграничные колготки, платки с пейзажами экзотических городов и крикливой рекламой производителей косметики, бюстгальтеры и корсеты «грация», способные придать изящество даже дюжим рыбакам, если они только смогут жить не дыша.

На другой стороне шла торговля атрибутами, характерными для нашей эпохи научно-технической революции. Это было царство мужчин, а если туда и забредала изредка представительница прекрасного пола, то лишь для того, чтобы посмотреть нейлоновые парики, непонятно каким образом затесавшиеся среди спиннингов и мотоциклетных шлемов.

Радиосектор удивлял богатым ассортиментом. Рядом с «ВЭФаами» различных выпусков взгляд покупателей ласкали японские «Сони», «Суперсоник», «Сикура», западногерманские «Телефункен» и «Блаупункт», английский «Маркони», американский «Интернэшнл», голландский «Филипс» и другие радиоприемники. Среди телевизоров преобладали советские марки, зато выбор магнитофонов и диктофонов в первую очередь обеспечивался продукцией всемирно известных заводов ФРГ «Ухер» и «Грюндиг». Многие аппараты продавались прямо в завод-

ской упаковке, с инструкциями и гарантийными талонами. Могло сложиться впечатление, будто магазин получает свой товар непосредственно от изготовителей.

Яункалн неторопливо обводил взглядом заставленные техникой полки. Надо же было акклиматизироваться в этом насыщенном электроникой мирке. Надо было также переключиться и на то, что теперь ему предстоит плыть в широком, организованном потоке сбыта, а не брести по мелководью «случайных вещей». Многие — и теперь это, кажется, не вызывало сомнения — сюда приносили не только надоевшие им вещи, но покупали их за границей или в валютных магазинах лишь для того, чтобы перепродать с немалой выгодой. Главным двигателем этой торговли было отнюдь не безденежье, а страсть к наживе.

Нельзя сказать, что в магазине было полно покупателей, тем не менее у прилавка толпились люди и, вывихивая себе шеи, щурясь от ярких бликов света, силились разглядеть, сколько стоит приглянувшаяся им вещь. Продавщица же была им не помощник — ее гораздо больше интересовали ее собственные ноготки, которые она ровняла поставленной на комиссию маникюрной пилочкой. Из того же самого набора были позаимствованы и ножнички, которыми приводила в порядок свои руки девица, обслуживающая сектор часов и украшений. Стоя в профиль к покупателям, она преспокойно обсуждала с продавщицей радиоотдела перспективы на субботний вечер; обе перечисляли своих потенциальных кавалеров по именам и фамилиям, не стесняясь, говорили и об их кошельках и преимуществах общественного положения или недостатках. Вопросы покупателей они рассматривали как досадную помеху и отвечали не всякий раз. Однако они умели определить стоящего покупателя и ласково улыбнуться ему.

Яункална с его свитой продавщица, как видно, не причислила к денежной публике и уж подавно не видела в нем дельца, готового платить услугой за услугу или хотя бы подарить плитку шоколада или флакончик духов.

А потому Тедису пришлось дважды повторить свою просьбу:

— Будьте добры, покажите мне эту «Сикуру»! — И наконец он был вынужден истерически воскликнуть: —

Да выключите вы этот стереоящик, если не слышите, что вам говорят!

Грубость нимало не подействовала на продавщицу: она считала ее неизбежным обстоятельством своей работы и даже не требовала от заведующего бесплатного молока за вредность условий труда. Неохотно отвернувшись от подружки, она лениво прошлась по направлению к Яункалну и приняла картинную позу, опершись на полку.

Тедис сразу стал вежливей.

— Симпатичная девушка, а такая сердитая... Я хотел бы посмотреть вон ту «Сикуру» за полторы сотни.

Продавщица даже не пошевелилась.

— Вы же все равно не купите. Там что-то испорчено, короткие волны не работают. Все только крутят ручки, крутят, а потом назад отдают.

— Почему же не снимаете с продажи?

Продавщица апатично пожала плечами.

— Есть не просит... Может, придет какой-нибудь мастер, который любит покопаться и починить. А так приемничек неплохой, вчера сюда налетела целая банда рижан и расхватала все «Сикуры», кроме этой.

— У меня как раз с собой такой специалист, — Тедис кивнул на Мексиканца Джо. — И если бы у вас нашлась отвертка...

— Если как следует подумать, то она и без коротких волн этих денег стоит. — Продавщица спохватилась, что как-никак ее первейший долг — продать товар. — Два динамика, шестнадцать транзисторов, вольтметр...

Тедис не слушал. Его внимание было приковано к рукам Мексиканца Джо. Тот вывинтил четыре винта и снял заднюю крышку корпуса. Даже не надо было смотреть на заводскую эмблему и надпись «Мэйд ин Джэпэн», чтобы понять, что на этот раз они имеют дело не с «Дзинтаром». Достаточно было того, что детали скомпонованы по-другому. Яункалн не брался судить, который из приемников лучше, чья схема удачней, он был криминалист, а не радиотехник. И все же нельзя было сразу же ставить крышку на место, надо было создать впечатление, будто они искали причину неполадки. Выждав сколько полагается, он, наконец, сказал:

— Благодарю вас!

— Я же знала, что не возьмете, — не без ехидства

заметила продавщица. — Только зря человека затрудняете.

— По правде говоря, мы только хотели посмотреть, нельзя ли поменять, — не совсем к месту пояснил Тедис. — Позавчера ребята купили такую «Сикуру», может, помните, и у них произошла беда. Я вам сейчас покажу.

Яункалн поставил спортивную сумку на прилавок и принялся расстегивать пряжки, украдкой наблюдая за продавщицей. Она не выказывала ни малейшего интереса. Зато Герберт Третий был до того возбужден, что едва не выпустил приемник из трясущихся рук. Он по-прежнему не мог себе простить, что в тот раз не додумался проверить приемник также и изнутри. Когда они покупали, в магазине было еще штук шесть таких же «Сикур», а он простофиля, схватил первую попавшуюся, поймал несколько станций и побежал к кассе, чтобы поскорее избавиться от денег. Вон Яункалн сейчас нисколечко не торопился — так ловко строит из себя деревенского рохлю, что продавщице ни в жизнь не догадаться ни о чем. Герберт Третий посмотрел на Кобру и Мексиканца Джо и понял, что они тоже в восторге от тонкости тактического маневра Яунална.

В действительности же Тедис хотел лишь выиграть время. Его вдруг охватила неуверенность — правильно ли он начал операцию? Не раскрыл ли он карты раньше времени? Однако пути назад не было — нельзя же обмануть надежды ребят, чьи симпатии, кажется, удалось завоевать.

— Видите какое невезенье! — Он развернул расколотый корпус, еще державшийся на двух винтах.

Продавщица развела руками и высокомерно улыбнулась.

— А кто вас заставлял играть им в волейбол? Слишком дорогое удовольствие. Дешевле было купить мячик.

Яункалн покраснел до корней своих льняных волос. Голубые глаза потемнели от смущения.

— Дело не в японском корпусе, с ним все в порядке, вернее, — было в порядке. Хотелось бы знать ваше мнение о том, что внутри. Прочитайте, если умеете, что тут написано. «Дзинтар»! Быть может, вы объясните, почему рижское изделие продаете под японской маркой?

Яункалн сам понимал, что обвинительная речь слишком длинна, этим он позволяет продавщице собраться с мыслями и обдумать ответ. Кстати, она была из тех девушек, что за словом в карман не полезут. Упершись руками в прилавок, она сделала глубокий вдох и перешла в контратаку:

— А почему вы об этом спрашиваете у меня? Не я же принесла в сумке эту коробку, вы сами ее притащили. Где-то взяли искалеченный «Дзинтар» и теперь шантажируете!..

— Вы не станете отрицать, что позавчера продали этим ребятам «Сикуру». Герберт, покажи бирку...

Продавщица с презрением отмахнулась.

— Не требуется... Где тут сказано, что это тот самый ящик? Почему я должна верить вашему шкету?

— А кто вам позволил в нарушение правил торговли продать несовершеннолетнему такую дорогую вещь? Вдруг он украл деньги у родителей?

Выстрел, произведенный Яункалном без прицела, в мишень все-таки попал. Продавщица стала помягче.

— Послушайте, гражданин, у нас тут не фирменный магазин, а комиссионный. Какой товар приносят, я такой и продаю. И силой никого покупать не заставляю. Нравится — плати и забирай товар, не хочешь — ставь на место, привет и до свидания. Этот молодой человек все проверил в моем присутствии, да еще до этого полчаса крутился перед прилавком. Ловил и Монте-Карло, и Лондон, и «Голос Америки», и мало ли что еще. Приемник работал как часы. Мне никто не платит за то, чтобы я еще развинчивала товар. Я не инженер с высшим образованием... Слишком много от меня хотите за семьдесят пять рублей в месяц!

Яункалн очень внимательно прислушивался к голосу продавщицы, но так и не уловил в нем ни одной фальшивой ноты. Разве что долго копившуюся досаду на то, что ей — такой юной, красивой и обаятельной — приходится с утра до вечера томиться в пыльном помещении, в то время когда другие могут загорать на пляже, строить свою личную жизнь. Да еще надо выслушивать всякие идиотские, беспочвенные упреки!

— Поймите меня правильно, у нас нет никаких претензий к вам лично. Мы пришли узнать, кто принес этот

приемник на продажу, чтобы сходить к человеку и поговорить.

— Так надо было и сказать с самого начала, а не кулаками размахивать... Покажите мне бирку!

— По ней ничего нельзя понять. Даже если допустить, что первая буква «р».

— Ступайте к директору, пусть посмотрит в книге. Завтра с утра, сегодня у него выходной... — Голос продавщицы приобрел теперь бархатистость. — Знаете, вы лучше обратитесь к приемщику. В конце концов это он должен отвечать за принятый на комиссию товар. Минуточку...

Она приоткрыла скрытую портьерой дверь и просунула голову в соседнее помещение.

— Там сейчас полно. Посидите или выйдите на солнышко, я вас позову, когда Мендерис освободится.

На улице они чуть не столкнулись с Ренатой Зандбург, в этот момент вылезавшей из микроавтобуса с петухом Рижской киностудии на боку и надписью «Последний улов» над лобовым стеклом. Лицо у нее еще было покрыто смуглым тоном, над верхней губой чернела тень старческих усиков, под расстегнутым летним пальто виднелся простенький халат из темного сатина: накануне, когда тетушка Зандбург играла роль богатой домовладелицы, подошли ее собственные платья, теперь же в эпизоде уборщицы пришлось надеть костюм студии.

— Вижу, вижу, полная неудача! — кричала она. — Ничего, не вешайте нос, сегодня я вас больше не покину.

Выслушав рассказ о разговоре с продавщицей, тетушка Зандбург принялась успокаивать Яункална:

— Ничего, еще ничто не потеряно. Если только эта гусыня не предупредит приемщика, мы его возьмем в такой оборот, что он сам себя выдаст и нам же будет руки целовать. Эмиль Мендерис... Не с такими героями я справлялась! Я ведь знаю, где у него больная мозоль. Если по-хорошему разговаривать не станет, натравлю Викторию, и от него мокрое место останется... Дети, марш в уголок, ждите нас там!

Взяв Яункална под руку, тетушка Зандбург принялась прохаживаться с ним мимо витрин магазина. Заметив отражение своей согбенной спины, Тедис едва удержался от смеха — вот также в английских кинофильмах выглядят мучимые подагрой претенденты на наследство,

когда сопровождают к столу своих родовитых тетушек. Хорошо, что его почти никто не знает в этом городе... Рената Зандбург все говорила и говорила:

— Так всегда бывает, если жены чересчур самоуверенные. Дома Эмиль пикнуть не смеет, ему покурить даже на кухне не разрешается, надо в сад выходить ради пары затяжек. Вообще-то он тихий пьяница и картежник, а при случае и бабник. Что сделала бы я на месте Виктории? Муж как-никак, надо жить вместе. В субботу купили бы пол-литра, перекинулись бы с ним в подкидного, иногда на танцульку выводила бы. А Виктория считает, что можно удержать от всего одними запретами. Ей даже в голову не приходит, что послушный муженек может ходить окольными путями, что в чужую постель можно забраться и среди бела дня, в рабочее время срезаться в карты, тяпнуть коньячку и к вечеру снова быть трезвым, как стеклышко. Полгорода трунит над ней, а Виктория ничего не замечает, как лошадь с шорами на глазах...

Появление продавщицы спасло Яункална от дальнейших подробностей семейной и внебрачной жизни приемщика товаров.

Эмиль Мендерис был мужчиной неопределенного возраста и с трудно запоминающейся внешностью. «Очень удобный облик для преступника, — решил Яункалн. — Такой может незаметно юркнуть в толпу и, никем не замеченный, раствориться в ней». Однако он тут же понял, что против своей воли успел подпасть под влияние досужей болтовни тетушки Зандбург. Нет, Мендерис вовсе не походил на столь часто встречающихся в кинокартинах типичных провинциальных гуляк. Ни усов у него, ни пронзительного взгляда совратителя. С тем же успехом его можно было представить сидящим у банковского окошка и налагающим резолюции на бланки денежных переводов, как и у стола санитарной инспекции на рынке, где ставят печать на привезенных колхозниками кур и индюков. Гладкие, темные волосы, невыразительные глаза, нос с небольшой горбинкой, бледные губы. Личность, обращенная внутрь себя, не оседающая в памяти случайных знакомых. Трудно вообразить такого человека охваченным тайной страстью, скажем, к алкоголю или азартным играм.

Яункалн достал из кармана служебное удостоверение и предъявил приемщику.

— Инспектор уголовного розыска Яункалн. Гражданку Зандбург вы, очевидно, знаете... Мы хотели бы кое-что у вас выяснить.

— Ревизия? — в голосе Мендериса слышалось скорее неудовольствие, нежели испуг.

— Нет, что вы... Мне только нужны сведения о предмете, проданном через ваш магазин.

— Разыскиваете скупщиков краденого?

— Почему вам на ум сразу приходит самое плохое? Пришел для дружеского разговора.

— Чего же тогда суете мне под нос милицейское удостоверение? Хотите запугать?

— Визитных карточек у меня нет. И чтобы потом вы не говорили, что не знаете, с кем имеете дело.

Мера терпения тетушки Зандбург была исчерпана. Если она сию же минуту не вмешается, эти два петуха того гляди сцепятся раньше времени. Усевшись на стул для посетителей, она положила на стол приемщика бирку от «Сикуры».

— Посмотрите, Эмиль, кто пытался сбыть этого фальшивого зайца? Мои мальчишки за сто пятьдесят рублей купили японскую «Сикуру», а когда я проверила, оказалось, это наш обычный «Дзинтар», только обряженный в заграничный чехол.

— Не может быть! — вскочил со стула Мендерис.

— Меня еще никто не уличал во лжи! — тетушка Зандбург бросила пронзительный взгляд на приемщика вещей. — И знаете, почему? Потому что я всегда говорю правду! Мне нечего скрывать. Если не верите, спросите у своей Виктории. — Теперь она уже откровенно угрожала.

Упоминание имени жены мгновенно вышибло боевой дух из Мендериса. Осталась лишь подчеркнутая угодливость.

— Посмотрим, посмотрим, — листая толстую папку с бумагами, пробормотал он. — Если вещь сдана на комиссию, и не прошло три дня, как ее купили, — беда не велика... У нас не то что в Риге, здесь торговый цикл маловат, поэтому скупка и продажа случайных вещей объединена с комиссионной торговлей, все вместе продается в одном магазине... Так я и думал! Ваш Румбинiek давно получил свои деньги и теперь, наверно, умотал за тридевять морей. Извольте! В позапрошлый понедельник

ему выплачены сто тридцать пять рублей. Подпись, дата, все, как в церковной книге.

— А нельзя ли узнать, кто он такой? Откуда?

— А это уже не по правилам... но поскольку мадам Зандбург дружит с моей супругой...

Да, серия и номер паспорта были записаны, равно как место и дата выдачи. Артур Янович Румбинiek прописан и проживает в Вентспилсе.

— А остальные «Сикуры»? — спрашивал Яункалн. — За них тоже деньги сразу заплачены? Нельзя ли это выяснить?

Мендерис начал было протестовать, ссылаться на занятость, но достаточно было тетушке Зандбург разок кашлянуть, как он тут же, вздохнув, покорился судьбе.

Похоже было, что результат проверки удивляет и самого приемщика. Он копался в записях, при этом сникая и как-то чернея прямо на глазах.

— Если поглядеть на дело в общем и целом, — не твердым голосом заговорил, наконец, Мендерис, — то в самом деле странно получается. За последние три месяца «Сикуры» сдавали только два человека — Ева Микельсоне и вот этот Артур Румбинiek.

— И всякий раз по понедельникам, — добавил Яункалн, заглядывая к нему через плечо в документы.

— В этом ничего особенно удивительного нет. На похмелье... — перебила его тетушка Зандбург.

— Можно объяснить и по-другому, — серьезно возразил Мендерис. — Вы вошли через служебный ход и не видели, какая ко мне очередь. Я один; когда приносят нашу продукцию, я могу посмотреть цену в прејскуранте, но часто приходится гадать на кофейной гуще, верить на честное слово. Много заплатишь — страдает оборот, и потом приходится переоценивать, мало — клиента обидишь, и он отвезет товар в Ригу. Все требует времени. Иногда людям приходится подолгу ждать, поэтому многие приходят сюда в свой выходной день, очевидно у этих двоих он в понедельник.

— Гениально, — воскликнула тетушка Зандбург. — Шаг вперед. Это поможет нам разыскать тех, кто торгует «Сикурами».

— К чему такая сложность? — напомнил Яункалн. — У нас же есть их фамилии и адреса.

— Склероз, — разочарованно призналась тетушка Зандбург.

— Товарищ Мендерис, — снова обратился к приемщику Яункалн. — А вы никогда не задавались вопросом, что они за люди, почему так часто продают японские приемники и именно этой фирмы?

— Очевидно, это им выгодно. Вы не знаете специфики нашего города. Здесь бывает много моряков — наших, не иностранных. Придут в Вентспилс на несколько дней и хотят по-настоящему почувствовать, что они в родной стране; одним словом, отпраздновать возвращение... Разве мы можем принимать от них вещи на комиссию и застаблять ждать, куда найдется на них покупатель? Ведь, возможно, это судно никогда больше не ошвартуется в нашем порту. Вот почему мы отчисляем еще три процента и сразу выплачиваем деньги... Извините, я, наверно, слишком подробно рассказываю.

— Как раз наоборот! Каждая мелочь может пригодиться.

— Что касается Микельсоне и Румбиниэка... Все мы малость инертны. Признаюсь, мне было даже выгодно, что они всегда несли одно и то же — цена известна, люди — тоже, никаких жалоб не поступало. Вы первые, и потому позвольте мне выразить уверенность, что это трагическое недоразумение... Кто они такие? Извините, но мы не отдел кадров, не расспрашиваем ни о роде занятий, ни о семейном положении, ни о национальности, ни о возрасте. Мы торговое предприятие, дающее большой доход государству. — С каждой фразой сознание собственной значительности росло в Мендерисе как на дрожжах. — Но это не означает, что в нашей работе нет места для психологии. Полагаю, что оба они близкие родственники моряков. Она — жена, сестра или дочь, он — отец или близкий друг. Местные моряки сами приходят редко. В свое время они снабжали жителей итальянскими плащами, потом бельгийскими настенными ковриками и искусственным кружевом, затем перешли на парики, теперь, очевидно, настало время «Сикур». Может быть, на Канарских островах или на Гибралтаре они нашли местечко, где покупают их без пошлины, за полцены.

Яункалн слушал с неослабевающим интересом. Он,

конечно, и раньше знал, что почти все моряки привозят кое-что для продажи, что эти доходы запланированы в семейном бюджете. Но теперь перед ним раскрывался совершенно чуждый мир со своими законами, мотивами поведения, представлениями о чести и этике.

Мендерис уже во второй раз, близоруко щурясь, сличал показания своих наручных часов со стенными.

— Последний вопрос. Вы можете хотя бы приблизительно описать этих людей?

Мендерис закрыл глаза, словно вызывал их образ перед своим мысленным взором.

— Ничем особым они не выделяются. Артур Румбинiek мужчина пенсионного возраста, среднего роста, очков не носит, с полными щеками и прямым носом. Цвет волос, извините, не скажу, потому как он никогда не снимал шляпу. Вот это и было в нем самое приметное. А Ева Микельсоне? Довольно молодая, стройная, хорошо одевается. Более подробно ничего сказать не могу.

— Большое вам спасибо! — Яункалн встал.

— Постойте, так что же будем делать с вашим приемником?.. Может, оставите, завтра мы вместе с директором напишем акт, попросим в управлении торговли разрешения возместить убыток...

— Благодарю, обязательно зайду. Но на этот раз речь не только о деньгах.

Мендерис вновь помрачнел.

— Понимаю.

«Наверно, все же я дал маху с этим магазином, — по пути в детскую комнату домоуправления упрекал себя Яункалн. — Все можно было разнюхать куда более тонко, скажем, устроить в магазине очередную ревизию. А теперь зря только просигналили преступникам... Впрочем... у меня нет никаких оснований считать Мендериса соучастником аферы. Может, у него и в самом деле не возникало никаких подозрений? Но точно так же неправильно было бы исключить вероятность этой версии. Поэтому нельзя терять время. Сегодня же надо сходить к Артуру Румбиниеку, заодно навеститься и к Микельсоне, надо послушать, что скажут они, пока Мендерис не успел их предупредить. Точно! Надо дать задание Мексиканцу Джо и Герберту Третьему подежурить на углу и последить за приемщиком, если он выйдет из магазина».

Но в детской комнате домоуправления не оказалось ни Мексиканца Джо, ни Герберта. Задание пришлось поручить Янке и его сестричке.

* * *

— Сколько можно разговаривать?! — нервничал Мексиканец Джо и уже в четвертый раз высовывался из окна. — Наверно, Жандармама опять рассказывает про своего незабвенного покойника.

— Или доказывает, что по сравнению с четырнадцатым годом теперь на каждого жителя приходится гораздо больше радиотранзисторов... Реванш? — Герберт Третий расставил фишки новуса.

— Последнюю партию.

Мексиканец Джо нагнулся, держа кий двумя пальцами, долго целился... И промазал.

— Что с тобой? Ты сегодня как в воду опущенный! — заметил Герберт и загнал в лузу две красных фишки. Остальные шесть остались в выгодной позиции — точно на ударе. — Предлагаю ничью. — Он улыбнулся и начал забивать все подряд.

Проиграв «всухую», Мексиканец Джо равнодушно бросил кий на диван.

— Поехали! Ты на велосипеде?

— Ты сегодня никак не успокоишься. Хочется же узнать, как там у них все прошло.

— Успеется. Договорился с Чипом взять у него два свертка и до двенадцати свезти на почту.

— Нашел из-за чего волноваться. Пошли мелюзгу.

— Лучше самим, что-то мне этот бизнес кажется мутноватым. Разве он за чистое дело пообещал бы двадцать пять? Всего два раза сгонять...

— Наверно, не очень надеется, что долг отдадим.

— Все равно. Незачем младенцев сюда впутывать.

У двери Чипа им пришлось долго звонить. Лишь хриплый кашель указывал на то, что в квартире кто-то есть. Наконец хозяин открыл. Пурпурный халат еще сильнее подчеркивал болезненную бледность лица и лихорадочный блеск темных глаз. Впустив мальчишек в коридор, Чип выразительным жестом позвал их за собой и, словно подкошенный, повалился на широкую тахту, занимавшую

без малого половину комнаты. Спустя довольно долгое время, отдышавшись, он полушепотом заговорил:

— Настал мой закат... На этом чертовом колесе, наверно, схватил воспаление легких, нет сил даже сделать хороший грог.

— Может, я сделаю, — сжалился над больным Герберт.

— Исходные материалы в баре. А себе налейте что-нибудь повкуснее.

Коллекция напитков была ослепительная, если даже учесть, что декоративное зеркало удваивало количество бутылок. На почетном месте, среди заграничных виски, джинов, коньяков и советских экспортных водок, стояла длинная бутылка — черный ямайский ром. Этикетка гласила о том, что зелье изготовлено по особому заказу английской королевы для нужд военных моряков.

— Давай прямо так! — Чипу вдруг расхотелось ждать, пока вскипит вода.

Выпил, и его передернуло. На лбу тотчас проступил пот, на щеках — нездоровый румянец.

— Все. В понедельник поплетусь к доктору. Пускай оформляет вторую группу, авось пожарники обойдутся без меня. Уйду на пенсию, все загоню и — прощай, любимый город...

— Не забудь предупредить заблаговременно, — сказал Мексиканец Джо и с завистью окинул взглядом сувениры, привезенные со всех концов земного шара и делавшие комнату-музей образцом безвкусицы.

— Если желаешь получить наследство, первым делом тебе придется обчистить сберкассу. — Глоток алкоголя пробудил в Чипе легкомысленный оптимизм. — А чем плохо тут летом? Другие приезжают, как на курорт, а мне велят эвакуироваться в теплые края... Видите вон те свертки в углу? Берите верхние и везите к почте. Там вас будет ждать один старый хрыч.

— А как мы его узнаем? — Герберт приготовился запомнить сложный текст пароля.

— Вас узнает он. Может, спросит, от Чипа ли... За двумя оставшимися пачками придете завтра утром, в это же время.

Вся операция протекала быстро и без всякой тайнственности — будто они привезли не контрабанду, а сдавали в прачечную узлы с грязным бельем. Знакомый

Чипа встретил ребят на улице, взял у Мексиканца Джо пачки, засунул их в коляску мотоцикла и предупредил:
— Завтра буду чуть пораньше.

Нажал на стартер и укатил.

Когда друзья вернулись в детскую комнату домоуправления, тетушка Зандбург как раз заканчивала свое сообщение:

— Деньги-то мы назад получим, этого добиться нам удалось. Но, посудите сами, это ли главное? Мы обязаны обезвредить преступников, обжуливающих советских граждан.

— Ну, а если это все-таки случайность, недоразумение, как считает приемщик? — возразил Яункалн.

— Что значит — недоразумение? — вскипела тетушка Зандбург. — Наш «Дзинтар» сам залез в японскую шкуру, по-вашему, так?

Какое-то время все подавленно молчали, затем Яункалн заговорил опять; он хотел рассмотреть все варианты.

— А для чего так глупо рисковать? В этом случае у лжи слишком короткие ноги — достаточно снять крышку, чтобы мошенничество выплыло на свет божий. Я склоняюсь к другому варианту. Человек, собравший этот приемник ради собственного удовольствия, даже не подозревал, что другой, скажем, кто-либо из членов семьи, понесет его продавать, в свою очередь не зная, что попадется при первой же замене батарей.

— Ну, не скажите! Чтобы сменить батарейки, зачем отвинчивать всю крышку, для этого сзади есть специальное окошко. А там ничего не написано, — сказал Мексиканец Джо.

— И все же это самоубийство, — настаивал на своем Яункалн.

— Сегодня утром я разобрал нашу «Спидолу». Название стоит только на задней крышке, а на шасси нету, — рассказывал Герберт Третий.

— Ладно, быть по сему, следствие продолжается, — объявил свое решение Яункалн. — Ты, Герберт, сходи в радиомагазин и изучи, как они, эти «Дзинтары», выглядят. Снаружи и внутри... Жаль, что мы не добрались до других «Сикур» и не можем сравнить.

— Нет ничего проще! — тетушка Зандбург ненавидела рассуждения, как зубную боль, зато всегда была готова решать практические проблемы. — У нас на съемках их

было аж две штуки — у директора картины и у этой чванливой рижанки, которая выклянчила себе главную роль. Выпиши мне ордер на обыск. Я узнаю все, даже заклепки пересчитаю, если надо.

— Если кто и может обойтись без официального разрешения, так это вы, — польстил старушке Яункалн. — Люди перед вами сердце свое откроют, не то что какой-то радиоприемник. Скажите им, что вы хотите приобрести такой же, и вам надо взглянуть, какие там батарейки.

— Ничего, я сама придумаю что-нибудь более правдоподобное. Но это займет у меня не меньше часа, у тебя ведь нету служебной машины...

Подталкивая перед собой Герберта Кагайниса, тетушка Зандбург отправилась выполнять оперативное задание. На плечи давил груз ответственности, и ступени скрипели громче обычного. Когда вновь стало тихо, заговорила Кобра, ни на миг не отводившая от Яункална мечтательного взгляда.

— У нас, как в кино про войну. Как будто мы в штабе, во все стороны мчатся вестовые, разведчики доносят о маневрах противника, скоро начнется решающий бой. Я тоже хочу получить задание, товарищ начальник!

— Будешь за ранеными ухаживать, как и полагается женскому полу, — съехидничал Рудис.

— Поди-ка сядь, поможешь думать. — Яункалну стало жаль девочку. — Знаете, что меня смущает? То что приемники приносили в магазин исключительно по понедельникам... и пусть мне зубы не заговаривают баснями про занятость этих людей. Если Румбинiek пенсионер, то ему совершенно все равно, когда сидеть в очереди. Собака зарыта где-то в другом месте.

— А может, по понедельникам в порт приходит какое-нибудь определенное судно, — несмело предположил Славик.

— Не в бровь, а в глаз! Надо узнать, есть ли суда, которые приходят регулярно!

— Это нам раз плюнуть, — похвастался Мексиканец Джо. — Славик, Владик, а ну-ка позвоните фатеру в контору!

— Лучше не звонить. И пока помалкивайте о нашей затее. Скажите, что милиция просила узнать, есть ли такое судно, и куда оно ходит.

Лишь теперь, когда вдруг стало нечего делать, Яункалн почувствовал, что голоден. Странное дело: утром можно съесть хоть два завтрака, а к обеду живот все равно урчит, как будильник. Он достал деньги и дал Райте.

— Пока обстрел не начался, ты могла бы нам раздобыть провизии. Голодный солдат — не вояка.

Зря он надеялся, что теперь сможет спокойно обмозговать все имеющиеся данные, слово за словом вспомнить, что было сказано продавщицей и приемщиком. Рядом топтался Рудис и делал все, чтобы привлечь внимание инспектора.

— Что там у тебя, Рудис? — сжалился наконец Яункалн над парнишкой.

— В пинг не сгоняем разок? Если не умеете, я поучу.

В школьные годы Тедис участвовал даже в первенстве города по настольному теннису, но с тех пор ракетки в руках не держал. Сейчас буквально руки чесались попробовать.

Уже за разминкой Рудис понял, что противник ему попался серьезный, и напрягся, как заведенная пружина. Тедис же пришел к выводу, что хоть и не совсем разучился, но уже не игрок. Неуверенность сковывала движения, вынуждала всякий раз на десятую долю секунды запаздывать. Настоящей реакции не было. Стилль игры Рудиса тоже затруднял, его крученые мячи меняли направление самым непредвиденным образом.

— Сыграем на интерес, — предложил Рудис. — Если выиграю я, вы меня берете к старику Румбиниеку, договорились? Даю пять очков форы!

— Обойдемся без форы!

Тедис никак не мог приноровиться к подачам партнера. Как ни старался, но отбитый шарик всякий раз взлетал высоко над сеткой, и Рудису оставалось лишь вгонять его в любой угол стола. Надо было перехватить инициативу, гасить с подачи, но Тедис не чувствовал в себе уверенности, боялся пойти на риск. С самого начала сета Тедис был загнан в глубокую оборону. Он старался изо всех сил, отразил несколько «гасов» подряд, в прыжке достал несколько обманных мячей, иногда заставлял попотеть и партнера. Однако победа Рудиса не вызывала сомнения. От полного разгрома Яункална спас только приход Янки.

— Мендерис не вылезал из своего чулана. Даже обеденный перерыв просидел там.

— Что ж, прекрасно. Спасибо тебе!

Братья Морозовы вписали добытые сведения в аккуратно разграфленную таблицу. Оказалось, что почти все танкеры ходят, можно сказать, как по рельсам: от порта налива до порта слива, выкачивают нефть и — за новым грузом. Разница была лишь в том, что некоторые отправлялись на Кубу, оттуда в какой-либо из средиземноморских портов и лишь потом домой. В таком далеком рейсе, конечно, нельзя было точно определить день и час прихода. Зато европейским линиям была свойственна точность часового механизма, особенно в летнее время, когда штормит редко.

Тем не менее, ни одно судно по понедельникам не швартовалось и не снималось с якоря. Зато каждую субботу в Вентспилс приходил большой танкер «Булдури», а вечером в воскресенье брал курс на Гамбург с двадцатью тысячами тонн нефти.

Одновременно с Яункалном это заметил также и Янка. И теперь он торжествующе воскликнул:

— Вот, кто возит «Сикуры», точно вам говорю! По воскресеньям коммиссионка барахло не принимает, а в понедельник матросики уже тютю! Они оставляют товар другим, а через неделю приходят за своими тугриками.

Столь же конкретным было и донесение Герберта Третьего. Наболтав продавцам что-то туманное насчет какого-то пари, он провел целую серию экспериментов — проверил семь «Дзинтаров» и ни в одном не обнаружил на шасси названия страны и завода изготовителя. Только шестизначные цифры. Не довольствуясь таким результатом, он копнул глубже и на некоторых деталях обнаружил буквы, обозначающие серии, но как на зло это были буквы, по начертанию совпадающие с русским и латинским алфавитом — «А», «В», «К», «Р». Продавец, видя, как старается парень, тоже заинтересовался и принес со склада два экспортных «Дзинтара» с другими диапазонами коротких волн. В одном они обнаружили то, что Герберт так долго искал: «DZINTAR. MADE IN USSR».

Затем подошел директор и сказал, что эти из самой первой партии, от которой осталось лишь несколько забракованных экземпляров. Теперь фирму и «Знак качества» ставят только на корпусе.

Трудно сказать, дошел ли до ребят смысл этого открытия. Яункалну же стало ясно, что границы дела угрожают изрядно расшириться. Чем дальше, тем казалось менее вероятным, что случилось недоразумение: скорее всего Рената Зандбург невзначай наткнулась на тонко разработанную и с размахом проводимую жульническую махинацию. Ей, как слепой курице зернышко, подвернулось, быть может, единственное слабое звено в цепи — та мелкая небрежность, которая подводит даже самых изощренных преступников.

Надо бы радоваться, но Тедису Яункалну было не по себе. Он далеко не был уверен, что ему удастся распутать этот клубок без помощи опытных товарищей. Разумно ли было кидаться в бой в одиночку? Но какой смысл сейчас докладывать дежурному по милиции? Все равно раньше понедельника никто ничего не начнет, ведь это не убийство, не разбой, когда надо бросаться по горячим следам. Но также важно и не терять времени понапрасну. Надо верить в свои силы; добровольные помощники не должны заметить, что их предводитель мнется в нерешительности. Надо учиться у старухи Зандбург, не признающей никаких сомнений и препятствий. Интересно, какие новости она принесет сегодня...

Информация тетушки Зандбург хорошо вписывалась в общую картину. Оба владельца «Сикур» горячо рекомендовали приобрести японский транзистор — работает отлично. Янсон даже предложил показать, как тщательно, чисто по-японски он сделан. Противную актрису пришлось полчаса уламывать, но потом и она сдалась. Ни в одном, ни в другом радиоприемнике Зандбург даже с помощью лупы не могла углядеть надпись «Дзинтар».

* * *

Артур Румбинiek жил неподалеку в четырехэтажном каменном доме довоенной постройки. Квартиры в нем были трех- и четырехкомнатные — бывшие господские апартаменты; во дворе же стоял флигель с убогими однокомнатными жилищами для трудового люда, с ходом через кухню и удобствами на лестничной галерее.

— Зайду, поболтаю с дворничихой, на собраниях в до-

моуправлении всегда сидим рядом, — сказала тетушка Зандбург и вошла в парадное.

Яункалну с Рудисом дверь открыл сухощавый, довольно высокий мужчина. Протирая очки, он вопросительно глядел на пришельцев.

— Товарищ Румбинiek дома? — спросил Яункалн.

— Стоит перед вами.

— Не может быть!

Ничего другого Яункалн сказать не смог — больно уж внешность этого человека не соответствовала описанию Мендериса. Разве что плешь на затылке могла быть деталью портрета владельца «Сикуры», если только она являлась поводом не обнажать головы.

— С кем имею честь? — хозяин квартиры по-прежнему загораживал собой проход в кухню.

— Мы пришли поговорить по поводу радиоприемника, который позавчера купили в комиссионном магазине. Это ведь вы продали свою «Сикуру»? — и Яункалн уже хотел было раскрыть сумку.

Мужчина не проявил ни малейших признаков беспокойства.

— Впервые слышу. Я не торгую ни приемниками, ни электроприборами, даже электробритвы не держу, бредюсь по старинке.

— Но, по-моему, на ярлыке стоит подпись Румбиниека.

— Наверно, вы ошиблись. Меня часто путают с какими-то Румбиниеками, которые живут испокон веку в Курземе. А я по происхождению рижанин.

— А как же адрес, паспортные данные? Как вы объясните совпадение?

— Ах паспорт... На лице Румбиниека промелькнуло некое подобие улыбки. — Это только лишний раз подтверждает, что нельзя доверять бумажкам. Свой старый паспорт я прошлой осенью потерял, вернее сказать, у меня его украли, но мне посоветовали написать в заявлении, что, мол, потерял, — тогда не заведут канительное уголовное дело. Можете спросить в милиции, если только сами вы не оттуда... Теперь мою личность удостоверяет новый паспорт.

— Не расскажите ли, как это произошло?

— Очень просто — прилепили карточку, поставили печать... Ах, вы насчет старого паспорта? Гостил в Риге у друзей, пошел во Дворец спорта на хоккей, играло наше

«Динамо» с юношеской сборной Союза, сейчас скажу, когда это было... восьмого октября, в понедельник, болел за наших во всю! А дома обнаружил — бумажник с деньгами и всеми документами увел какой-то карманник. Я даже не почувствовал. Так что вы со своими претензиями обращайтесь к тому гражданину. Заодно скажите, чтобы вернул мне тридцать восемь рублей. Половина пенсии на дороге не валяется.

Дверь закрылась.

— Звучит правдоподобно, верно? — спросил Яункалн, желая сравнить свое впечатление с выводами Рудиса. — С настоящим паспортом и адресом риск слишком велик. А кто станет в комиссионном магазине сличать фотографию! Я и сам однажды, еще в школе, предъявил документы брата... Да, этого старика обработали чистенько...

— Ничего удивительного. Он такой рассеянный, что даже дни путает, — сказал Рудис. — Восьмого октября хоккей не состоялся, я это точно помню. Весь свой день рождения просидел у телевизора и не дождался. Из-за тумана юношеская сборная прилетела на день позже, но и на другой день не показывали, потому что была передача из Оперы.

А Яункалн еще сетовал на то, что вынужден работать без квалифицированной помощи...

Второй помощник тоже не заставил себя долго ждать...

— И болтливы же все-таки эти бабы! — с досадой начала тетушка Зандбург. — С утра польет тротуар, а потом только и дела, что язык чесать целый день... Этот Румбиниек живет здесь пятый год. Как вышел на пенсию, так поменял рижскую квартиру и переехал сюда, считает, что здесь жизнь дешевле. Перед войной у него в Риге была какая-то своя мастерская. Он и нынче соседям чинит за трояк — кому швейную машину, кому кофеварку электрическую. Но по большей части все гуляет, иногда целыми неделями домой не является.

Яункалн сосредоточенно слушал, старался подвергнуть анализу каждое слово, точнее взвесить, рассмотреть, не бросает ли какой-нибудь мелкий фактик тень на потенциального афериста Румбиниека. Прямо в понедельник надо обязательно проверить путаницу с хоккеем и попытаться изучить поподробней биографию старого мастерового, круг его здешних знакомых, хотя как-то не верилось, что среди них могут оказаться роковые женщины

и запутавшиеся в долгах моряки. Но каким иным способом можно заполучить японские «Сикеры» или, по крайней мере, корпуса от них? Нет, интуиция подсказывала, что хитроумный план махинации зародился и был выношен в куда более изощренном мозге, вряд ли такое мог измыслить работяга на пенсии, который не в состоянии даже запомнить дату хоккейного матча.

— Следующая остановка — Ева Микельсоне! — лихо объявил Яункалн и дал Рудису адрес. — Если далеко, поедem на автобусе. За мой счет.

Улица, указанная в паспорте Микельсоне, находилась на другом конце города. Яункалн с удовольствием остановил бы такси, потому что с непривычки устал от матча в настольный теннис. Однако он понимал, что при своей теперешней зарплате не может себе позволить такое мотовство.

Автобус доставил их почти до цели пути — небольшого домика на тихой улочке в Парвенте. Хозяин поливал в саду клумбы и все сведения сообщал через забор.

— Опоздали, молодой человек, наша барышня себе в интерклубе муженька приглядела. — Владелец уютного домика всячески старался быть остроумным. — На рождество сыграла свадьбу с таким бравым штурманом, что любо-дорого смотреть. Может, вы на смотрины первенца, но нельзя же так — с пустыми руками. Срезать вам тюльпанов?

— Тогда надо бы заодно и адрес, — тетушке Зандбург такой разговор пришелся весьма по вкусу.

— Золотые слова! — И, повернувшись к окну, хозяин позвал: — Айна, скажи, каким курсом идти к Еве, в ее новый порт приписки.

— Чего ты орешь, как судовой ревун в тумане! — в окне появилась белокурая женская голова. — Штука-турка с потолка сыплется... Вы уж простите, мой на берегу всегда под парами...

— Сама сорок лет состояла благоверной капитана, — сочувственно сказала тетушка Зандбург. — На пятак выпьет, а потом шумит на целый...

— Вы обещали сказать адрес, — напомнил Яункалн.

— В том-то и беда, что не знаю адреса. Могу только рассказать дорогу. Новые дома пароходства знаете? Второй с того конца, не там, где булочная, а в следующем,

надо подняться на самый верх и направо, нет, все-таки налево, там на двери табличка — «Лукстыня». Это ее свекровь, впрочем, Евочка теперь ведь тоже Лукстыня.

* * *

Еву Лукстынь вполне можно было назвать красавицей. Совершенно непонятно, как получилось, что Мендерис не обратил внимание на классические черты ее лица... Яункалн с нескрываемым восхищением смотрел на жгуче черные волосы Евы, удивительной синевы глаза, чуть вздернутый носик и приветливую улыбку алых губ.

За три года работы инструктором в клубе моряков Ева привыкла к обращенным на нее восторженным взглядам: ежевечерне ей приходилось выслушивать множество комплиментов на самых разных языках и, по крайней мере, одно предложение руки и сердца.

Очевидно, Яункалн почувствовал неловкость от затянувшегося молчания, потому что вдруг достал из кармана красное удостоверение и коротко пояснил:

— Из милиции!

— Неужели нашелся мой старый паспорт?

Теперь можно было преспокойно попросить извинения и откланяться, тем более, что Яункалн нечто подобное предполагал, ведь наивно было бы думать, что он тут обнаружит нелегальную мастерскую по переделке радиоприемников; мужа, который доставляет японские корпуса, и жену, реализующую готовую продукцию... Но Ева Лукстыня продолжала с тем же оживлением:

— Вы не представляете, какие у меня были неприятности! Пропали комсомольский билет и служебное удостоверение, без которого нельзя пройти на территорию порта и посещать иностранные суда. Даже свадьбу пришлось отложить, потому что в загсе отказались регистрировать нас без паспорта.

— Где же вы его посеяли?

— Если б я знала, давно бы сходила и нашла!

— А что же ты, невестушка, гостей в дом не зовешь?

В коридор вышла вполне еще привлекательная женщина лет пятидесяти, голова в бигуди была у нее повязана прозрачной нейлоновой косынкой. Все остальные предметы одежды на ней тоже были иностранного проис-

хождения, включая золотистые домашние туфли с вызывающе задранном носком.

— Чайник вскипел, предложи гостям чашечку кофе и чего-нибудь покрепче.

Яункалн хотел было отказаться, но тетушка Зандбург опередила его:

— Рюмочку сладкого — с удовольствием!

— Господи, да это же мадам Зандбург! Как я рада вас видеть! — воскликнула свекровь Евы. — Где то время, когда мы с вами заседали в дамском комитете порта! Помните, я всегда спешила укладывать моего крошку Эгона спать. А теперь он плавает штурманом, скоро в капитаны выйдет... Входите, дорогая, поможете мне собрать на стол.

В обстановке гостиной немного говорило о том, что работа хозяев квартиры связана с морем, — это были вымпел клуба на журнальном столике, модель парусника в стеклянном футляре и фотопортрет стройного морского офицера — очевидно, Эгона Лукстыня — в рамке на стене. Перехватив оценивающий взгляд Яункална, Ева сказала:

— Пока что нам не до роскоши — сперва надо просто устроиться по-человечески. Так что запрещаю мужу зря сорить деньгами. Сейчас копим валюту на стереорадиолу. На этом ни пластинки послушать, ни на ленту записать.

Лишь сейчас Яункалн увидел на подоконнике «Сиккуру». Он покосился на Рудиса и понял, что парнишка заметил транзистор еще раньше.

— Наверно, тоже не очень дешевое удовольствие... Здесь купили?

— Что вы! В Гамбурге эти приемники продают за полцены — без пошлины. На нашем торговом флоте они теперь в большой моде. Даже в вентспилсской комиссионке их полным-полно, хотела продать, но не взяли на комиссию.

Яункалн силился понять, ради чего Ева все это ему рассказывает — от болтливости, для поддержания разговора или с расчетом отвести возможные обвинения. Так и не придя к окончательному выводу, он все-таки не удержался от вопроса:

— Моя просьба, быть может, покажется вам весьма странной, но все же попытайтесь вспомнить. Приемщик

отказал вам до того, как вы предъявили паспорт, или после?

Ева мучительно напрягала память, даже прикусила нижнюю губу.

— Право, не помню, это было полгода тому назад. Теперь даже не уверена, был ли это Мендерис, скорее всего, я сперва переговорила с продавщицей насчет конъюнктуры... Вы в самом деле все еще ищете мой паспорт?

— Мне очень важно знать, при каких обстоятельствах вы его потеряли.

Ева смутилась и в нерешительности молчала. Наконец поборола чувство неловкости и сказала Рудису:

— Мальчик, возьми приемник и пройди на кухню, попробуй найти хорошую музыку...

Она села напротив Яункална и вполголоса стала рассказывать...

— Это было...

В этот момент в комнату вошли тетушка Зандбург и свекровь с кофейником и молочником на подносе.

— Это было так давно, — повторила Ева уже совсем другим тоном. — Очевидно, я забыла его на скамейке в поезде.

— Шабаш, дети! — громко сказала тетушка Зандбург, по-видимому, еще на кухне принявшая рюмочку ликера. — Шерлок Холмс отдыхал, пиликая на скрипке. А мы будем пить кофе.

День третий

На этот раз к Мексиканцу Джо и Герберту Третьему присоединилась Кобра. По воскресеньям она не любила оставаться дома. Ее мать работала на рыбоконсервной фабрике и так уставала, что после работы ни о чем другом не мечтала, кроме как о чашке горячего чая и о постели. А первую половину субботы она предпочитала проводить в бане и у парикмахерши, затем тщательно переделывала и утюжила выбранное к вечеру выходное платье и отправлялась куда-нибудь в клуб или в парк на танцы. И оттуда уж никогда не приходила домой одна.

С тех пор, как Райта стала спать в комнате покойной бабушки, ночные гости ее не слишком беспокоили. Мать больше не пыталась заговаривать ей зубы сказками про

«нового папу» или оставшегося без крова дядю. Дочка уже выросла, и отчего же двум разумным женщинам не поладить без лицемерия и фальши? Больше всего Райту раздражали похмельные завтраки, когда ей, как правило, приходилось бегать за поллитром или четвертинкой — в зависимости от того, сколько было выпито накануне вечером; противны были неубранная постель, свалявшиеся волосы матери и ее развязный смех, сальные взгляды гостя, с каждой выпитой рюмкой все чаще переползавшие с матери на дочь. Поэтому по выходным дням Кобра старалась вставать раньше обычного и исчезать из дому до позднего вечера, когда в доме снова воцарялся порядок и мать варила суп на предстоящие два рабочих дня.

Кобра никогда не рассказывала друзьям, как ей живется дома. Каждый сам мыкает свое горе. Поэтому ребята и старались держаться вместе и суховатой дружбой подростков компенсировать отсутствие тепла и сердечности в семье.

Вот и сегодня они говорили не о своих будничных невзгодах; куда интересней было обсудить результаты поиска преступников.

— Надо было сразу брать ее, а они расселись кофе распивать.

— Милиционер он и есть милиционер! — презрительно махнув рукой, высказался Мексиканец Джо.

— Рудис ведь хотел остаться на кухне и там проверить «Сикуру», — все никак не мог успокоиться Герберт. — По крайней мере хоть что-то было бы выяснено.

— И все-таки Яункалн мне нравится, — твердо заявила Кобра.

— Как он не понимает, что у этой дамочки все козыри на руках. Видали, как разодета! Думаете, иностранные моряки ходят в клуб на танцы или на лекции? Им охота выпить настоящей советской водяры, черной икорки рубануть!

— Ты там когда-нибудь был?

— Мне братан рассказывал. Он там в оркестре на гитаре бренчит... А денег им жалко. Двадцать западногерманских марок едва хватает на пол-литра. Значит, им намного выгодней платить товаром.

— И ты своим умом допер, что они могут привозить пустые корпуса от транзисторов? — Мексиканец Джо аж присвистнул: вот это голова!

— Почему я? Бывшая Микельсониха доперла. Иностранцы тоже ходят в регулярные рейсы. Они запросто могут привозить, что угодно. На худой конец у нее самой муж моряк, поди, докажи, кто что привез. А завинтить пару винтиков любой дурак может, не обязательно быть радиотехником.

Догадливость Герберта Третьего привела Кобру в восторг, но зато Мексиканец Джо начал терять интерес к делу.

— Знаете, чего я скажу? Пускай мелюзга играет себе в эти игрушки. Как в театре: тут тебе и чудачка-тетка, тут тебе и фальшивые близнецы. А нам надо делать деньги!..

Чип чувствовал себя гораздо лучше, больше не говорил ни о добровольной ссылке, ни о близкой кончине. Но эта вспышка энергии тоже носила скорей всего болезненный характер.

— Вы, ребята, поймите: эпоха самостоятельности давно прошла. Сегодня необходимо объединяться, кооперировать, — Вы что — газет не читаете? Сколько вы можете заработать в школе на сигаретах и жвачке? За неделю по пятерке на рыло. А попытаетесь торговать в другом месте, быстро накроют. И это потому, что нельзя все загребать только себе. Надо делиться с другими, а они тоже чем-то помогут, дадут дельный совет. Взаимная экономическая помощь или раздел сфер влияния — может, вам в школе говорили, что это означает. Никакой эксплуатации, каждому по заслугам.

— Ты много говоришь, белый человек, скажи же, наконец, что-нибудь! — перебил его Мексиканец Джо.

— Ты прав, вождь краснокожих. — Чип ничуть не обиделся. — Каждое мгновение — это деньги! В особенности сейчас, когда надо использовать киноконъюнктуру. Три часа я дрог на том чертовом колесе, и за это мне отслюнявили жалкую пятерку. Зато за те же три часа я им всучил весь запас жвачки и заколотил на этом еще пару красненьких. А это только начало... Двое актеров интересовались открытками; обещал сегодня подослать с вами.

Вообще-то Мексиканцу Джо было безразлично, чем торговать, однако в присутствии Кобры он постеснялся связываться с бизнесом этого сорта.

— Обещать легко. А я не стану пачкать руки об эти картинки.

— Помилуй, о чем ты говоришь, друг мой? Я честный спекулянт. Никогда не иду на противозаконные махинации — ни с оружием, ни с наркотиками, ни с порнографией. Если хочешь со мной работать, заруби себе это на носу! — Чип перешел почти на патетический тон. — Обыкновенные японские открытки, надежность — сто процентов! Просто девочка подмигивает, улыбается, ну, скидывает кимонишко. Можно продавать хоть на церковной паперти после молебна... По рублю за штуку, и ни копейки дешевле, имейте в виду! А тебе, Кобра, дам полдюжины зонтиков — карликовых и на пружине, один ассистент оператора просил.

Он взволнованно ходил по комнате, прикидывая в уме, какой еще товар можно сразу же сбыть через агентов только что возникшей торговой фирмы.

— Я бы и сам отправился в это Эльдorado, но доктор строго-настрого приказал не выходить из дому... Да, прихватите еще парочку часов «Атлантик». Дрянь, конечно, но в Риге они в большой цене. Одним словом, мой товар, ваша работа, доходы пополам. Но — по-честному! Еще никому не принесло выгоды меня надуть.

Сложив «товар» в сумку, ребята взяли свертки и собрались идти. Всех троих радовала перспектива легко и быстро разбогатеть. Только у одного Герберта не выходила из головы мысль о злополучном транзисторе. То, что Яункалну удастся арестовать банду мошенников, весьма сомнительно, хотя деньги за приемник им, конечно, отдадут — уж этого-то инспектор добьется. А дальше? Вернуть старухе ее пай и успокоиться на «Дзинтаре», столь наглядно доказавшем свое отличное качество? Опять связаться с Жандармой и раздобыть настоящую «Сикиру»? А может, сколотить собственный капитал и купить приемник, который будет безраздельно принадлежать ему одному? Можно будет послушать дома, взять на пляж, включать и выключать когда вздумается, слушать хоть футбольный матч, хоть трансляцию оперы! Ради этого стоило запродать душу самому дьяволу, не только Чипу...

Мексиканец Джо не строил никаких конкретных планов. Ему страшно понравилась где-то услышанная фраза: «Жизнь это вечное, непрерывное движение». Куда и ради

чего — не так уж важно. Главное — двигаться, действовать! Знать, что в кармане у тебя всегда водятся деньги, что сегодня ты можешь купить водолазные часы, завтра их загнать, чтобы купить джинсы, можешь сидеть в первом ряду балкона в кинотеатре, можешь кататься на такси, чувствовать себя свободным и независимым.

Кобра редко затрудняла себя мыслями о собственной выгоде; ее расположение духа, как правило, зависело от настроения других. Но как раз сейчас ей не нравилось настроение друзей. Где-то, в чем-то обозначилась крохотная трещинка, грозившая раздаться вширь. Кобра не понимала, где зарыта собака, но чувствовала, что обычного единодушия нету. Еще позавчера «бизнесмены» хоть и спорили из-за пустяков, хоть и поддевали друг дружку при всяком удобном случае, но то, что взрослые суть инородные тела в окружающей среде, что, по возможности, следует избегать с ними соприкосновения, было непреложной истиной для всех. Теперь в их среду ворвалось несколько подобных инородных тел, которые завладевали все большим и большим местом в жизни их компании. Во-первых, это была старуха Зандбург с ее внезапной и щедрой доброжелательностью; затем откуда ни возьмись выплыл этот довольно-таки симпатичный милиционер и сразу стал всем распоряжаться; теперь же у них на шее оказался еще и Чип, с которым раньше никто не желал знаться; он рассыпался в двусмысленной лести и сулил за красивые глаза, можно сказать, златые горы... Нет, надо держаться вместе и не допускать раскола на группы вокруг Яункална и Чипа. Она была единственной девочкой в этой бражке, и она должна добиться, чтобы дух дружбы был возрожден! Кобре казалось, что она нащупала самый верный путь к этой цели, — мужчины, они ведь как дети: подари им новую игрушку, и они позабудут обо всем... Только бы удалось подзаработать достаточно денег, и она сегодня же купила бы у одного парня с ее улицы подержанный, но еще почти новый мопед, и тогда, наконец, у «бизнесменов» появился бы свой собственный настоящий транспорт...

— Ну, счастливо! — сказал на прощанье Чип. — Жду вас вечером с мешком денег. Да! Заодно прислушайтесь, может, кто из рижан жаждет заполучить «Сикуру».

Герберт Третий повернулся на каблуках и ломающимся от волнения голосом спросил:

— Ты и японскими приемниками торгуешь? Оптом?

— Все начинается с малости, — уклончиво ответил Чип. — В комиссионке, говорят, сейчас нету. Если выложат на бочку приличную сумму, отдам свой ящик. А там видно будет.

* * *

Да, у Герберта Кагайниса были уже две, и как будто вполне надежные, версии, в то время как у Тедиса Яункална не сложилось еще ни одной. Теоретически, как продавщица комиссионного магазина, так и приемщик могли быть замешаны в этой афере, потому что опытный мошенник, пускаясь в столь рискованный путь, наверняка подмазал колеса своей телеги, выровнял себе дорогу взятками. Но доказательства? В университете никто не отрицал важности знания человеческой природы, психологии, роли воображения и интуиции, однако на первое место неизменно ставили презумпцию невиновности. Всякий, против кого не свидетельствуют неопровержимые факты, — не виновен; даже признание обвиняемого требуется подкрепить вещественными доказательствами. Если дать волю фантазии, с тем же успехом можно было заподозрить и тетушку Зандбург. У нее-то были все возможности вытащить японские детали из приемника и продать их... До какой чуши не додумаешься, когда мучит бессонница!

Следовательно, надо придерживаться фактов. Не исключено, что одним из таких фактов можно посчитать необъяснимое с логической точки зрения совпадение: как у Румбиниека, так и у Микельсоне-Лукстынь паспорта исчезли при довольно-таки загадочных обстоятельствах. Быть может, они были заранее намечены в качестве объектов? Но с тем же успехом... Нить Яункалновых рассуждений оборвалась... Если бы вчера так некстати не вошла свекровь, Ева, наверно, смогла бы связно рассказать, как все произошло. Надо сходить к ней в Интерклуб и продолжить прерванный разговор. Надо проверить и путаницу с датой хоккейного матча. Жаль, что у тетушки Зандбург нет телефона, а то он прямо сейчас позвонил

бы в Ригу, во Дворец спорта. Ах да, сегодня воскресенье — в канцелярии никого не будет...

На дворе светило солнце. Свежий ветер за окном встряхивал листву на яблонях, в море, наверно, была изрядная волна — прямо как по заказу режиссера Крейцманиса. В дверь настойчиво скребся Томик, уже научившийся залезать на второй этаж. Ничего не попишешь, придется встать.

* * *

...Директор комиссионного магазина принял Яункална вежливо, но подчеркнуто официально. Впоследствии Тедису бесчисленное множество раз придется убедиться, что милицейское служебное удостоверение, к сожалению, ни в коей мере не является волшебной палочкой, вызывающей людей на откровенность и готовность пойти навстречу. Лишь в конце разговора Тедис понял, что сдержанность — черта характера директора, выражающаяся как в поведении, так и в манере одеваться. Казалось, этот, в общем, молодой еще человек — по-видимому, ему едва перевалило за тридцать — облачен в полиэтиленовую, застегнутую доверху накидку, защищавшую его от страстей других людей и не позволявшую вырваться наружу его собственным эмоциям. Тщательно причесанные волосы были разделены прямым пробором, щеки и подбородок гладко выбриты и слегка припудрены, черные глаза равнодушно взирали на посетителя.

— Мне уже докладывали о неприятности с вами, товарищ инспектор. Не волнуйтесь, мы все уладим. Напишите заявление, оставьте приемник, и завтра мы выплатим деньги.

— Деньги не главное. Мне хотелось бы понять, каким образом могло произойти такое неприятное недоразумение.

Директор пожал плечами.

— В нашем обществе любой может допустить оплошность. Запланируют экономисты завод, построят, а потом видят, что тут он ни к чему. Нет ни сырья, ни рабочей силы, ни транспортной сети. Фабрикам даже процент брака планируют. Но стоит совершить ошибку работнику торговли, сразу же быют в набат. На него вешают все

смертные грехи... Мы, разумеется, сделаем все, чтобы подобные случаи не повторялись. Впредь я буду лично проверять каждую «Сикуру».

— Вам не кажется странным, что эти приемники поступают в магазин исключительно по понедельникам? — спросил Яункалн, вопреки намекам директора, всячески показывавшего, что он занят и разговор окончен.

— Да, заметил, но не считаю нужным придавать этому особое значение. Именно по понедельникам у нас наибольший наплыв. Зачастую я и сам выхожу помочь с приемкой.

— Тогда, значит, вы видели тех, кто приносит «Сикуры»...

— Разумеется.

— И вы можете их описать?

— У меня плохая зрительная память. Румбиниека на улице ни за что не узнал бы. Но мимо Евы Микельсоне ни один мужчина не пройдет равнодушно. Исключительно привлекательная особа. Капельку полновата, но в остальном — как из модного журнала. Блондинка, голубые глаза и все такое прочее.

Подобная оценка внешности могла бы соответствовать Еве Лукстынь, но только стопроцентный дальтоник мог увидеть блондинку в этой жгучей брюнетке.

— Простите, у меня к вам еще вопрос, — Яункалну не хотелось уходить не солоно хлебавши, поэтому он спросил без обиняков. — А за приемщика вы можете поручиться?

— В противном случае он не работал бы моим заместителем!

Продолжать расспросы далее было бессмысленно. Яункалн отставил стул.

— Ваше заявление, — напомнил директор.

— Я не захватил с собой приемник, зайду во вторник, — соврал Яункалн. — Завтра у меня нет ни минуты свободного времени.

Директор вежливо проводил его до двери и бесшумно прикрыл ее за посетителем.

Продавщица улыбнулась Яункалну, как старому знакомому.

— Чем вас порадовал наш Имант Гринцитис? Успел прочесть лекцию о том, что служащие магазина должны приобретать вещи только отечественного производства, что надо быть взаимно вежливыми? Не завидую

женщине, которую он когда-либо осчастливит и приведет в свою ледяную крепость...

— Быть может, он только на работе такой сухарь?

Продавщица с недоверием покачала головой.

— Ни разу не видала, чтобы сюда заглянул хоть кто-то из его знакомых. Скажем, попросить, чтобы отложили какую-нибудь вещь из ходовых, назначить на нее цену повыгодней. Даже по понедельникам, когда он сам принимает вещи на комиссию.

— Вместе с Мендерисом?

— Нет, что вы! Эмиль выклянчил себе дополнительный выходной и по понедельникам подрабатывает тайком от жены. Разъезжает по району и проводит ревизии в обществах потребсоюза. Он у нас дипломированный бухгалтер.

— Но на товарном ярлыке «Сикуры» стоит его подпись. А приемник принят в понедельник, — заметил Яункалн.

— Все может быть... Я уж и так слишком много вам наболтала. — Продавщица слащаво улыбнулась и, колыхая бедрами в замшевой мини-юбочке, отправилась обслуживать какого-то особо нетерпеливого покупателя.

* * *

Место, где происходила киносъемка, Яункалн заметил издали. Тут околачивались все, кого северный ветер прогнал с пляжа. Пришлось дважды предъявлять милицеское удостоверение, чтобы прорваться к веревкам, отгораживавшим съемочную площадку от любопытных и служившим своего рода границей между временами минувшими и днем сегодняшним. На этом подобии боксерского ринга стоял музейный дом зажиточного рыбака, вокруг были понастроены декорации: фасады других домиков селения.

— Да скорее же, скорей! — возбужденно кричал Крейцманис, показывая соломенной шляпой на проглянувшее из туч солнце.

— Мотор!

Щелкнула деревянная хлопушка.

Катясь на тележке, которую везли четыре ассистента, Лилия Дунце снимала молодую пару, сидевшую в об-

нимку на садовой скамейке. Будущая учительница была в платье из бумажного жоржета и в белых полотняных туфлях на высоком каблуке. Зато жених был расфуфырен по всем правилам довоенного шика. Лишь некоторое время спустя Яункалн вспомнил, где он уже видел эти фланелевые брюки и пиджак. Приблизительно такой костюм был на этом хлыще Чипе, в прошлый раз говорившем с Мексиканцем Джо.

Он огляделся по сторонам. Похоже было, тут собралось полгорода. По-воскресному принарядившиеся вентспилсцы с детьми и без оных, стайки молодежи, среди которых мелькали темные формы воспитанников профтехучилищ. Велосипеды, мотоциклы, «Жигули». Всеобщее внимание было приковано к поцелую на скамейке, а также к тетушке Зандбург, следившей за юной парой из окна соседнего дома. Внимание к ним ослабло лишь тогда, когда раздались выкрики: «Мороженое! Пломбир с изюмом! Приготовьте мелочь!» — и продавщица остановила голубую тележку в самой гуще публики.

Кинооператор успела заснять всего лишь несколько метров, поскольку солнце как назло вовсе скрылось за тучами.

— Это не солнце, а какой-то дефицитный промтовар! — сетовал режиссер и дал директору картины несколько моент. — Будте добры, Янсон, купите мне две порции.

Убедившись, что облачность наползла довольно-таки обширная, другие члены съемочной группы оставили площадку и смешались с толпой горожан. Особенную торопливость проявил исполнитель главной роли, побежавший в лошинку между двумя дюнами, где Яункалн еще раньше видел рыжую шевелюру Кобры. Заметив, что такой же притягательной силой обладает Мексиканец Джо с Гербертом Третьим, он пришел к выводу, что его добровольные помощники могут успешно совмещать свои общественно полезные действия с коммерческими для личной выгоды.

«Надо внимательней следить за ними, — решил для себя Яункалн. — Нельзя забывать, что я имею дело с трудновоспитуемыми».

Однако в данный момент ему не удалось уточнить, чем заняты эти шалопаи, поскольку у тетушки Зандбург были куда более важные заботы,

— Ты видал? — фамильярно спросила она. — Ведь никто не скажет, что я там балансировала, как курица на жердочке! Играла совершенно естественно, верно? Как будто позади меня была уютная меблированная квартира. Вот только мужа в ней нету, потому и такая зависть к чужому счастью... Эту сверхзадачу мне поставил режиссер...

Наконец она успокоилась. Однако, услышав последние новости, тотчас оживилась вновь:

— А знаешь, эта история начинает мне нравиться — чем дальше в лес, тем больше дров! Надеюсь, ты не забыл предупредить директора, чтобы позвонил в милицию, если завтра заявится кто-либо из этих типов?

— Чуть было не сотворил такую глупость.

Тетушка Зандбург, юные «бизнесмены» да и все прочее действовало ему сегодня на нервы, но больше всего — его собственная внутренняя неуверенность. Вроде бы почва под ногами еще прощупывалась, но сумерки сгущались и, того гляди, он потеряет верное направление. Тогда будет поздно спрашивать совета.

Перед тем, как отправиться сюда, Яункалн зашел в отдел милиции. В дежурной части у телефонов и радиоаппаратуры сидел довольно угрюмого вида капитан и читал «Охоту и рыболовство». Рядом молоденький старшина сонно двигал по доске шашки, сам с собой разыгрывая партию. Как видно, городские пьянчужки еще не проснулись. Не отличавшийся связностью рассказ Яункална дежурный выслушал с вежливым любопытством, как, скажем, радиопередачу о потрясающих событиях в некоем невеликом африканском государстве.

— Жаль, что майор Блумберг уехал в Ригу, — посетовал капитан. — Уголовные дела, вроде этого, он обычно берет под свой личный надзор... Ну, ничего, завтра поговорите с Селецким; если не ошибаюсь, комиссионный магазин — в его епархии. А сведения из Риги я запрошу сегодня же... — И он предложил Яункалну сигарету...

Тетушке Зандбург ничего не было известно о безрезультатных шагах, предпринятых нынешним утром, и потому она уже изготовилась огрызнуться, но, поглядев в глаза Яункалну, проглотила ехидное замечание о цыплятах-казнайках и умудренной жизненным опытом курице. Этот паренек, который годился ей во внуки, нуждается

в умной поддержке, а не в критике. Интуиция подсказывала тетушке Зандбург, что Тедис сам знает, что делать не следовало бы, но он никак не может придумать, что же в конце концов сделать необходимо.

— По-твоему, директор тоже замешан? — догадалась она о сомнениях Яункална.

— Не думаю. Но там не все чисто. Почему Мендерис не сказал, что по понедельникам он, как правило, не работает, и словесный портрет Румбиниека оттараторил так, будто вызубрил заранее? Почему директор умолчал о том, что эти «Сикуры» принимал самолично? И с чего вдруг продавщица такая разговорчивая, кому и за что она хочет насолить?.. Я вот боюсь, не слишком ли запугал их, не вышел ли из роли потерпевшего покупателя? Когда угрожают серьезные неприятности, даже последний скупердяй готов раскошелиться, лишь бы никто посторонний не совал носа в его лавочку.

Наверо, впервые в жизни тетушка Зандбург кому-то позволила высказаться столь пространно. Ей было от души жаль несообразительного молодого человека, мучительно пытавшегося открыть америку. Для нее дальнейший план действий был давно ясен.

— Ладно, велю своим покараулить у дверей магазина и дать знать, как только появятся деляги.

— А как они их узнают? Может, словесный портрет высосан из пальца? Даже я не мог бы так подробно описать облик человека, которого видел мимоходом... Нет, эту жертву придется принести вам самой. Завтра, поскольку по воскресеньям там нет приема вещей. Директор вас не знает, продавщица видела лишь мельком. Возьмите с собой книжку и посидите с ожидающими за дверью приемочной, понаблюдайте за людьми. «Сикура» ведь не спичечный коробок, за пазухой или в чулке не спрятать. Если начнут приставать с расспросами, скажите, что заняли очередь для родственника.

— Хорошо, что завтра нету съемок, — Зандбург выразила свое согласие в несколько завуалированной форме: было бы ниже ее достоинства позволить распоряжаться собой как подчиненной. — Кино пленку повезут в Ригу проявлять. А то вдруг — брак.

— Товарищи, по местам! — слышался усиленный мегафоном голос помрежа.

Семейство Морозовых проживало в одном из первых домов, выстроенных в районе порта. Вход был не со стороны улицы, а со двора, где развевалось на ветру развешанное для просушки белье, заменявшее сейчас ребятам сетку для бадминтона. Правда, противники друг друга не видели, но от этого игра была только интересней и шумнее.

Славика и Владика на дворе не было.

Яункалн поднялся на третий этаж и нажал кнопку звонка. «Будто районный врач, целый день стучусь в чужие двери», — подумал он и на всякий случай подергал дверную ручку.

Дверь открылась.

— Есть кто дома?

— Заходи! — отозвался глуховатый голос.

На кухне у газовой плиты хлопотал высокий мужчина в трусиках и в майке.

— Извините, что я так к вам ворвался... Теодор Яункалн... — представился Тедис.

— Новый инспектор милиции? Ребята рассказывали.

— Морозов снял с огня сковородку с жареной картошкой. — Прошу к столу!

Приглашение прозвучало столь искренне и радушно, что Яункалн не заставил повторять его дважды.

— Кефир достаньте из холодильника. Мне через полчаса надо быть уже на работе, поэтому ничего более крепкого не предлагаю.

— Это хорошо...

— Откровенно говоря, в воскресный вечер мне более по душе был бы глоточек спиртного.

— Хорошо, что ребята вам все рассказывают, — досказал Яункалн начатую фразу.

— Стало быть, они рассказали не все. Иначе вы бы сюда не пришли. Давайте, выкладывайте!

Яункалн не жалел, что пришел. На лестнице он еще колебался — оправдан ли логически его визит или он его предпринял со скуки и от незнания, как действовать дальше. Теперь же можно было надеяться, что тут удастся выяснить, каким образом пустые ящики «Сикур» могли приплывать из-за границы. Но сперва надо успокоить отца.

— Вы ошибаетесь, жаловаться я не собираюсь. Они у вас мальцы отличные.

— Приятно слышать, конечно. Ведь я и на берег спасся только ради них. Которые в машинном работают, тем намного проще: механиков и слесарей повсюду берут с распростертыми объятиями. А кому нужен штурман? Хорошо еще, что удалось устроиться диспетчером, и для жены подыскал место продавщицы. Она совсем уже не справлялась с мальчишками. Балует, балует, а потом вдруг из-за пустяка устроит в доме гибель Помпеи.

— А вы?

— Стараюсь ошибок не допускать. — Морозов улыбнулся и встал. — Хотя надо признаться, мой сменный график не очень удобен. Трудновато заниматься воспитанием. Ничего, пускай летом ребята порезвятся на воле, а в сентябре натяну вожжи покрепче... Я теперь буду одеваться, по дороге расскажете, что там у вас.

...Вооруженная пистолетом женщина в проходной с любопытством поглядела на Яункална и долго изучала его удостоверение. Затем обратила вопросительный взгляд на Морозова: оно надежней — поверить человеку, а не бумагам. Диспетчер подбодрил ее кивком, и охранница, отодвинув решетчатую створку, открыла им путь в порт.

— Сперва поднимаемся ко мне в клетку, — пригласил Морозов и показал на мансарду здания управления: ее сплошь застекленная стена придавала диспетчерской сходство с мастерской художника. — Предупрежу своего напарника и отведу вас к капитану «Булдури»... Не уверен, что он будет в восторге.

Морозов вдруг остановился.

— Честно говоря, мне тоже не очень нравится ваше предприятие. За то, что отваживаете ребят от улицы и вовлекаете в общественную работу — спасибо! Но неужели нельзя было придумать что-нибудь еще? Пусть таможня занимается контрабандистами, это ее задача. С какой стати детям надо шпионить за моряками, привозящими домой подарки, купленные на честно заработанные деньги? Да и в конце-то концов — почему моряку не продать что-нибудь лишнее из вещей? На что

тратить валюту, которую нам выплачивает государство? Пропивать в заграничных кабаках? Смешно!.. Человек на многие месяцы оторван от семьи, ему ни в театр сходить, ни за город на прогулку, ищачит день и ночь без выходных — должен же он иметь для себя за это какую-то выгоду. Если б не так, то разве нам спустили бы инструкцию о том, что можно и чего нельзя провозить через границу? Насчет транзисторов там нет ни полслова.

— Я вам всего не сказал, — оправдывался Яункалн. — Пока не имею права. Но мы должны найти следы аферистов.

— Ах, вон что?

В возгласе Морозова не было ни тени любопытства или удивления. Он достал из кармана пачку «Элиты», разминая, нервно покрутил сигарету, хотел было зажечь, но вспомнил о запрете и в сердцах выплюнул ее.

— Что, близко взрывчатка?

Вопрос свидетельствовал о незаурядных способностях Яункална к дедукции, а также о незнании английского языка, так как надпись, под которой они стояли, призвала не бросать здесь якорь.

— Поклялся доктору не курить, пока не зарубцуется язва желудка. Сувенир от экваториальных рейсов... А здесь, — он кивнул в сторону штабеля желтых полиэтиленовых мешков, — наш собственный чернозем в смеси с разными удобрениями. Экспортируем в Скандинавские страны для домашних огородиков на скалах. Представляете, во что им обходится килограмм клубники?

Топливная гавань находилась на морском берегу, далеко за рыбокомбинатом. Два огромных танкера ошвартовались по обе стороны длинной эстакады и перекачивали нефть к себе в танки.

— Капитан на берегу, — сказал вахтенный у трапа, — сейчас вызову помполита.

Яункалн впервые в жизни стоял на палубе океанского судна. Даже на речном трамвайчике он ни разу не катался. Но напрасно он прислушивался к себе — сердце билось в обычном ритме, в голове не возникало никаких патетических мыслей. Примерно так же он себя чувствовал, когда после вступительных экзаменов вошел в здание университета, и оказалось, что тут его ожидает

не празднество по случаю одержанной победы, а трудовые будни.

В двери надстройки показался средних лет мужчина в форменной блузе офицера торгфлота.

— Желаю удачи! — Морозов повернулся и сбежал по крутому трапу на пирс.

Яункалн проводил диспетчера огорченным взглядом. Он никак не предполагал, что в ходе расследования наткнется не только на конспирацию преступников, но и на ошибочно понимаемую солидарность моряков. Холодно, почти с неприязнью выслушав несколько туманные рассуждения Яункална, первый помощник капитана сухо сообщил:

— Ничего не понимаю! У вас нет ни конкретных подозрений, ни ордера на обыск. А для экскурсии вы выбрали самый неподходящий момент, у меня сейчас гости, поэтому могу вас пригласить только в кают-компанию, если не возражаете.

Это было уютное помещение с несколькими столиками и вращающимися креслами, с пианино, с акварелями на стенах. Лишь круглые иллюминаторы и мебель, привинченная к полу, напоминали, что комната эта в плавучем доме.

— Даже закурить не смею вам предложить. Слышите — работают помпы.

В самом деле непрерывный гул наполнял и даже слегка сотрясал салон.

— К делу или, как говорили древние римляне, *ad rem*! Вас интересует, возможно ли нелегально провезти из заграницы коробки размером двадцать сантиметров на тридцать? Конечно! Наш боцман однажды побился об заклад с таможенниками, что незаметно приволокет в город живого слона. И проспорил только потому, что ему нигде не удалось раздобыть такого зверя...

— А где можно припрятать такой «*corpus delicti*»? — Яункалну тоже захотелось блеснуть эрудицией.

Помполит добродушно улыбнулся.

— Способности народа к творчеству безграничны. Есть, например, несколько уже обнаруженных тайников. Видите плафоны на потолке? В пространство между панелью и следующей палубой можно запрятать автомобиль в разобранном виде, если только электрику вздумается возить контрабанду. А вот другой способ. Положите

ваши коробки в полиэтиленовый мешочек и опустите на нитке в любую бочку с водой. Не могут же пограничники отвинчивать каждую лампу, подбирать каждую плавающую спичку... Но все это осталось в далеком прошлом, на сегодняшний день нет надобности заниматься обманом. На проходных не заставляют раскрывать чемоданы, вполне достаточно записки капитана или стармеха о том, что член команды несет личные вещи.

— Еще один вопрос. Вы не замечали, что кто-то из вашей команды в последнее время стал жить не по средствам? Скажем, покупать за границей больше, чем остальные?

— Я секретарь первичной парторганизации, товарищ инспектор. Меня интересует, что у человека на уме, в душе, а не в кармане. Хотя я и не отрицаю некоторой связи. Можете не сомневаться: если бы я заметил, что на судне что-то неладно, давно поднял бы тревогу... Но, быть может, вас не устраивают мои объяснения? Поднимитесь на борт к концу дня, тогда будет настоящий капитан, мы тут всего лишь подменная команда.

— А обычно на этом танкере плавают другие?

— Угадали. Мы подменяли булдурцев, которые сегодня возвращаются после сорокасуточного отпуска. Но я посоветовал бы вам отложить этот разговор до следующего воскресенья, навряд ли сегодня вам удастся что-либо выяснить.

Стало быть, зря он отвлек помполита от его гостей. Настоящая команда «Булдури» уже полтора месяца жила неведомо где. А Яункалн прекрасно помнил, что и в минувший понедельник в комиссионный магазин приносили на продажу «Сикуры». Только неизвестно: настоящие или подделки?..

Чип был далеко не таким больным, как прикидывался, но в последнее время ему все чаще бывало лень заниматься мелкими сделками. Однако не поднять деньги, валявшиеся прямо под ногами, было бы с его стороны непростительной глупостью и даже преступной халатностью! Надо только найти подручных, которые были бы готовы гнуть на него спину, и кинуть им за усердие несколько

рублей. До недавнего времени он и сам был бы счастлив так легко заработать — товар с доставкой на дом, клиентов хоть пруд пруди, никакого риска.

Чип вспоминал свои первые самостоятельные шаги. Сколько ему было, когда он, после седьмого класса, приехал в Вентспилс, чтобы пристроиться на какое-нибудь судно? Не больше пятнадцати. В море он так и не ушел, в колхоз возвращаться не хотелось, и он поступил в профтехучилище. Другим ученикам из дому присылали посылки с продуктами, а родители Чипа понадеялись на проживавшего в Вентспилсе родственника. Он никогда не отказывал мальчику в тарелке похлебки, но, как бы невзначай, в доме дяди Чипа всегда поджидала какая-нибудь работенка — то надо наколоть и натащить дров, то тротуар расчистить от снега, то помочь починить крышу. Дядя посылал его даже сдавать пустые бутылки, а потом дотошно пересчитывал мелочь. Стибрить у дяди права на управление мотоциклом Чипа заставила в первую очередь жажда мести. Написать анонимное письмо и потребовать выкуп он додумался уже потом. Эта затея сошла ему с рук чисто случайно — милиция действовала еще более неумело, чем юный начинающий аферист. Свой следующий «бизнес» Чип проворачивал куда осмотрительней. Стащив в мастерской, где работал, два бидона свинцовых белил, сам же заявил в милицию о пропаже. Потом разлил краску по небольшим банкам и торговал ею из-под полы на рынке в пору весенней малярной лихорадки. Кто-то ему предложил за краску вместо денег американские сигареты. Чип тогда еще курил, но ради наживы отказал себе в удовольствии и выгодно перепродал их мастеру школьной мастерской, а тот еще рассыпался в благодарностях за доставленное наслаждение. С тех пор Чип в своих спекулянтских махинациях неуклонно следовал золотому правилу торговли: покупатель должен быть доволен! Чип никогда не считался с затратами и хлопотами, по этой причине вот уже целый час, если не дольше, он изнывал на солнцепеке в ожидании такси.

Чип редко пользовался такси. Не из экономии, нет: в последнее время он прямо-таки не знал, куда девать деньги, покупал всякие никчемные вещи вроде электрических зубных щеток, кофеварок различных систем, бензиновых и газовых зажигалок, купил даже шашлычницу,

работающую на инфракрасных лучах. Его предубеждение против такси носило чисто моральный характер: угнетало ощущение несвободы, полной зависимости от незнакомого шофера. Сейчас Чип тоже предпочел бы идти пешком, но на этот раз такси было целью, а не средством достижения цели.

Никто не в состоянии понять, что определяет движение таксомоторов по городу, почему машины с зеленым огоньком мчатся мимо человека с просительно поднятой рукой, в то время, как занятая машина подъезжает и гостеприимно распахивает дверцу, предлагая занять свободное место, если направление поездки хоть отдаленно совпадает с маршрутом, по которому едет пассажир.

Как видно, вентспилские таксисты не слишком высоко оценивали платежеспособность Чипа, потому что лишь третья машина остановилась, и шофер, высунув в окно голову, спросил:

— Куда, шеф?

Чип пробормотал что-то невразумительное и сел рядом с водителем.

— Ага, порт, — понимающе кивнул шофер и включил скорость.

«Скоро иностранцев от советских людей будут отличать только по выражению лица», — подумал шофер. Во мнении, что его пассажир — иностранец, таксиста укрепила дружелюбно протянутая коричневая пластиковая пачка американских сигарет «Филипп Моррис».

— Вы не знаете, как сейчас идет заподногерманская марка? — заговорил вдруг пассажир на чистом латышском языке.

Чип успел заметить у шофера на руке швейцарские часы. Такие могут быть только у человека с деньгами, это не японский ширпотреб. Разумеется, деньги можно заработать и честным путем, но этот таксист, похоже, был не из тех, кто экономит резину, шадит мотор и получает премиальные за работу в счет следующей пятилетки. Поэтому говорить можно было без обиняков.

— Газету еще не поглядел. Смена только началась.

— А вчера?

— Смотря как — покупаешь или продаешь.

— На этот раз покупаю. Мильён мне не нужен. Всего две сотни.

— Твоя коробка во сколько отдает концы?

— Через четыре часа. Но охота еще с братвой попрощаться.

— Посиди в сквере. Поговорю с коллегами, может, сообща и наскребем.

— Задаток дать?

Шофер отрицательно покачал головой и уехал.

«А если он придет с двумя милиционерами, — прикинул в уме Чип и, на всякий случай, зашел в парадное ближайшего дома. — Профессиональный риск, ничего не поделать».

Шофер приехал один и привез валюту. В приливе благодарности Чип не торговался, подарил початую пачку сигарет и записал номер телефона таксиста. За два рубля он вкусно пообедал и на автовокзал прибыл заблаговременно, чтобы успеть подремать на солнышке, покуда придет рижский автобус. Из автобуса выходили преимущественно мужчины с объемистыми, но непонятно легкими чемоданами, которые тотчас грузили в такси, неожиданно нахлынувшие на площадь. В этой кутерьме Чип приглядел самого ладного моряка, подкрался и запустил руку в незастегнутый карман его кителя. С виду моряк был изрядно навеселе и даже вроде бы ничего не заметил. Лишь спустя некоторое время, он переложил доставленную Чипом валюту в бумажник.

... Когда Мексиканец Джо и Герберт Третий пришли к Чипу домой, он опять валялся в своем турецком халате и прикидывался хворым.

— Чем порадуете своего больного благодетеля?

Вопрос прозвучал не иронически, а вполне торжественно — очевидно, Чипу очень понравилась сочиненная им фраза.

— Мы и Кобрину долю принесли, сама она вдруг по дому заскучала, — рассказывал Мексиканец Джо, вытаскивая из карманов скомканные банкноты и мелочь.

— Не торопись, приятель! Ты не на барахолке, здесь солидная фирма, где без расчета не положено. Давай по порядку!

— Курево и жвачку сбыли подчистую, картинки взяли только двое актеров. Остальные сказали: «Дорого!»

Часы тоже принесли назад, но вот зонтиков можно было толкнуть вдвое больше.

Чип рассортировал деньги по пачкам, монеты сложил столбиками и отсчитал посредникам их долю.

— Ну, а как на следующей неделе? Будем продолжать сотрудничать?

Герберт Третий рассудил, что теперь самое время ставить капкан:

— Если можешь достать радиоприемники. Один бледнолицый затребовал четыре «Сикуры», ему в Риге знакомые заказали.

Чип задумался.

— У меня не оптовая контора. Можно, конечно, поговорить кое с кем, но сколько они тут будут снимать? Неделю... Игра не стоит свеч.

* * *

Неужели он всего лишь третий день в Вентспилсе? Кажется, вдоль и поперек уже исходил весь город и пере-знакомился чуть ли не со всеми вентспилсцами. И какая уйма проблем, над которыми никогда раньше не приходилось ломать голову!.. Главным же из нерешенных оставался вопрос — правильно ли он поступил, позволив себе идти на поводу у старухи Зандбург? Тедис чувствовал себя канатоходцем, который после четырех лет теоретического обучения впервые оказался на арене и позабыл пристегнуть лонжу... А какие еще идеи вынашивает неутомимая вдова лоцмана? Чтобы в предстоящей схватке умов сражаться на равных, необходимо было освободиться от своих сомнений и в конце концов решить: обращаться за подмогой к более опытным товарищам или в одиночку продолжать эту битву с ветряными мельницами. Что он мог противопоставить самоуверенности тетушки Зандбург?

Доказательств, которые можно было выложить на судейский стол, увы, было совсем мало. Он даже не мог доказать, что в продажу поступила хотя бы еще одна ненастоящая «Сикюра», хотя готов был дать голову на отсечение, что это случай не единичный. Иначе вся афера была лишена смысла. Впрочем... а что, собственно говоря, вообще говорило за то, что перед ним крупное мо-

шенничество? Неуклюжее вранье приемщика вещей? Влияние директора комиссии? Двусмысленные намеки продавщицы? Подозрения, одни подозрения... Наверно, и забывчивость Румбиниека, и скрытность Евы Лукстынь, и тот факт, что «Сикуры» сдают на комиссию почти исключительно по понедельникам, можно объяснить объективными причинами, если как следует поискать их. После тщательного просеивания на дне решета осталась лишь махинация преступников с паспортами. Но нельзя же утверждать, что честный человек с честными намерениями, сдавая вещи на комиссию, предъявит краденый или найденный паспорт! Одного этого обстоятельства было вполне достаточно для возбуждения уголовного дела. Только имел ли он право предпринимать все это на свой страх и риск? Как ни кинь — все клин...

Вопреки ей же самой заведенному распорядку, тетушка Зандбург накрыла стол к ужину, даже поставила рядом с тарелками два наперсточка.

— Надо бы принять глоток моей настоечки, — извиняющимся тоном предложила она. — Так сегодня убежала, что без нее кусок в горло не полезет. Прозит!.. Я ведь еще и к Матису сбегала.

Еще раз тетушка Зандбург, не мудрствуя лукаво, предприняла верный шаг, теперь завтрашняя явка к начальнику пройдет глаже.

— И что же он? Наверно, ругал меня за самодеятельность? — спросил Яункалн, пытаясь выловить из банки коричневый боровичок.

— Нравятся? В следующее воскресенье поедem вместе, я знаю местечко... — похвасталась тетушка Зандбург. — Давай примем на вторую ногу — и слава богу... А этот лодырь Блумберг улизнул в Ригу, повез полугодовой отчет, будто знал, что тут предстоит серьезная работа...

Алкоголь легонько стукнул в голову, однако у тетушки Зандбург хватило твердости характера встать и запереть графинчик в буфет.

— Вот хотя бы ты, Теодор. Три дня назад мы едва были знакомы. То, что мы раза два виделись в Юрмале, не в счет. Теперь ты мне как сын родной. Не скули, Томик, ты тоже умница... Чего я хотела сказать? Да, я чувствовала себя больной и одинокой, никому не нужной. А теперь гляди — ноги гудят, а присесть некогда. И на

завтра ты опять придумал мне хлопоты, бежать надо в комиссионный. Я надраила свой старый медный таз, рижане, говорят, с ума по таким сходят. Из Мендериса я уж нашла бы способ выжать денежку. И где его, оборота, только носит?

— Да, неплохо бы узнать, чем он занимается по понедельникам, когда в магазине больше всего работы. Но мне же никто не позволит пристегнуть ему тайный хвост. Мало обоснованных подозрений.

— Тогда мобилизуем красных разведчиков! Мексиканца и Третьего нельзя, этих он уже видел. Знаешь, напущу-ка я на него Кобру, у этой девочки хватка есть, а адъютантами к ней приставим Рудиса с Янкой.

— Согласен! Но потом надо будет подумать, кто сможет обработать собранные нами данные.

— Тут и думать нечего! Конечно же, Кашис!

Видя, что квартирант до сих пор ничего еще не понимает, тетушка Зандбург решила открыть карты:

— Ты думаешь, я не чувствую, что мы, того гляди, заедем в канаву? Я была на почте и отстучала любимому зятю телеграмму о том, что его теща захворала, лежит почти на смертном одре, и он должен срочно приехать, если хочет застать ее в живых. Мы его впряжем в работу, не то он там, в своей рижской конторе, вовсе заржавеет. Я только не хочу, чтобы он прилетел завтра днем, покуда меня не будет дома. С Кашисом шутки плохи, с него станется даже арестовать меня и посадить в каталажку...

День четвертый

За завтраком Тедис Яункалн вспомнил, что не представляет, в котором часу начинается рабочий день в вентспилсской милиции. Тедис понял лишь то, что он никогда не кончается; работа заставляет мозги шевелиться даже ночью, во сне, и крепко сидит в подсознании. По этому вопросу тетушка Зандбург тоже не скупилась на советы:

— Матис Блумберг разжигает свой примус обычно к восьми часам. Потом надо будет договориться, чтобы по пути он заезжал за тобой. Пока он там прыгает на педальке, пока заводит, ты успеешь и помыться и кофею выпить.

— Значит, пора бежать. Спасибо! — Яункална отодвинул стул.

— Постой чуточку, надо только сводку погоды послушать.

Тедис глянул в окно и пожал плечами. Какой смысл слушать рассуждения рижских метеопророков, если и так видно, что без зонтика на улицу лучше не выходить. Дождь, правда, пока не шел, но все небо было затянуто серым холстом облаков и держало город под влажным компрессом. Даже Томик, обожавший утренние прогулки в саду, через пять минут запросился домой и теперь катался по дивану, пытаясь обсушить мокрую шерсть.

Рижское радио предсказывало теплый день без осадков, но не исключало грозу и, как следствие, лесные пожары.

— Обязательно надо прихватить зонтик, — твердо сказала тетушка Зандбург, будто прогноз погоды окончательно развеял ее сомнения.

Перспектива маршировать по вентспилским улицам с тетушкой Зандбург под одним, и к тому же старомодным, зонтиком отнюдь не привлекала Яункална. Он считал, что такая прогулка может сильно подмочить его репутацию работника милиции.

— Я побежал, хозяйка! Да и ни к чему нам выходить вместе. Еще кто-нибудь скажет директору комиссионки, что мы знакомы.

...Известно, что наилучшее время для кражи со взломом — за два часа перед восходом солнца. В эту пору сон у людей самый крепкий, меньше всего прохожих, даже у ночных сторожей глаза вроде бы песком засыпаны, а уши от усталости будто ватой заткнуты. В милиции это самая тихая часть суток, потому что сведения о преступлениях обычно поступают значительно позже, когда потерпевшие просыпаются и обнаруживают, что они обворованы.

В это утро телефон «02» до восьми ноль-ноль был на редкость молчалив, и ночной дежурный мог чистой совестью разнести по кабинетам отделения сводки, составленные накануне вечером, о происшествиях в конце недели, не дописывая в них от руки никаких ЧП, случившихся в последнюю минуту.

Тедис Яункалн сидел, ожидая капитана Печака, в дежурной комнате и изучал сводку фактических событий.

Человеку несведущему могло бы показаться, что неприятностей в рапорте хоть отбавляй. Но Тедис Яункалн не до такой степени был новичком в делах милицейской службы, чтобы положение в этом портовом городе посчитать за неблагополучное, если пропал без вести отпущенный на берег матрос, произошли две аварии на транспорте, мелкая кража на пляже, угон учрежденческой «Волги» и частного мотоцикла «с намерением показаться», а также взлом чердака и похищение развешанного для просушки белья.

— Это все мои, а точнее — твои клиенты, — за спиной у Яункална заговорил Печак.

Он неслышно подошел и теперь пробежал глазами данные о месте и времени совершения некоторых проделок.

— Я даже могу сказать, кто замешан в этих делишках: кто подстрекал, кто действовал, а кто только на шухере стоял. Может, даже и признание удалось бы выжать, но что касается доказательств — это уже совсем другой вопрос... Пошли, покажу наши апартаменты.

Городская милиция находилась в старом особняке, который на своем веку не раз перестраивался. Даже великий Растрелли приложил к нему свою руку. Бальный зал был столь несообразно большим и роскошным, что казался пустым даже тогда, когда тут собирались на совещания работники милиции вместе с активистами. Бывшее великолепие уцелело только в двух кабинетах, очевидно, бывших спальнях первых владельцев особняка. Остальные помещения по несколько раз переделывались, разделялись перегородками; по мере того, как здание обрастало пристройками, появились длинные коридоры, лабиринт причудливых переходов, стеклянные фонари в потолках.

Окна рабочей комнаты Тедиса упирались в неоштукатуренный брандмауер, и солнце сюда не заглядывало. Сегодня электричество пришлось включить с самого утра, и тусклый свет запыленной лампочки придавал помещению особенно унылый вид. Стол с традиционным письменным прибором, которым давно никто не пользовался, старый шкаф, в котором под символическим висячим замком хранились списки несовершеннолетних правонарушителей, и папки с делами профилактического

учета, три стула, полочка с графином воды и двумя стаканами.

Печак уселся за письменный стол и предложил Яункалну сесть напротив.

— Я обычно никогда за стол не сажусь, мы с вызванным, как старые приятели, садимся рядом, говорим ладком. Мне не по душе эти новомодные приемчики — осветить допрашиваемого ярким светом, а самому сидеть в тени, неожиданно включить магнитофон и заставить парня прослушать показания или признания других подельников, заваливать стол заключениями экспертизы, написанными так, что от одних технических терминов обалдеть можно, выволакивать из шкафа вещественные доказательства по штучке... На мой взгляд, все это чушь собачья. С подростками надо разговаривать как равный с равным, ведь оба знаем правду, какого же черта играть в кошки-мышки?

Печак перевел дух и, словно в ожидании возражений, посмотрел на Яункална. Тедис молчал. Он отнюдь не был убежден в правоте капитана, но через несколько дней их пути разойдутся, и надо будет самому выбирать наиболее подходящие методы работы, — отчего же не выслушать советы опытного предшественника? И они не замедлили посыпаться.

— На этой работе вовсе не обязательно быть выдающимся криминалистом с талантом к дедукции и особо развитым аналитическим мышлением. Тут я за три месяца позабыл все, что мне вдалбливали в голову в двухгодичной школе. Кроме приемов самбо, конечно. И, хочешь верь, хочешь не верь, этот диплом, — Печак показал на вывешенный на видном месте документ, свидетельствовавший, что Печак абсолютный чемпион города, — имеет большее значение, чем вся научно-техническая революция! Главное — хорошо знать свой контингент. И у нас круг подозреваемых не так уж широк — слава богу, несовершеннолетние покамест не гастрوليруют по городам республики. У нас есть все возможности профилактически ознакомиться с их домашними обстоятельствами, поговорить с родителями и с соседями, с учителями и мастерами. Именно от них можно ожидать больше всего помощи. Иногда они даже сами приходят: «Мальчишка уже третью ночь дома не ночует», «У Зигиса вдруг деньги завелись, «Айвар не является на

баскетбольные тренировки», «Игорь опаздывает на работу и слоняется по территории порта». К таким сигналам надо прислушиваться! Постепенно ты начнешь понимать, кто на что способен, и тогда, считай, все козыри в твоих руках.

Капитан Печак встал из-за стола и открыл дверцу шкафа. Выкладывая на стол папки, он комментировал:

— Вот Алдис Красинский, малый горазд на технику. Одна беда — не может он равнодушно пройти мимо машины, оставленной у тротуара. В особенности, если с ним веселая компания или девчонка. Отмычкой действует, как завзятый медвежатник. Садится и раскатывает до последней капли бензина. А потом аккуратненько поставит, даже включит стояночные огни — все честь по чести. К моему мотоциклу он приладил такой «секрет», что потом пришлось снять — даже от случайного прикосновения начинал реветь, как раненый слон. И что ты думаешь? Алдис до того обиделся, что в отместку угнал мою служебную... А вот этот, — Печак раскрыл другую папку, — этот зашел подальше. Гунар Мелнацис не озорник, он автомобильный вор: обдерет машину, раскулачит, продаст колеса, аккумулятор, карбюратор, остальное же, чего в металлолом не сдать, изуродует, а то и сожжет. И все только от зависти. В конце года должен выйти из колонии, но не думаю, что он исправился... Малыш Карклинь с дружками шурует по чердакам и не брезгует даже подштанниками. У него есть дядя, который раз в неделю объезжает литовские барахолки и сбывает товар чохом... Ребята с улицы Селгас в трезвом виде не опасны, но после трех рюмок срываются с цепи и тогда во всей округе стоит звон стекла: детки колотят окна. Их уже судили за мелкое хулиганство, отсидели по пятнадцать суток, но не помогает. Тебе придется подумать, каким образом отучить их от выпивки...

Яункалн рассеянно перелистывал выложенные перед ним дела состоящих на учете. Да, надо познакомиться с ними основательно, изучить характеры правонарушителей. Но мысли упорно возвращались к старухе Зандбург, которая сейчас сидела в комиссионном магазине; к Кобре, Рудису и Янке, которым поручено следить за Мендерисом. Удастся ли им сесть в тот же автобус, войти в тот же вагон поезда? А если у приемщика собственная машина? Тетушка Зандбург, правда, утверж-

дала, что Виктория никогда этого не допустила бы, но поди знай... Однако беспокоиться нечего, ребята не раз выкручивались из более трудных положений.

Яункалн вновь уставился на грудку папок на столе. Отложив дела, «герои» которых еще отбывали срок, он перелистывал те, что были приостановлены за недостатком доказательств. И тотчас ему попала на глаза кличка «Чип».

— Это было еще до моей эры, в конце пятидесятих годов, — начал Печак в приподнятом тоне, как бы из уважения к событиям, ставшим достоянием истории. — Хранятся, наверно, потому, что Чип этот по-прежнему балансирует на острие ножа и в любой день может влипнуть на куда более серьезных делах. Давай поглядим!

Фабула события была весьма проста и начиналась с заявления гражданина Яниса Вульфа о том, что у него были похищены права на управление мотоциклом. На другой день он получил написанное печатными буквами анонимное письмо с предложением вложить в тайник в условленном месте, среди прибрежных дюн, семьдесят рублей. Тогда права ему будут возвращены. Вульф подозревал своего племянника, недавно приехавшего на учебу в профтехучилище и не отличавшегося особым усердием. Да никто другой и не мог проникнуть в комод, где хранился портфель с документами. Однако эта гипотеза нуждалась в проверке. Инспектор уговорил Вульфа сходить туда, куда было указано, и положить в тайник пустой конверт. До самого вечера двое милиционеров вели скрытое наблюдение за окрестностями. В конце концов они задержали горбатого старичка, который довольно долго расхаживал по пляжу, скрывая под пальто какой то предмет. Оказалось, это у него был гвоздодер, которым он вытаскивал гвозди из выброшенных на берег ящиков, прежде чем нести их домой на топливо. Выяснение всех этих обстоятельств с живейшим интересом слушал и неизвестно откуда появившийся племянник потерпевшего Дзинтар. И опять ничего нельзя было доказать... Правда, при последующем допросе мальчишка запутался в противоречивых показаниях, однако упрямо твердил, что ни в чем не виноват. Пришлось его отпустить... На последних страницах было несколько примечаний, прямого отношения к этому делу не имевших: «Был замечен на рынке — продавал краску», «Скупает

у моряков заграничные сигареты», «Вращается в обществе взрослых спекулянтов». Но всякий раз недоставало фактов, отсутствовали свидетели. Потом Дзинтар Вульф отпраздновал свое совершеннолетие, и записи оборвались, точнее говоря, перекочевали в папку, заведенную уже в другом отделе милиции. Яункалн был в этом абсолютно уверен.

Стук в дверь вывел Тедиса из раздумий. В первый момент он подумал, что явилась девица из его будущего контингента — до того юный вид был у посетительницы, блондиночки в синей мини-юбке и белой кофточке.

— Больше не узнаешь? — тепло улыбаясь, спросила она у Яункална. — Ничего удивительного, на этой работе люди старятся быстро.

Ба! Да это же Лига, с которой они вместе учились на первых двух курсах университета. Потом девушка уехала из Риги и перешла на заочное отделение. И вот такая нежданная встреча!

— Мне остался только диплом, — продолжала Лига. — Зато я уже произведена в старшие лейтенанты. А тебе еще надо полгода ждать погоны. И я больше уже не Розите, а два года как Лига Печака.

— Моя свояченица, — поспешил рассеять недоумение капитан Печак. — Нас, братьев, в семье трое и, как водится, влип младший.

— Хорошо, что ты приехал! С родственниками — не работа, — тараторила Лига. — Этот, например, ведет себя так, точно после Макаренко земной шар перестал вращаться. А я утверждаю: преступник с каждым годом становится умней и образованней. Мильчишки, которые нашкодят и через несколько часов попадают, — с точки зрения чистой криминалистики — не проблема. Я, например, глубоко убеждена, что они могут исправиться, потому что сами до смерти перепуганы тем, что натворили. Куда опаснее те, что все рассчитывают заранее, обеспечивают себе алиби, изучают повадки сторожей, образ жизни избранной жертвы, одним словом, действуют по рецептам, почерпнутым из книжек и кино. Это крик моды, которая пришла к нам с Запада — хоть и с большим опозданием, и масштабы поскромнее, однако не считаться с нею нельзя. Мы должны научиться действовать против несовершеннолетних преступников, уст-

раивающих налеты на отделения Госбанка, нападающих на инкассаторов, грабящих кассиров в магазинах. И поскольку это явление у нас еще в зачатке, профилактическую работу надо проводить здесь, в этом отделе.

Яункалн чувствовал, что Лига права. Подобные мысли не раз высказывались на теоретических конференциях. К сожалению, Лига тоже только рассуждала, но не предлагала никаких практических мероприятий. Когда он войдет в курс дела, надо будет самому взяться за эти проблемы. Но в настоящий момент Тедиса заботили весьма конкретные дела.

— Никто из вас не знаком с директором коммиссионного магазина Имантом Гринцитисом?

Печак поднялся со стула.

— Кто же не знает самого элегантного холостяка в городе! Пойдем к Селецкису, он тебе расскажет о нем все и даже больше.

Отдел охраны социалистической собственности занимал половину второго этажа, где комнаты были почти вдвое просторнее. И тем не менее кабинет старшего инспектора Яниса Селецкиса сегодня с трудом мог вместить всех жалобщиков.

Когда капитан Печак с Яункалном вошли, Селецкис попросил извинить его и выразительным жестом руки предложил полюбоваться трагикомическим зрелищем, участники которого в данный момент, перебивая друг друга, сиплыми с похмелья голосами выкладывали свое горе.

— Чай, из Тирасполя приехала, сами знаете — ближний свет, — жаловалась дородная брюнетка, безбожно путая русские и украинские слова. — Последние гроши истратила на билеты себе и старику своему. А тут, почитай, половину всех вишен пришлось выбросить, такэ пекло було в дорози. А с помидорами и вовсе горе — акkurat вчера пришла партия болгарских, продают на всех углах. Едва наторговала денег на обратную дорогу и на кровельное железо для хаты, из-за которого и перлись в эту даль. В магазинах его нэмае. А тут якись черт надыслав на меня дядьку, который пообещав достать стильки, скильки нам трэба, и цена пидходяща. Договорились, повел он меня на товар подывиться. Таке доброе железо, як серебро! Он даже согласен был до утра подержать у себя в сарае, куда мне его диты у ночи? В гостинице пид

кроватью не сховаешь. Я ему гроши, он мне — ключ от сарая, разошлись як люды. А сьогодни з ранку...

— Дайте же и другому сказать, — перебил ее рослый, деревенского вида, папаша. — Я хотя и не промышляю торговлей южными овощами, как кое-кто, однако крыша над головой каждому нужна. И не какая-нибудь из дранки, через которую небо видать. Цельный день рыскал по лавкам и складам — ни черта нету. Там было позавчера, там ожидают, может, послезавтра подвезут. А для меня время дороже денег. Вот я и договорился с одним молодым человеком насчет левого товара, который он хранит в сарайчике на окраине города. Вроде бы человек порядочный на вид, возьму, думаю, и для соседа Леопольда. Но не такой я дурень, чтобы сразу все деньги выкладывать. Заплатил половину и сказал, завтра с утра приеду, заберу...

— У меня тоже вроде этого получилось, — рассказывал третий охотник до кровельного железа, нервно мигая водянистыми глазами. — Я тоже радовался выгодной покупке, как и они, когда мы разговорились в гостиничном буфете. Разве я не предложил пропустить глоток на радостях? Последние денежки там оставили, разошлись друзьями до гроба. А сегодня утром опять все повстречались у этого окаянного сарая — кто с тачкой, кто с подводой, кто с грузовиком. Я сразу понял, сейчас наша дружба врозь пойдет, да только никак не думал, что трижды проданное железо принадлежит колхозу, привезено для ремонта крыши Дома культуры, а припрятано с преступными намерениями. Спасибо председателю, который обрадовался неожиданной находке и поверил, что мы не грабители.

— Ясно, — проговорил Янис Селецкис. — Теперь попрошу взять бумагу и по возможности подробнее все описать, в особенности приметы этого плута-продавца, что так ловко обвел вокруг пальца опытных коммерсантов. Вернусь через полчаса.

Он встал, проводил посетителей в комнату ожидания и лишь после этого позволил себе улыбнуться.

— Можете быть уверены, это работа не новичка, он с каждого получил деньги без свидетелей, расписок не писал. Если даже и поймает, насчет денег — пиши пропало. Аминь... А чем я могу служить вам? Мне говорили, вы еще вчера меня искали.

Селецкис был Яункалну примерно до подбородка, однако щедушным не был. По утрам он тренировался с гирями, в одиннадцать включал карманный однодиапазонный транзистор и выполнял все указания инструктора производственной гимнастики. Тем не менее к спортивным соревнованиям относился отрицательно, считая, что они разжигают нездоровые страсти, способствуют одностороннему развитию.

— Меня интересует комиссионный магазин. Что вы думаете о его директоре? — спросил Яункалн.

— Об Иманте Гринцитисе?.. Можно сказать, мой старый приятель. Правда, сам знаешь, как оно звучит, если говорит это работник милиции; вроде бы человек одной ногой уже в тюрьме, — усмехнулся старший инспектор. — Поэтому скажу по-другому: в городе его считают одним из лучших директоров магазинов. Отличный организатор, умеет внедрять новшества, работает ритмично, без лишней шумихи. Категорически запретил принимать неходовой товар, цены назначает не в зависимости от улыбки комитента и от какого-нибудь допотопного циркуляра, а от фактической конъюнктуры. Казалось бы, все предельно просто. Но чтобы это проводить в жизнь, требуется железный характер. До комиссионки Гринцитис работал директором радиомагазина. Это его заслуга, что там организовали мастерскую гарантийного ремонта. Аппаратуру проверяют, так сказать, не отходя от кассы, устраняют мелкие дефекты. Было очень нелегко пробить такое нововведение. В Вентспилс его прислали по окончании торгового техникума... Мне только непонятно, чего ради я так его рекламирую. Если у вас есть сестренка на выданье, то шансов тут, на мой взгляд, маловато, свое сердце он ошвартовал в Риге или еще в каком портовом городе. Местных красавиц он буквально не замечает, по выходным дням пропадает без вести.

Яункалн уже готов был мотивировать свое любопытство, но тут в конце длинного коридора показался милиционер и крикнул:

— Наконец-то я вас нашел! Из Риги пришел ответ. И дежурный капитан велел вам отдать вот эти заявления.

Он вручил Яункалну красную папку для документов, но уходить не собирался.

— Спасибо! — поблагодарил Яункалн, произнеся это слово с нажимом.

— Если позволите, товарищ капитан, я зарегистрирую бумаги на ваше имя. Инспектор Яункалн дела еще не принял.

В справке не было ничего нового. Рижское управление подтверждало, что назначенный на восьмое октября хоккейный матч действительно был перенесен на десятое. Но в папке было написанное нетвердой рукой заявление, в котором пенсионер Артур Румбинiek сообщал милиции города Вентспилса о том, что потерял свой паспорт в рижском Дворце спорта восьмого октября, когда смотрел хоккейный матч «Динамо» — юношеская сборная Союза. Быть может, он перепутал даты? Мало вероятно, поскольку на документе под его подписью стояла зафиксированная в старомодной манере дата подачи заявления: «19 $\frac{16}{X}$ 73»

Зато просьба Евы Микельсон срочно выдать ей новый паспорт не давала пищи для размышлений. Коротко сообщив, что потеряла или оставила сумочку с документами в поезде, она пространно обосновывала причину спешки предстоящей регистрацией брака.

Наконец Селецкису надоела роль бессловесного статиста.

— Поскольку я теперь причастен к вашим поискам, у меня есть право и поинтересоваться: что же там произошло? Что такое вы заметили в первый же день вашего пребывания в Вентспилсе? Такое, что мы, местные ротозей, прохлопали?

Это был не лучший вариант начала товарищеского разговора, но винить в том можно было лишь самого себя. Ни в коем случае нельзя было упустить представившуюся возможность. И Яункалн принялся во всех подробностях излагать события последних дней.

* * *

В школе Рудису дважды приходилось писать сочинение на тему «Мой лучший друг». В третьем классе его задала учительница латышского языка, на седьмом году учения эта оригинальная идея осенила преподавательницу английского. И в обоих случаях он посвящал свое сочинение Янке, с которым жил в одном доме, в центре города, и

сидел в школе за одной партой. И лишь совсем недавно в его душу закралось сомнение — а вообще есть ли у него друг? Близкий человек, которому можно поверить свои самые сокровенные мысли, мечты о будущем. С Янкой нельзя было серьезно поговорить даже о только что прочитанной книжке, не то что о странном смущении, которое на Рудиса в последнее время стало находить, когда поблизости бывали девочки. Сосед был свой парень, неприменный компаньон во всех озорных проделках — и не более! Он умел молчать как могила, мог, когда надо, поддакнуть, но дельного совета от него не жди! Придумщиком всегда бывал Рудис. Так было и в тот раз, когда они решили не рассказывать родителям о том, что тренер в спортшколе, не усмотрев перспективы сделать из них чемпионов, исключил ребят из группы. Вот уже второй год, как три вечера в неделю они себя чувствовали вполне свободными людьми, почти как взрослые, которые никому не дают отчета о своих делах. Янка-то прекрасно мог и без этой хитрой уловки по вечерам уходить из дому: в его семье каждый жил своей жизнью, точки соприкосновения давно затерялись в круговерти будней, каждый думал лишь о себе, только на Янку еще возлагали заботу о младшей сестре, которую он отводил в детсад и приводил домой, а по выходным присматривал за нею и дома.

У Рудиса обстоятельства были совершенно иные. Родители, сравнительно молодые люди, друг друга обожали, каждую свободную минуту проводили вдвоем и появившегося в первый год супружества мальчика еще в младенчестве отдали на полное попечение бабушки. Теперь любое вмешательство в воспитание внука воспринималось ею как попытка свержения власти и обычно заканчивалось припадком истерии, а иногда и вызовом «скорой помощи». Ради поддержания призрачного мира родители были вынуждены пассивно взирать, как Рудис страдает из-за деспотической любви бабушки. Дома у него не было ни малейшей возможности побыть наедине, каждый шаг в сторону от проторенного пути приводил к шквалу нравоучений. Инстинкт самосохранения заставил его развить в себе неимоверную толстокожесть, поразительную способность пропускать мимо ушей все неприятное для слуха, а с этим вместе и кое-какие дельные советы. Рудис раскрывался и бывал разговорчив только вне дома — в обществе «бизнесменов», и чем больше

риска было в их общих «мероприятиях», тем привлекательней они ему казались.

Сейчас он тоже в предвкушении близкого приключения. Проснувшись еще до трелей будильника, Рудис в который раз перечитывал оставленную Коброй записку:

«Зайду за тобой около шести. Дома скажи, что вернешься поздно, и разбуди Янку. Я его тоже не видала».

Бабушке Рудис уже наговорил, что поедет с одноклассниками на экскурсию по местам боев за освобождение Курземе, но сам был уверен, что придется участвовать в каком-то захватывающем приключении. Иначе разве стоило бы вскакивать в такую рань?..

Когда пришла Кобра, он тут же буквально вытолкнул ее из двери на площадку и затащил в квартиру Янки.

— У нас зверски важное задание! — задыхаясь, сообщила Кобра. — Мы пойдем в разведку. Жандармама даже выдала деньги на дорогу и питание.

— А только, может, она сама выдумала всю эту чепуху, чтобы втянуть нас в военную игру, которая должна быть по школьной программе? — Янка, похоже, был далек от проявлений восторга. — Я, например, поломанного приемника не видал. Небось, все сама придумала, а теперь гоняет нас, покоя не дает.

— А Яункалн? Он же не какой-нибудь молокосос.

— Кончай трепаться! Мы должны выследить Эмиля Мендериса, ну, этого противного старикашку из комиссии. И так, чтобы он ничего не заподозрил. Нельзя его ни на минуту упускать из виду. Я уже посмотрела, когда отходят первые автобусы и поезда. На старте надо быть ровно в шесть.

— Все равно как по грибы! — ехидно заметил Рудис. Ему вдруг очень захотелось изумить Кобру. — Да пускай его едет ко всем чертям! Хоть поездом, хоть автобусом — мне все равно. А деньжата Жандармамы пригодятся нам для хорошего кайфа.

— Для чего? Что ты сказал? — не поняла девочка.

— Ладно, не притворяйся, будто никогда не причащалась, — зевая, протянул Янка.

— Но мы же дали клятву. никогда не связываться с наркотиками, — до Кобры, наконец, дошло, к чему они клонят. — И героин, и ЛСД продают только за валюту...

— Ничего, обойдемся домашними средствами. Плати сорок копеек и балдей на здоровье.

Глаза у Кобры вспыхнули, щеки покраснели. Но оказалось, что это было выражением протеста, а не вожделем.

— Ну, я уж эту отраву в рот не возьму! Все нутро можно сжечь.

— Пить вовсе не обязательно, — поучительно заметил Рудис. — Лучше нагреть и вдыхать пар. Через час тебе собственная бабушка покажется самой красивой девочкой на свете. Я один раз пробовал, помнишь, зимой, когда сыпанулся на истории, потом ляпнул, что закон Ома открыл Андрей Упит, и еще четыре дня ходил с аллергической сыпью.

— Спасибо тебе! — Кобра замотала головой, словно щенок, глотнувший табачного дыма. — Пошли, мальчишки!

...Эмиль Мендерис привел их прямоком на вокзал. Он шагал медленно, словно портфель его был тяжело нагружен, в конце моста даже остановился для перекура.

— Чего он еле тащится, дохляк, — нервничала Кобра. — Еще опоздает на рижский поезд, что тогда делать?

— Беги вперед и купи билеты, если тебе так охота покататься. — В такую рань у Янки всегда бывало дурное расположение духа. — Наше задание — следить за Мендерисом неотступно как тень. По мне, так пусть он хоть целый день сидит в парке и ловит мух.

Паровозный гудок подтвердил опасения девочки. У нее даже начало подергиваться от волнения правое веко. Но Мендерис, похоже, ничуть не встревожился. Взглянув на свои часы, удовлетворенно кивнул и направился дальше неспешным прогулочным шагом. Однако сомнений больше не было — он шел к видневшемуся в конце улицы вокзалу, над кирпичным зданием которого прощально клубился пар ушедшего поезда.

Янке второй раз поручили наблюдать за приемщиком из комиссионки, и, наверно, опять придется возвращаться с пустыми руками. Ну, собрался человек в свой выходной съездить в деревню — за грибами сходить или с бреднем пошарить по речушке... Маловероятно, что в портфеле у него полдюжины поддельных «Сикур» для продажи колхозным свиноводам... Можно было спокойно поспать еще часок, потом отвести сестренку в садик, а самому завалиться на пляж, хотя пасмурное утро не очень-то

располагало к подобному времяпрепровождению. Отплыви в такую погоду подальше в море — и берега больше не увидишь! Не раз приходилось поплутать в тумане и прозябнуть так, что зуб на зуб не попадал. Недаром в кинокартинах все несчастья происходят как раз в такие серые дни...

Янка резко остановился. Как это он раньше не додумался?! Кто сказал, что Мендерис собирается сбывать товар? Скорей всего большой портфель его пуст, и он отправился за ящиками от «Сикур». Расположится на пустынном берегу и будет поджидать, когда контрабандисты высадутся. Впрочем, возможно, ящики уже привезены и где-то ждут заказчика, например, в камере хранения на вокзале, — разве мало слышали о таких фокусах? Может быть, их привозят на поезде или на специальной дрезине?

Янка прибавил шагу, чтобы сообщить друзьям о своих соображениях, но они уже были в дверях кассового зала. Они тоже отстали от Мендериса — тот в данный момент брал у окошка билет.

— Точно! — воскликнула Кобра. — Ведь скоро отходит поезд на Лиепаяу. Но как узнать, где он будет выходить?

— Возьмем билеты до конца. Растратим казну, — предложил Рудис.

— А потом пропьем старухину хибару! — лихо добавил Янка.

Ехать с Мендерисом в одном вагоне они не решились — к чему зря рисковать? Удобно расположиться в другом вагоне они тоже не могли: на остановке не успеешь оглянуться, как поезд почухает дальше. Лишь в Мэстерах, где стоянка целых три минуты, они сообразили, что стоять и подпирать двери — полная бессмыслица: до Зуров еще девятнадцать минут езды, и можно преспокойно перекинуться в картишки.

Карт, к сожалению, никто не захватил, и они принялись, уже в который раз, обсуждать самые разнообразные варианты Янкиных версий. Быть может, следовало предупредить пограничников, а может, стоило разделить и поручить Кobre дежурить на телефоне? В предположение тетушки Зандбург насчет того, что Мендерис едет проводить ревизию в каком-либо сельмаге, никому как-то не хотелось верить.

После Зуров в вагоне остались всего двое сонных рыбаков, которые дремали на коротковатых лавках, подложив под голову длинные резиновые сапоги; в Берзинях вошли новые пассажиры — участницы самодеятельности из Алсунги, выступавшие на свадьбе колхозного механизатора.

Первым человеком, которого тайные следопыты заметили на перроне станции Ужава, был Эмиль Мендерис. Соскочив с тормозившего поезда, он широким шагом направился к молодой рыжеволосой женщине; она была в ярко-желтом плаще, надетом поверх синего финского тренировочного костюма. В руке она держала складной японский зонтик. Каждое движение Мендериса подчеркивало, что он приехал отнюдь не на поезде, а, обгоняя его, бежал по шпалам, жаждая поскорее заключить в объятия эту импозантную особу.

Встречавшая сразу постаралась укротить бурное излияние чувств. Позволила себя поцеловать, затем ухватила за галантно подставленный Мендерисом локоть и быстро повела его со станции. Покуда ребята обегали вокзальную площадь, элегантная пара уже шагала по единственной улочке поселка курсом на полосатый маяк, шпиль которого подпирали низкие тучи.

— А я что говорил! — торжествовал Янка.

— Эта бабенка, наверно, его здешний резидент.

— Слишком крикливый вид. Думаю, у нее совсем в другом сила притяжения. — Разумеется, девочка была более опытна, чем ее одноклассники. — Надо придумать, зачем мы сюда приехали, если вдруг кто спросит.

— За угрями — дело ясное. Говорят, тут их еще можно раздобыть, — сказал Рудис. — Если останется рублишко, я с удовольствием купил бы домой.

— К бабке подлизаться... — ухмыльнулся Янка. — Глядите-ка, они пошли в разные стороны!

В самом деле, Мендерис нырнул в продмаг, а его дама скрылась в аптеке, но вскоре вышла оттуда, зажав под мышкой завернутую в бумагу бутылку.

Мендерис тем временем успел купить хлеба, пачку масла, триста граммов голландского сыра и круг краковской колбасы. Все это отметил у себя в блокноте Янка. Воспользовавшись ситуацией, он как бы для маскировки купил себе и товарищам целый килограмм соевых конфет.

Дальше дорога повела к берегу моря, и преследователи

были вынуждены увеличить дистанцию, поскольку поселок словно вымер. К счастью, Мендерис ни разу не оглянулся, иначе самодеятельные следопыты, кравшиеся вдоль дощатых заборчиков и плетней, определенно показались бы ему подозрительными. Но все внимание Мендериса было сосредоточено на ворковании рыжекудрой дамы, изливавшемся на него непрерывным водопадом и не дававшим даже толком перевести дух. Не привлекал его также и пейзаж. Складывалось впечатление, что дорога эта хожена им сотни раз...

«Все это можно будет рассказать Яункалну, — радовалась про себя Кобра. — Он, может, даже похвалит меня за наблюдательность. Мальчишкам в голову не пришло, что приемщик тут постоянный гость, а я поняла сразу, как увидела, что цепной пес хвостом завилял. И первая предложила не торчать возле дома, куда привела Мендериса рыжая, а поговорить с соседями».

Они подумали, что дом с недостроенным вторым этажом был последним в вытянутом полукругом поселке, но во впадине меж двумя дюнами, у подножия маяка, стоял еще один хуторок, в буквальном смысле слова выстроенный на песке. Рядом с домом был сарай, банька и будка домашней рыбокоптильни. Для начала обратились с обычной для горожан просьбой:

— Свежей рыбки не продадите?

Внешний вид хозяйки не соответствовал традиционному представлению о рыбацкой жене. Сгорбленная, как серп, она была вынуждена запрокинуть голову, чтобы взглянуть на лица охотников до свежей рыбы.

— Ой, детки, вы, знать, издалека приехали, коли рыбу у меня спрашиваете. Мой Ингус уже второе лето ловит в море-океане разных неслыханных рыб — сардин да тунцов там каких-то. Хоть бы одну живьем привез; которая в банках, та мне не по вкусу... А нынче какая у нас тут рыба... Разве что старик ночью на донки наловит. Ну да ладно, погляжу, может, какая камбалишка вяленая завалялась.

— А у соседей, у которых черная собака? — Кобра попыталась повернуть разговор в нужную сторону.

— У Рихарда с маяка? Он даже чужих людей в дом пустил, чтобы свести концы с концами. Сам-то он теперь без горькой уже никак, позапрошлый год на синюху переметнулся. Совсем было худо. А теперь хо-

рошо! Жена днем приглядит за младенцем аптекарши Сильвы, а Сильва ей за это спиртику чистого принесет. А по понедельникам прилетает женишок с гостинцами да с денежками. Реже приезжать ему никак нельзя, эти пропивают все напропалую и дите голодом заморят. А Валдик такой пострел растет, скоро ножками сам пойдет, у отца, видать, тоже сердце доброе, завсегда приголубит малого, конфетку даст... Нет, нет, голубчики, к старикам-маячникам не ходите, еще затянут в свою компанию, вам тогда и на вечерний поезд будет от них не вырваться. Вы лучше попытайте у Алекса, мужа лавочницы, у него завсегда найдется копченый рыбец.

У магазина стоял запыленный автобус. Пассажиры, коротая предусмотренную графиком стоянку, без особого интереса и надежды спрашивали сигареты «Элита» и «Черный бальзам» или, ради убиения времени, перебирали в галантерейном отделе вороха носков и купальников.

— Да брось ты со своей рыбой! Янка потащил Рудиса к автобусу. — Через час будем дома.

— В Ужаве мне все ясно, — поддержала его Кобра. — Эмиль из коммисионки здесь не «Сикуру» слушает, а совсем другую музыку.

* * *

Восторгам тетушки Зандбург не было границ.

— Я даже не подозревала, что я миллионерша! Десять рублей за этот несчастный таз! И была бы еще пара рублей, если бы сдала на комиссию, а не в скупку. Завтра все старые сковородки снесу, все горшки и кастрюли — пускай выкладывает денежки на бочку! Обязательно наберется на кухонный комбайн. Но знайте: первую наличность я кидаю на стол. Айда, ребятки, в ресторацию!

Селецкис раньше не был знаком с лоцманской вдовой и хотел отговориться занятостью, однако его сопротивление скоро было сломлено.

— Не могу же я рассказывать о своих сугубо личных наблюдениях в стенах государственного учреждения.

В выборе меню она тоже проявила себя неумолимым деспотом.

— Нечего разводить канитель с заказными блюдами. В том же самом котле варят, а за название сдерут втридорога и прибавят два кружка маринованного огурца. Зять меня раз сводил в лучшую кухмистерскую Юрмалы и угощал беф-строгановым по-курземски. Надо же такое придумать! Подали через полчаса, а потом еще целую вечность не несли жалобную книгу. Я там такого понаписала, что Кашис подпись поставить побоялся, сказал, что он сам не курземец и не ему судить... Возьмем комплексный обед — дешево и сердито, а на остальные деньги — пивца, вам ведь в служебное время алкоголь запрещается.

За едой из нее нельзя было выжать ни полслова. Это, однако, ничуть не означало, что тетушка Зандбург держала язык на привязи, отнюдь нет, она непрерывно говорила о погоде, делилась воспоминаниями о довоенных ценах в ресторанах, когда человек за свои деньги еще был вправе потребовать вежливого обслуживания. Ее тонкое воспитание не позволяло ей перейти к разговору о деле до того, как будет подан кофе.

— Вы курите, не стесняйтесь, — радушно разрешила тетушка Зандбург. — В комиссионном тоже был один парень, который никак не мог спокойно сидеть без сигарки, то и дело вскакивал и выбегал покурить. Свою очередь чуть не пропустил. А вышел оттуда и вовсе скис. Оказалось, заграничные пластинки не принимают. Я даже знаю, почему. В них можно черт-те что насовать, как в наш радиоприемник. На одной скорости если играть, слышно какую-нибудь бугу-вугу. А на другой совсем другую песенку запоем, а то и вовсе — царский гимн. Помнишь, Теодор, тетку Чарлея, было такое кино, она музыкой шпионские донесения передавала... Я, конечно, ничего худого сказать про того юношу не хочу, вроде он вполне порядочный, будь у меня деньги, я бы у него выторговала какую пластиночку для внучки Расмы, больно уж она падкая на эти шлагеры.

Янис Селецкис в смущении молчал. А Яункалн, знавший расчетливую бережливость тетушки Зандбург, хотел отблагодарить за бесплатный обед.

— Я достану для вашей внучки новые записи. Но вы скажите, какое впечатление произвел на вас Гринцитис?

— Очень воспитанный человек. Записал все из паспорта, а на год рождения даже не взглянул. И на пи-

шущей машинке жарит — почище иной барышни. Даже подпись уже стояла, чтобы мне лишнего не ждать, когда будут выплачивать деньги.

Инспекторы переглянулись и разом подались вперед. — Вы не могли бы показать квитанцию? — спросил Селецкис.

— С превеликим удовольствием!

Тетушка Зандбург достала из сумочки вчетверо сложенный бланк, графы которого были заполнены на машинке. Чернилами были выполнены только две подписи — самой тетушки Зандбург и жирные каракули Э. Мендерис.

Лоцманша смотрела на работников милиции с нескрываемым превосходством. Первый свой козырь она выбросила как бы невзначай, с остальными решила не торопиться.

— Это я заметила двумя часами раньше, потому и решила еще поторчать в ожидалке и поболтать с женщинами. Когда деньги в кармане и не надо бояться конкуренции, у всех торговцев развязывается язык. Каких только советов мне не надавали. В какую химчистку лучше всего сдавать одежду перед тем, как нести в коммиссионный, как улыбнуться оценщику, приглашая его посмотреть на дому спальный гарнитур, чего посулить, когда хочешь отделаться от старого холодильника или телевизора. Наверно, самых тонкостей они не выбалтывали, но насчет цен сказали, как есть. И показывали свои квитанции. На некоторых стояла подпись Мендериса, на других — самого директора. И даты не у всех совпадали. У большинства, конечно, стояло сегодняшнее число, однако на последней своими глазами видела завтрашнее.

Яункалн встал и подал знак официанту.

— Надо сейчас же пойти в Управление торговли, пусть делают ревизию. Тут что-то не в порядке.

— Не будем торопить события! — Селецкис налил себе еще чашку кофе. — Я давно имею дело с торговлей, знаю, что между мелкими отступлениями от закона и мошенничеством огромная разница. Например, сегодняшний план они перевыполнили, но хороший директор обязан думать о завтрашнем дне, горторг требует от него ритмичной работы. И вот в конце дня они подводят черту и работают как бы в счет будущего. Это,

конечно, жульничество, но не такое уж тяжкое преступление.

— А чем вы объясните комбинацию с подписями?

— А кто его знает! Может, они получают премиальные за выгодные сделки, а нераспроданные вещи рассматривают как брак. Возможно, директор захотел оставить этот таз для себя и поэтому не стал ставить свою подпись... Как бы там ни было, теперь мы можем поговорить с товарищем Гринцитисом более серьезно.

Наконец, официант принес счет. Заметив, что тетушка Зандбург роется в сумочке в поисках очков, он улыбнулся.

— Можете не проверять. Убытки старшего лейтенанта Селецкиса заведующий залом подсчитывает лично. В нашем предприятии работают не самоубийцы... Простите, вон те подростки не вас поджидают? Я их не впустил.

Пытаясь привлечь внимание тетушки Зандбург отчаянными жестами, перед дверью топтались Кобра, Янка и Рудис; их вид и в самом деле не очень подходил для ресторана первого разряда: замызганные сандалии, перепачканные джинсы, намокшие спортивные куртки.

— Бедняжки, наверно, продрогли до костей! — доброе сердце тетушки Зандбург сжалось от сочувствия. — Товарищ обер, принесите горячего чаю и самое большое шведское ассорти! Это же переодетые киноактеры, мои коллеги, разве вы не видите!

Не будучи «самоубийцей», официант поспешно отправился на кухню. Усадив ребят напротив себя, тетушка Зандбург деловито распорядилась:

— Рассказывайте! Потом вместе решим, заслужили вы обед или не заслужили.

— пытки запрещены, — отшутился Рудис, но Янка обиделся по-настоящему. Вытащил из кармана горсть размякших, помятых конфет и сердито отрезал:

— Если надо, можем еще и вас угостить.

Кобра не принимала участия в пикировке. Всю обратную дорогу она предвкушала момент, когда другие, затаив дыхание, будут слушать сообщение о результатах разведоперации. Однако ей удалось обойтись без приукрашивания, и она почти слово в слово передала то, что слышала от старой рыбачки.

Эффект и в самом деле был потрясающим. Тетушка Зандбург даже рот разинула, чтобы лучше слышать,

Яункалн от волнения едва не сломал чайную ложку — так он был разочарован несоответствием действительности и версии, придуманной вчера. Выражение глаз Селецкиса говорило о том, что он пытается на это дело взглянуть под новым углом зрения.

— Ах, брандахлыст он эдакий! — тетушка Зандбург дала волю справедливому возмущению. — Обрюхатил девицу и теперь откупается, чтобы молчала про его внебрачного ребеночка. Он ведь боится Викторию как черт ладана. И откуда только деньги берет?

— Когда найдем ответ на этот вопрос, можно будет считать, что преступление раскрыто. Наверно, на каждой «Сикуре» рублей с полсотни можно заработать, — задумчиво проговорил Селецкис.

— Но по понедельникам он всегда ездит в Ужаву, — добавил Яункалн.

— Именно потому! Какой же дурак станет скупать самолично подделанные вещи? И ход с заранее оставленными директору подписями тоже очень хитрый — гляди, мол, какие подлости творят за спиной у простофили...

— Значит, вы думаете, остается только арестовать Мендериса?

— Вы правы, пока я действительно только думаю, — ответил Селецкис. — Наши допущения основаны на непроверенных разговорах и на собственных гипотезах. С тем же успехом можно допустить, что он покаялся в своем грехе жене и теперь добровольно платит алименты, чтобы избежать скандала.

— Вы Викторию не знаете! — запротестовала тетушка Зандбург.

— Зато ее знаете вы. Поэтому пойдите с Яункалном и поглядите, как она живет. Разумеется, все должно быть очень деликатно. Я тем временем соберу сведения в Ужаве. А в пять часов встретимся и пойдем в комиссионный магазин. Вполне официально!

* * *

По данным загса, Виктория Мендере была на четыре года моложе своего супруга, который собирался отпраздновать свое пятидесятилетие. Однако выглядела

она гораздо старше, поскольку давно уже не ухаживала за лицом, не делала прически, не следила за руками. Виктория Мендере полагала, что у замужней женщины есть более важные обязанности: растить детей, ухаживать за мужем, вести домашние дела. Детей у нее не было и никогда уже не будет, муж — благодаря многолетнему режиму тирании — приучен к дисциплине, и теперь можно было все силы направить на украшение быта: под красотой же Виктория Мендере подразумевала идеальный порядок.

Потайную щеколду садовой калитки тетушка Зандбург обнаружила со сноровкой бывалого детектива. Они вступили на территорию образцово распланированного хозяйства, где все находилось строго на своем месте: и клумбы с тюльпанами и гвоздикой, отгороженные бордюром из половинок кирпича, и плантации роз, и сектор ягодно-овощной; между выложенными цементной плиткой дорожками зеленели прямоугольные газоны, среди которых возвышались поливочные приспособления, и были бы тщетны поиски местечка, где можно поставить шезлонг или просто поваляться на траве и позагорать. По внутреннему распорядку в доме мадам Мендере отдыхать полагалось только в гостиной на диване.

— Как это вы без предварительного звонка? — ответив на приветствие, упрекнула визитеров Виктория Мендере. — Я испекла бы пирог или хотя бы прибралась в доме. Муж сегодня тоже вернется поздно, по понедельникам у него самая горячая работа.

Заметив, что хозяйка не отводит глаз от его перепачканной обуви, Яункалн попросил:

— Может, у вас найдутся лишние тапки, не хочется ползать.

— Ах что вы, что вы!.. — Мендере, наконец, позволила им пройти в коридор и быстро отыскала две пары домашних туфель. — Просто, чтобы вы себя лучше чувствовали, только ради этого. Я, например, ужасно мучаюсь, если, придя с улицы, не могу сразу переобуться; мне кажется, я бог знает какую инфекцию несу в дом.

Квартира сверкала чистотой, и Яункалн не мог себе представить, какой блеск тут еще можно было навести, разве что снять белые пикейные чехлы в гостиной.

— Эмиль мой тоже уверяет, что это старомодно, — Мендере словно прочитала его мысли. — Но он не так

много зарабатывает, чтобы ежегодно менять на креслах обивку.

Обстановка квартиры не наводила на мысль о скудости доходов хозяина. Скорее напротив: ее смело можно было назвать выставкой достижений мендеровского хозяйства или экспозицией образцов продукции зарубежных фирм. Даже мягкая накидка, защищавшая экран телевизора от солнечных лучей, рекламировала знаменитые игорные дома средиземноморского побережья. Буфет, стеклянный шкаф, полированная витрина были до предела набиты хрусталем, сервизами, кубками, фужерами и рюмками, дорогими безделушками. На почетном месте красовалась дюжина книжек, чей по-военному строгий ранжир с двух сторон поддерживали два фарфоровых филина.

— Это визит вежливости, — усевшись в кресло, пояснила тетушка Зандбург повод неожиданного вторжения. — Теодор Яункалн приступает к работе в милиции и теперь будет заботиться о порядке в нашем городе, поэтому, я считаю, ему надо аккредитоваться в лучших домах Вентспилса. С вашим мужем я его познакомила еще позавчера, Эмиль, наверно, рассказывал...

— Разве он мне когда что рассказывает? — нахмурилась Виктория. — Да я и не спрашиваю. Настоящая женщина никогда не суется в служебные дела мужа, у меня от своих забот голова идет кругом... Неужели вы и чаю не попьете, мой Эмиль вчера принес такой шикарный электросамовар. Ни за что не скажешь, что не настоящий, тульский, а из Гонконга.

Яункалн обратил внимание на то, что по меньшей мере половина вещей, составлявших предмет гордости Мендерисов, не представляла настоящей ценности, а была лишь искусной имитацией, серийной продукцией индустрии сувениров. В том числе и никелированный пистолет, красовавшийся в буфете между штампованным японским Буддой и пластмассовой маской африканского военного божка, тоже, наверно, был превосходно сработанной зажигалкой. Он встал, отодвинул стекло, затем спросил:

— Разрешите взглянуть?

Не дожидаясь согласия хозяйки, Яункалн взял пистолет. Он оказался на удивление тяжелым. Нажал спусковой крючок, тот не поддался; тогда Яункалн заметил собачку предохранителя и понял, что это не зажигалка.

— Гунтис, племянник мой, из Западной Германии привез. В новогоднюю ночь они с Эмилем ракеты пускали и всю округу подняли на ноги. Моему так понравилась эта штучка, что он откупил ее за полдюжины коньяка у этого пьянчужки, сказал, пригодится бандитов пугать, когда «Жигули» купим. Одно время он его днем и ночью в кармане таскал, потом надоело, ракет больше не осталось. Я и положила в буфет; все-таки не в окошко деньги выброшены.

Яункалн внимательно оглядел оружие. Такую маленькую ракетницу он видел впервые. Поднес поближе к свету. Ствол угрожающе блестел, но не мог подсказать, как действовать дальше.

Тетушке Зандбург было чуждо ощущение внутренней неуверенности. Она не допускала и мысли, что могла чего-то не знать.

— Дай-ка посмотреть, Теодор!

Взяла, повернула предохранитель, подняла пистолет вверх и нажала спуск. Раздался сухой, негромкий выстрел. Но ничего не произошло, даже штукатурка не осыпалась, на потолке не было видно ни малейшего повреждения. И тем не менее Яункалну показалось, что это не был просто щелчок. Скорее — имитация выстрела. Пугач. В самом деле, полезная игрушка для робкого владельца автомашины или для нервных дамочек, видящих в каждом запоздалом прохожем потенциального злоумышленника...

На этом рассуждения Яункална оборвались. Стало трудно дышать, глаза жмурились. Сквозь пелену слез он успел заметить, как судорожно зевает тетушка Зандбург, как плачет в три ручья Виктория Мендере. Поняв, что пистолет выстрелил слезоточивым газом, Яункалн распахнул настежь окна и насильно вытащил обеих женщин в коридор, а оттуда в сад.

Раньше других обрела дар речи, конечно же, тетушка Зандбург.

— Вот это был номер, а? Как в первостатейном заграничном детективе. Я могла тебя обчистить так, что и глядеть было бы не на что! У тебя и слезинки не осталось бы, чем потом оплакивать свои убытки.

Тедису Яункалну стало как-то не до шуток. Пытаясь сделать взгляд своих слезящихся глаз пронзительным, он строго обратился к всхлипывающей хозяйке:

— Кто вам привез этот пистолет? Фамилия? Имя?

— Так я разве давеча не сказала? Пьянчужка этот, моряк, племянник мой, Гунтис Пумпур. Даже водку пить приходит к нам уже окосевший. Зато говорун, каких мало. Всучил моему малахольному этот чертов револьверт. Хорошо еще, что в тот раз оставил на хранение десять долларов, будут мне в награду за беспокойство. Ну, я им теперь покажу!

— Это ваше внутреннее семейное дело, только имейте в виду, что телесные повреждения караются по закону. Даже если они заслужены. Еще более строго карается незаконное хранение оружия, не говоря о противозаконных валютных операциях. — Яункалн сам себе страшно нравился в роли стража правопорядка и с каждой последующей фразой становился все торжественней. — Пистолет я вынужден конфисковать. А вас попрошу в конце дня вместе с мужем явиться в милицию, где вы получите официальный документ. Лучше, если вы заранее приготовите письменное объяснение, каким образом приобрели оружие, с какой целью, когда, у кого, сколько заплатили.

— Кто же все это упомнит? А насчет денег, так они лежат у меня в комоде; как леж́али, так и лежат, я ни одного цента не истратила, ей-богу! Ползарплаты мой Эмиль вливает этому алкоголику в глотку, лишь бы тот привозил ему всякую заграничную ерунду. Даже радио не мог купить в нормальном магазине, подавай ему из Гамбурга.

— И какой же приемник он привез вашему мужу? — Яункалн напрягся, как заведенная пружина.

— Да разве упомнишь все эти японские названия? Пройдите в комнату и разберите, что там написано, коли охота.

* * *

Селецкис прибыл с получасовым опозданием. Зато сделал столько, что и часа не хватило на пересказ всего. Сведения, добытые в Ужаве, полностью подтверждали результаты разведывательной операции ребят.

В загуле Сильва не знала меры: путалась с кем попало, водила к себе «гостей», не боялась даже прикла-

дываться к аптечным запасам спирта. После ревизии, проведенной по настоянию народного контроля, ее хотели уволить с работы и отдать под суд, но оказалось, что она ожидает ребенка. Она возместила недостачу, плакала, клялась исправиться и в самом деле, покуда кормила сынишку, спиртного в рот не брала. Поселковые общественные деятели уже готовились праздновать победу добра над злом, но тут Сильва опять дала повод для тревоги. Сперва это бывало только по понедельникам, когда приезжал с деньгами, гостинцами и бутылками отец маленького Валдиса, затем ее стали замечать навеселе и по выходным, а теперь по вечерам и на неделе, если только случалась подходящая компания. Если бы удалось найти аптекаря, который согласился работать в этом богом забытом углу, от Сильвы уж давно бы отделились, но без валерьянки и сердечных капель ведь не проживешь, лекарства от кашля и пластыри на скрюченные подагрой спины бывают нужны позарез. Да и как женщину с ребенком прогнать на все четыре стороны, когда у нее нигде нет ни знакомых, ни родни? Человек-то она, как-никак, здешний, хоть и сбившийся с пути.

Сведения об Эмиле Мендерисе были намного скуднее. Жители Звейниекиема неохотно раскрывают свои сердца посторонним, но и к другим в душу не лезут. Многим вообще было неведомо, откуда приезжал Сильвин сожитель; называли его «господин из Риги». Иные утверждали, что он важный районный начальник, имеющий доступ ко всевозможным дефицитным товарам, а место работы и должность их не интересовали. Только Рихард с маяка и еще несколько собутыльников звали его «беднягой Эмилем», которому не повезло в семейной жизни — приходится ухаживать за разбитой параличом женой; она, мол, не пережила бы его ухода. Вот какого мелодраматического тумана напустил Мендерис вокруг своих любовных похождения.

— Ты не мечи икру, что не ждал тебя! — сознание вины дало Селецкису повод перейти на «ты»: возможно, он решил, что мелкое предательство более простительно со стороны старого знакомого, нежели со стороны нового сотрудника. — Когда шел мимо комиссионного, решил зайти к Иманту Гринцитису, взглянуть, что там у него делается. Со мной он, конечно, говорил полюбезней, чем вчера с тобой. Хоть с прокурорской санкцией, хоть без

оной — инспектор есть инспектор, ему громкими фразами мозги не запудришь. Он тут же заявил, что не собирается во имя превратно понимаемой солидарности прикрывать сомнительные поступки своего подчиненного... Словом, всю вину за беспорядок Гринцитис валит на Мендериса. Да, он был осведомлен о любовных интрижках приемщика, иногда даже шел навстречу своему примерному работнику, ибо нельзя смешивать дела личного порядка со служебными. Более того: это он, директор, подал Мендерису идею оставлять на чистых бланках свою подпись и, тем самым, создать впечатление, будто бы тот каждый день на работе. Но если эта маленькая хитрость привела к серьезным злоупотреблениям, вплоть до прямого обмана покупателей, он, Имант Гринцитис, умывает руки, он не потерпит, чтобы к его — директора магазина — репутации прилипла хоть малейшая соринка подозрений.

Янис Селецкис умолк. На радостях, что следствие явно продвинулось вперед, Яункалн даже не заметил того, что коллега воздержался от каких бы то ни было выводов, и поспешил с ними сам.

— Все ясно! Ребенок, любовница, еженедельные поездки, кутежи — на все это будь здоров сколько денег надо. А жена привыкла к ценным приобретениям — такой роскошной хаты я отродясь не видал. На мелких взятках и жульничестве при оценке вещей капитала не сделаешь. Вот он и придумал предприятие крупного масштаба. Может, все началось с того раза, когда он купил приемник у Пумпура и сообразил, что в японский ящик можно вставить нутро от «Дзинтара». А старому мастеру Румбиниеку разве трудно завинтить несколько шурупчиков? По-моему, в магазин вообще никто «Сикур» для продажи не носил. Мендерис сам вписал в бланки паспортные данные Румбиниека и Микельсоне, расписался за них и поставил даты понеделньников, когда он не имел обыкновения являться на работу. Здорово, верно?

— Ну, ты и даешь! — улыбнулся Селецкис. — Тебе попом быть, а не следователем, брат Теодор. Знаешь, какой путь самый скользкий в нашей работе? Сперва выдвинуть правдоподобную, логичную версию, а под нее подбирать соответствующие факты. Надо наоборот — сопоставить все имеющиеся в распоряжении материалы и сделать вывод... Но, в порядке исключения, на этот раз воспользуемся твоим методом — больно уж

соблазнительно. Давай, посмотрим, что за характеристику прислали из порта на Гунтиса Пумпура.

Отзывы о Мендерисовом родственнике превосходно вписывались в схему Яункална. После обязательной военной службы на флоте Гунтис остался верным морю, точнее говоря — камбузу, и пристроился коком на одно из судов Латвийского морского пароходства, отправлявшееся в южные моря. В плавании он пробыл почти целый год. И тут начинается печальная история молодого повара, который так пристрастился к сухому вину, входившему в паяк, что больше не мог жить без алкоголя. В северных широтах он без труда перестроился на более крепкие напитки. В конце концов его списали на берег. Два года Гунтис проработал официантом в припортовом кафе, оставаясь в резерве плавсостава. Прибывали новые морские суда, требовались, разумеется, и повара. В отделе кадров пароходства посчитали, что Гунтис Пумпур понес в некотором роде наказание и перевоспитался. Так девять месяцев тому назад Пумпур был зачислен в подменную команду на танкер «Булдури».

— Видал! О более выгодном партнере Мендерис и мечтать не мог, — с удовлетворением резюмировал Яункалн. — Ведь такой человек мог натащить какой угодно контрабанды, страх даже подумать. В мешках с мукой и сахаром можно в разобранном виде перевезти подъемный кран — не то что несколько пластмассовых коробок. Ни одному таможеннику не найти!

— Не путай разные вещи. Повар ведь не заведующий складом.

— Все равно! Перевозит же он каким-то образом «Сикеры» через границу.

Отрицать это было глупо, если, разумеется, не оспаривать теории Яункална в целом.

— А где Пумпур в настоящее время? В порту не сказали? — спросил Тедис.

— Говорят, в Ригу уехал. Команде выдали аванс, и, покуда он не будет пущен по ветру, Пумпур не вернется. Но если принять твою версию, то у кока водятся деньги и помимо зарплаты. Так что с тем же успехом можем искать его в кабаках Сочи... Разумнее было бы сперва допросить Эмиля Мендериса.

Янис Селецкис снял трубку и, вкратце изложив начальнику городской милиции свои аргументы, попросил,

чтобы лейтенант с двумя милиционерами встретил Мендериса на вокзале и прямым путем доставил в отдел.

* * *

Эмиля Мендериса на вокзале не встретили.

После сытного обеда, сдобренного изрядным количеством спирта, он с откровенным наслаждением делал то, что у Виктории было категорически запрещено — в одних трусиках расхаживал, посвистывая, по комнатам, рассказывал Сильве последние анекдоты, среди бела дня залез в постель и, само собой, проспал свой поезд. Автобус шел только через два часа, но Мендерис, выйдя на шоссе, вскоре остановил молоковоз, направлявшийся в Вентспилс, и доехал на нем до рыночной площади.

Хорошо, что лейтенант милиции не захотел примириться с неудачей на вокзале и расставил своих спутников возле дома Мендериса. Немногим позже десяти вечера приемщик вещей уже находился в кабинете старшего инспектора Селецкиса и хриплым от волнения и с похмелья голосом отвечал на первые официальные вопросы:

— Мендерис Эмиль Петрович, год рождения тысяча девятьсот двадцать шестой, место рождения — город Кулдига, латыш...

Повод для вызова на допрос был очень удобный. Обнаруженный по причине легкомыслия гражданки Зандбург газовый пистолет, скрытый воскресным выпуском «Цини», лежал на письменном столе Селецкиса.

— У вас имеется незарегистрированное оружие? — спросил старший инспектор, выполнив все формальности.

— Нет. У меня никогда не было никакого оружия, и даже в охотничьем обществе я не состою, — в сердцах ответил Мендерис. — Я даже стрелять не умею.

— Тут и уметь нечего. Навести в желаемом направлении и нажать на курок... А вот этим даже и целиться не надо, — Селецкис положил перед ним никелированный пистолетик.

Было видно, что в Мендерисе борются два чувства — недоумение и некоторое облегчение. Было ясно, что он приготовился к худшему. Табличка с надписью «Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности»,

красовавшаяся на двери, а также присутствие Яункална, как бы указывали на то, что речь пойдет о той «Сикуре» или еще о каких-нибудь безобразиях в магазине. Он заставил себя разыграть возмущение.

— Эта игрушка?! Из нее на праздник ракеты пускают. Мне один родственник подарил, а патрончики давно кончились. Потому и забыл про него. Я даже не знал, что надо регистрировать.

Яункалн уже хотел было напомнить, что незнание закона не оправдывает его нарушения, однако вовремя удержался. Пусть пока действует Селецкис, а он, Яункалн, еще успеет подключиться к допросу, когда разговор перейдет на радиоприемники.

— Боюсь, вы даже не представляете, в какую неприятную историю влипли. Экспертиза установила, что ваш пистолет — оружие новейшей конструкции и двойного назначения. Вы правы — его ствол предназначен для стрельбы ракетами, но, как вы верно заметили, фейерверк устраивают по праздникам. В будни эту штуку используют по-другому: достаточно повернуть вот этот рычажок кверху — и ракетница превращается в газовый пистолет. И в обойме имеются еще четыре неиспользованные капсулы.

Мендерис побледнел и стал оправдываться шаблонными фразами.

— Честное слово, я даже понятия не имел... Поверьте, я ничего плохого не думал...

— Теперь поздно отпираться, — в таком же шаблонном стиле ответил Селецкис. — Единственное, что может вас спасти, это — правда. Расскажите, как попал этот пистолет к вам?

Когда со слов Мендериса было записано все, о чем оба инспектора уже были осведомлены, Селецкис вновь поглядел на приемщика вещей.

— Пока не могу сказать, что вам грозит за хранение газового пистолета без разрешения, но одно мне известно точно — ввоз их в нашу страну строжайше запрещен. Это нарушение таможенных правил. Поэтому рекомендую заодно честно признаться, какие еще контрабандные товары привозил вам Гунтис Пумпур?

— Никаких, честное слово!

— А транзисторный приемник «Сикура»?

— Это же не преступление, все моряки привозят и продают.

— Одну штуку, наверно, разрешается. Для себя или, допустим, для любимой тетушки... Скажите, сколько он их привозит для вас из Гамбурга с каждым рейсом?

— Ради бога, о чем вы говорите? Мне вполне достаточно одной «Сикуры». Да и ту жена разрешает включать только по воскресеньям, — лицо у Мендериса пошло красными пятнами.

— Для собственных нужд, может, так оно и есть. Но я говорю о приемниках, которые вы продавали через магазин с немалой выгодой для себя.

— Чего не знаю, того и сказать не могу. Я же дал подписку об ответственности за ложные показания.

— Хорошо, тогда я вам расскажу, сколько «Сикур» за этот год продано через ваш магазин. Сто сорок три! Настоящих или поддельных — мы еще это выясним. И почти на всех документах стоит ваша подпись. Не пора ли нам приступить к разговору по душам?

— Но это же не означает, что я сам эти приемники продавал!

— Совершенно верно! Поэтому попрошу объяснить, как вы могли подписывать квитанции, если по понедельникам вас обычно не бывает в магазине?

До этого момента вопросы и ответы чередовались в довольно бойком темпе, теперь же вдруг образовалась затяжная пауза.

Яункалн был в восторге. Как здорово старший инспектор подошел к самому важному пункту в мендерисовых махинациях! Ведь все еще нельзя было инкриминировать приемщику ничего, кроме подписей на незаполненных бланках и этих незаконных выходных по понедельникам. И надо же так ловко загнать подозреваемого в тупик.

— Вы правы, — проговорил наконец Мендерис. — Чисто юридически я не имел права этого делать. Но на каком основании я могу не доверять директору магазина? Иначе он мне не давал бы эти выходные, а я в них очень нуждаюсь, чтобы подработать.

— Если только не наоборот — в охотку потранжирить денежки.

— Что вы хотите этим сказать? — голос Мендериса прозвучал вдруг неуверенно.

— Ничего особенного. При всем желании не могу записать в протокол, что в Ужаве вы производили ревизию потребительского общества, поскольку это «общество» состояло только из Сильвы, Рихарда, его жены и еще нескольких случайных собутыльников. Если хотите, чтобы пока все оставалось между нами, мужчинами, называйте свои дела по выходным дням их настоящим именем.

Эмиль Мендерис был окончательно сражен. Он даже не смог выпить налитую инспектором воду — так тряслись у него руки и стучали зубы. Поникший и серый, он вдруг стал выглядеть даже старше своей Викторией.

— Умоляю вас — жена ничего не должна знать об этом! Если она услышит и о малыше, мне в Вентспилсе жизни не будет. Я подпишу вам все, что угодно, только не говорите Виктории.

— Не будем торговаться, гражданин Мендерис, тут вам не частная лавочка, — оборвал его Селецкис. — Наверно, в этих же выражениях вы пытались смягчить и Гринцитиса, когда он осуждал ваш аморальный образ жизни. И тогда вы поняли, что подписи на пустых бланках — прекрасная маскировка всевозможных махинаций... Чем вы объясните то обстоятельство, что «Сикуры» принимались в скупку только по понедельникам, то есть в ваш выходной день?

Мендерис молчал.

— Ладно, с этим обождем... Расскажите, как вы вошли в сговор с Артуром Румбиниеком? До этого трюка с потерянным паспортом или позднее?

— С каким Румбиниеком?

— С тем самым, который сбыл через комиссионный магазин предъявленную инспектором Яункальном поддельную «Сикуру». Может, вы и об этом уже позабыли?

— Ах, пенсионер...

— Это что — его кличка?

— У меня голова раскалывается. Я ничего больше не понимаю. Напишите все, что считаете необходимым.

— Если хотите сегодня ночевать дома, придется взять себя в руки и ответить на все вопросы. Иначе буду вынужден вас задержать.

— На каком основании? Вы не доказали ни одного из ваших фантастических утверждений!

— А незарегистрированная валюта, которая у вас хра-

нится? Или вы будете отрицать и это тоже? Ваша жена была куда благоразумней.

— За те десять долларов — пожалуйста! Я все равно теперь не могу Виктории в глаза смотреть. — Мендерис впервые взглянул на Яункална. — А не могла бы общая наша знакомая позвонить моей жене? Она уж найдет, что сказать. Или пускай расскажет только про пистолет и про валюту... Я перед вами в долгу не останусь...

Когда приемщика увели в камеру, инспекторы посмотрели друг на друга с немым вопросом.

— Завтра он наверняка признается! — воскликнул Яункалн.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Селецкис. — У меня такое впечатление, что этот несчастный Эмиль скорее даст себя засудить за чужие грехи, чем вернется к жене прелюбодеем, пойманным с поличным.

— Как в детективном романе. Человек, на которого падают все подозрения, в конце концов оказывается безвинной жертвой случайного стечения обстоятельств.

Селецкис пожал плечами.

— Ладно, поглядим. Поэтому сегодня ночью надо хорошенько выспаться. Попрошу, чтобы дежурная машина развезла нас по домам... Да... а старухе Зандбург расскажите только самое необходимое.

* * *

Отказавшись от провожатых, тетушка Зандбург спешила к Виктории Мендере. Она отказалась бы и от многого другого, лишь бы сохранить за собой роль утешительницы сломленной горем женщины. Всего несколько часов тому назад она обозвала Викторию ведьмой, своими руками толкнувшей слабохарактерного Эмиля на путь преступлений. Теперь же, когда та сама попала в беду, тетушка Зандбург не могла не прийти к ней на выручку.

Честно говоря, Тедис Яункалн не слишком настаивал на исполнении своего джентльменского долга. Ему действительно хотелось завалиться в постель, ни о чем не думать, поскорее уснуть.

Едва щека Яункална коснулась подушки, как в дверь забарабанили. Или же он все-таки успел задремать? Неужели хозяйка забыла взять ключи от дома? Накинув

на голые плечи плащ, Тедис босиком сбежал вниз по лесенке и отпер дверь.

На крыльце стоял полковник Эдуард Кашис со своей дочкой Расмой.

Утихомирив растявкавшегося Томика, Яункалн пригласил поздних гостей пройти на кухню.

— Товарищ Зандбург будет так рада вашему приезду... Сейчас я поставлю чайник, вы же с дороги... С этой болезнью она себя чувствует вдвойне одинокой... — Он без умолку сыпал словами, чтобы скрыть свое замешательство.

— Разрешите усомниться, — сухо сказал Кашис. — С таким братом милосердия и с таким ласковым песиком воскрес бы даже покойник... А где же сама больная? Я должен передать ей от жены привет и малиновое варенье, которое должно ее исцелить.

— К врачу ушла, — в отчаянье врал Яункалн. — Наверно, скоро вернется.

— Это ночью-то?! Все поликлиники давным-давно закрыты.

— Вы не знаете свою тещу, если можно вас цитировать, товарищ полковник. — От смущения Яункалн становился все нахальнее. — Она доверяет только своему приватному доктору.

— Да что ты к нему прицепился, товарищ полковник? У самого не получилось с перевоспитанием бабушки, так теперь норовишь свалить ответственность на других. Манера, типичная для начальства! — упрекнула Расма отца.

Лишь теперь Яункалн заметил, какой она стала красивой за эти годы. Выющиеся черные волосы, высокий лоб и синие глаза делали девушку ослепительно яркой, и было трудно вообразить, что лет через пятьдесят она уподобится своей бабушке. Голос у Расмы был низкий, чуть глуховатый, и это придавало некую таинственность любой, даже самой обычной ее фразе.

— Университет вы, наверно, уже окончили. Где работаете? Преподаете французский?

— Окончательно еще не решила. — Она улыбнулась. — Потому и приехала вместе с полковником. Мне предложили место инструктора в Интернациональном клубе моряков, но сперва я хочу посмотреть, стоит ли соглашаться. Здесь работает моя давняя подруга.

— Не Ева Микельсоне?

— Я смотрю, вы быстро успели перезнакомиться с самыми красивыми девушками Вентспилса, — не без ехидства заметила Расма.

— Не только! Теодор Яункалн успел раскрыть крупную аферу и арестовать опасного преступника. Ты, Эдуард, мог бы у него поучиться!

Никто не слышал, как вошла тетушка Зандбург. С торжественным видом она уставилась на зятя.

Кашис схватился за голову.

— Если не ошибаюсь, он не обошелся без вашей помощи, дорогая тещенька. Наверно, вы и заболели-то от умственного перенапряжения...

— Что сказал врач? — поторопился с вопросом Яункалн. — Не ругал за то, что так рано поднялись с постели?

— Слова не сказал! — мгновенно уловила ситуацию тетушка Зандбург. — Мне требуются свежий воздух и полный покой. Надеюсь, дорогие гости примут это во внимание. — Она многозначительно посмотрела на Кашиса. — Теперь мы с Расмой соберем ужин, а потом я расскажу, что мы с Теодором успели сделать.

День пятый

Вентспилсский Интернациональный клуб моряков занимал мрачноватого вида двухэтажное здание, выстроенное на грани веков для нужд царского военного ведомства. Судя по его близости к порту, можно было предположить, что в нем размещались таможенники или пограничники, но это мало интересовало нынешних хозяев дома. Они бились над неразрешимой проблемой — каким образом гармонически соединить современную, легкую, угловатую и блестящую мебель с необычной планировкой и старинным интерьером здания, с высокими потолками и узкими стрельчатыми окнами, с парадными лестницами и длинными анфиладами комнат.

Внизу, где располагались танцевальный зал, бар и кафе, можно было обойтись ликвидацией перегородок, зато на втором этаже посетители сталкивались с вопиющим разностильем, приводившим архитекторов в ужас, но странным образом очаровывавшим моряков, не

обладавших тонким художественным вкусом, потому что каждый видел в нем частичку того, к чему привык у себя дома.

Лабиринт помещений странно усилил тревогу Расмы. Она просто не могла себе представить, с чего начать свой разговор с подругой. Ева была на два года старше Расмы; в университете они сдружились на комсомольской работе. Сейчас ее смущала просьба отца и Яункална: выудить у Евы интересующие милицию сведения об обстоятельствах пропажи ее паспорта, почему-то казавшиеся Тедису подозрительными. Спросить ее об этом напрямик тоже не хотелось. Ева еще вдруг догадается, что Расма действует по заданию милиции, и больше не поверит ей ни одной из маленьких тайн, обычно составляющих суть бесконечных разговоров девушек.

Даже в этот тихий утренний час в клубе было удивительно многолюдно. Да, о тишине тут не могло быть и речи, поскольку в зале репетировал танцевальный оркестр, старавшийся избытком громкости сгладить недостатки в исполнении. Репертуар, как показалось Расме, был локально-патриотический — экспортные варианты песенок Раймонда Паула, Александра Кублинского и Улдиса Стабулниека, которые исполняла на ломаном немецком языке платиновая блондинка.

Почти столь же шумно протекало и совершение формальностей, связанных с передачей смены буфетчицами. Кастаньетами стучали счеты, пустые бутылки звенели, как тамбурины, голоса официантов хриплостью напоминали о Луи Армстронге, да и высказывания их по поводу битой посуды цветистостью не уступали текстам модных песенок.

Весь этот гвалт, конечно, заполнял и второй этаж, где добавлялся еще сухой перестук бильярдных шаров и мячиков настольного тенниса. Но похоже, все это ничуть не беспокоило посетителей библиотеки: моряки разных национальностей рассеянно перелистывали переведенные на английский и испанский языки брошюры или фотоальбомы, посвященные Празднику песни. Они ожидали, когда их поведут на экскурсию по историческим местам города, о которой извещало желающих объявление на доске.

— Вот здорово, что пришла, мой актив опять прибыл

не весь! — воскликнула Ева. — Поможешь мне провести экскурсию.

Она не выказала ни малейшего удивления, как если бы рассталась с Расмой всего неделю назад и заранее договорилась о встрече.

— Да что ты! Я сама всего второй раз в жизни в Вентспилсе, — чмокнув подругу в щеку, запротестовала Расма.

— Ничего! Поедешь с нами как экскурсант и будешь крепить дружбу между народами умными вопросами и восторженными воплями. Я посажу тебя рядом с боцманом-итальянцем, он сносно говорит по-французски... Да, вот так я тут и кручусь — покоя нет ни утром, ни вечером. Если этим летом мне не дадут отпуска — осенью ноги протяну, вот увидишь.

Бросив взгляд на Еву, Расма поняла, что оснований для серьезного беспокойства о здоровье тем не менее нет.

— А как у тебя с так называемой личной жизнью? Мне говорили, ты приплыла в тихую гавань супружества?

— Думаешь, это было просто? Нет, я не имею в виду жениха найти, их тут пруд пруди, а саму свадьбу. Я тут выкинула номер. А мой избранник ревнив как черт — они, моряки, все такие. Мотаются по белу свету, а про нас думают невесть что... Пошли, кофе выпьем. Я тебе расскажу, это чистый детектив... Ты пьешь этот коричневый безразмерный порошок?

Спустя несколько минут в чашках на маленьком столе дымился растворимый кофе. И Ева Лукстынь, забыв про иностранных моряков и все еще не явившихся активистов клуба, принялась с увлечением рассказывать. Впечатление было такое, будто все эти месяцы она только и поджидала Расму, чтобы иметь возможность наконец поведать кому-то свою тайну, и поэтому говорила с явным наслаждением.

— У меня тут жизнь — не соскучишься, ты сама в этом убедишься, когда начнешь работать в нашем клубе; поклонников и танцулек скорее чересчур много, чем мало, и если тебе еще доставляет удовольствие съесть мороженое, выкурить сигарету и пропустить рюмочку — то я тебе скажу!.. Но нельзя же из-за этого забывать старых друзей? Еще начнут говорить, что, мол, загордилась. Так я однажды закатилась на именины к

школьной подруге Сильве. Она теперь живет в Ужаве и работает в аптеке. Не потому, что такая уж она мне близкая подруга, но просто неловко было отказаться. Очень скоро мне пришлось горько пожалеть: там собрались, наверно, самые завзятые кутилы со всего района и без конца несли всякую пошлятину. Да и с Сильвой больше не могла я найти общего языка, она еще до начала вечеринки как следует выпила. И представь себе, это к тому же было нечто вроде смотрин. Ты полюбовалась бы на отца ее внебрачного дитяти! Я на ее месте скорее положила бы к себе в постель жабу, чем такого — ни рыба ни мясо. Я решила уйти по-английски, улизнуть незаметно. А ко мне стал клеиться один из гостей, такой скользкий тип, словно угорь. Хорошо еще, что он хоть на ногах крепко держался. Все-таки лучше, чем одной через лес бежать на станцию. На дворе осень, темно, как в бутылке от Рижского бальзама. Мой провожатый сперва был вполне джентльмен, взял за локоток, потом стал руки распускать и довольно-таки нагло. Пригрозила ему, что буду кричать, — он не унимается. Кое-как вырвалась и убежала, даже, кажется, лицо ему поцарапала: утром гляжу — два ногтя поломаны. И еще не нашла свою сумочку с паспортом, служебным удостоверением и косметикой. Ты представляешь?! Сперва думала, забыла у Сильвы, ждала день, другой, а она все не звонит. Даже паспорт никто не подкинул в почтовый ящик, как это делают добропорядочные жулики. Наверно, потеряла в лесу, когда отбивалась от этого хама. А Эгону своему я даже заикнуться не смею, что влипла в такую историю. В заявлении в милицию написала, что паспорт посеяла в поезде, что из-за этого может сорваться свадьба, и мне выдали новый... Как по-твоему, он хотел меня изнасиловать?

— Все может быть, — безразлично ответила Расма, поскольку сейчас ее больше заботило, как бы не растерять в памяти детали рассказа Евы о ее злоключениях.

— Ева, все адамы уже в автобусе, — просунула в дверь голову какая-то активистка. — Можем ехать.

Место рядом с боцманом-итальянцем было уже занято, и Расме пришлось сесть в последнем ряду, где было жарко и трясло. Зато отсюда был прекрасно слышен голос Евы, усиленный репродуктором и сообщавший на английском языке интереснейшие сведения о

достижениях вентспилсских строителей за последний год по сравнению с довоенными показателями.

Путь в музей рыболовства преградил сержант милиции, приказавший свернуть на другую улицу для объезда. Однако стоило Еве сказать ему несколько слов, как он поднес руку к козырьку, широко улыбнулся пассажирам и выпалил:

— О'кэй!

— На территории музея киносъемки. Пообещала, что мы будем держаться сторонкой, — пояснила Ева.

Разумеется, они направились напрямиком на съемочную площадку — кому не охота поглазеть, как творят современные сказки. В рыбацком домике, временно служившем примерной, парикмахерша прилаживала к прическе героини фильма смоченный фиксатуаром шиньон.

— Вы уж лучше облейте меня прямо из ведра, только не нахлобучивайте на голову этот мокрый парик! — каянулась актриса, чьи собственные волосы красотой не уступали накладным.

— Поскорей, пожалуйста, поторопитесь! — нервничал ассистент режиссера. — У Зигиса кончился хлеб для чаек.

У края площадки стоял могучего телосложения мужчина и, подкидывая в воздух хлебные крошки кружившим над ним птицам, удерживал живой реквизит от соблазна разлететься на поиски рыбешки.

— Чего ты их тут прикармливаешь, эта погань весь халат мне загадила, — раздалась жалоба из другой лагуны.

У Расмы замерло сердце — это же голос бабушки, это ее интонация вечного недовольства! Из овина вышла Рената Зандбург в короткополом, старинного покроя капоте, увидела застывшую от изумления внучку, но сама не смешалась ни на миг.

— У каждого свое задание. Тебе надобно прощупать Лукстынихину невестку, а мне, может, необходимо проследить за главным режиссером. В кино порядочному человеку в закоперщики ведь не выбиться.

Расма вовремя удержалась от критики подобного взгляда. Стоит ли бабусю лишать удовольствия, может, оно последнее в ее жизни. Ей приходилось читать о старых англичанках, которые в преклонном возрасте вдруг бросают на произвол судьбы своих внучат и

собачат и отправляются путешествовать. Тетушка Зандбург не могла себе позволить такую роскошь, так пусть ее поразвлечется по своему разумению и по средствам.

— И ты появишься на экране... Как я тебе завидую! Если бы в твои годы я смогла себя чувствовать такой молодой!

— Всему свой черед. Сперва тебе предстоит родить трех дочерей, мужа похоронить.

Тетушка Зандбург гордо удалилась и даже не подумала попросить внучку не выдавать ее.

*   *

Куда меньше взаимопонимания было в разговоре между Гербертом Третьим и Коброй. С тех пор, как тетушка Зандбург почти перестала появляться в детской комнате, ребята могли себя тут чувствовать полновластными хозяевами. И тем не менее заходили сюда редко: пропала радость непрерывных мелких стычек, пикировки. А возможно, дыхание суровой действительности заняло в их жизни место игр и шалостей... По сути дела, они незаметно для самих себя оказались на стороне закона и порядка; каждый из них теперь делал все для того, чтобы найти и разоблачить преступников.

Как раз по этому поводу сейчас и происходил «обмен мнениями» между Гербертом и Райтой.

— Я уже слышал о твоём геройстве, — ехидничал Герберт. — Следили за развратниками и разболтали по всему городу. Если хочешь знать, Вентспилс кишмя кишит такими парочками. Но ты учти: пьянице никогда не додуматься до трюка с поддельными приемниками. А если бы и дотумкал, то сразу завалился бы.

— Ты, конечно, всегда умней всех!

Райта чувствовала себя оскорбленной до глубины души. До такой степени обесценить ее вклад в разоблачение преступников... Не хотелось даже рассказывать, как она купила себе — а значит, и всем «бизнесменам» — почти совсем новый мопед, который собиралась сегодня торжественно опробовать.

— Может, и не совсем так, но во всяком случае я не глупее твоего Теодора, — отрубил Герберт. — Такого нельзя и близко подпускать к Чипу, сразу все испортит.

— Ты по-прежнему считаешь, что этот заморыш, кандидат в покойники, замешан в афере с «Сикурами»?

— А что, по-твоему, мы таскаем в этих пачках? Размером с пивную бочку, а поднять можно двумя пальчиками.

— Тогда скажи: что тяжелее — килограмм свинца или кило пуха?

— Кончай трепаться! Там были пустые ящики от транзисторов — тоненькие пластмассовые стенки и воздух.

— Так, по-твоему, за ниточки дергает Чип?

— И никто другой! Видала, как он живет? Всего этого не купишь на башли от жвачки, сигарет или другой муры. Мы всемером три месяца ишачим, а сколотили только на часишки. На антенну пришлось брать взаймы у Жандармамы.

— Чип ведь работает...

— Пожарником. Мои предки врачами вкалывают — а что имеют? Ну, принесут домой цветов пучочек или коробку конфет. А чтоб на машину заработать, так где там. Чужого здоровья не styришь и налево втридорога не пустишь...

Впервые Герберт обмолвился о своей домашней жизни. Райта теперь вспомнила, что однажды на общем родительском собрании видела мать Герберта — еще довольно молодую близорукую брюнетку, которая пришла прямо с дежурства на «скорой», не сняв даже белого халата, и побыла совсем недолго. Райта понимала, почему Герберт, не отличавшийся ни особой храбростью, ни физической силой, среди «бизнесменов» пользовался почти таким же авторитетом, как Мексиканец Джо, — нормальные домашние условия придавали дополнительную вескость всему, что он говорил. Мексиканцу терять было нечего — это знали все. Но если за какое-нибудь предложение голосовал и Герберт, это означало, что игра определенно стоила свеч.

На сей раз Мексиканец Джо не хотел подпадать под влияние друга. Потерять такой источник доходов? Чистое безумие! Только что придя и выслушав рассуждения Герберта, он, достойным главаря жестом, стукнул по столу кулаком.

— Чего суетесь не в свое дело? Пускай тузы сами разбираются!

— А потом притянут и нас, как подручных и соучастников? — возразил Герберт.

— Мы жертвы махинации и юные друзья милиции. Никто нас не заставляет шпионить за Чипом. Никогда не подпиливай сук, на котором сидишь... А мы сидим совсем даже неплохо, верно? А с милицией, как с липучкой для мух: если тебя раз взяли на учет, то отвертеться от них трудно, лапка или крылышко обязательно приклеится навсегда — им ведь тоже свой план выполнять надо. Если заведут дело на Чипа, то быстро его не прикроют. Они уж найдут к чему прицепиться! Не получится с «Сикурами», пришьют спекуляцию контрабандой.

— Он, наверно, деньгу лопатой гребет, раз может отваливать нам постольку, — сказала Кобра.

— Нигде не написано, сколько человеку можно зарабатывать. Месяц назад на базаре торговали молодой картошкой по три рубля кило. Хочешь — гони монету, не хочешь — покупай по гривеннику старую, проросшую. И никто из тузов туда даже близко не подходил. Чип со своим товаром тоже никого за глотку не хватает. Кури себе на здоровье «Приму» и будь счастлив. А еслилюбишь американский дымок, раскошеливайся!

— Нашел, чего сравнивать! — вспылил Герберт Третий. — Люди, торгующие картошкой или клубникой, ее вырастили. Знаешь, сколько это требует труда?

— Знаю, сам из деревни. Но Чип никакой не преступник, он честный коммерсант, такой же бизнесмен, как мы, только размах пошире. И никого не надувает. Я еще не слыхал, чтобы он всучил полпачки сигарет вместо целой или зонтик, который не раскрывается...

— Или японский приемник с латвийской начинкой, — дополнил в тон Мексиканцу Джо Герберт. — Но я в этом убежден, и никто мне не запретит удостовериться. Думаешь, я собираюсь сразу напустить на Чипа Жандармаму со всем ее семейством? Нет, сперва я сам попробую вывести его на чистую воду. Только поэтому я и согласился торговать его товаром вразнос.

— Я тебе помогу, у меня есть практика, — предложила свои услуги Кобра.

— Ладно, — согласился и Мексиканец Джо. — Но уговор такой: в милицию пойдем только все вместе.

После ночи, проведенной в милиции, у Эмиля Мендериса был настолько жалкий вид, что Янис Селецкис достал из стола бритву «Спутник».

— Может, побреетесь?

Задержанный отмахнулся, как бы желая этим показать, что в данный момент у него есть заботы поважнее. Однако сразу же спохватился — как бы этот жест не восприняли, как признание вины, и с вызовом в голосе сообщил:

— Дома побреюсь. Привык к безопасной.

Это было последнее выражение протеста в разговоре, который затем длился три часа. Правда, вопросы и ответы заняли примерно половину всего времени, остальное ушло на подробную, слово в слово, запись показаний Мендериса, поскольку в Вентспилсе еще не пользовались такими вспомогательными техсредствами, как магнитофон или пишущая машинка.

Не исключено, что накануне вечером старший инспектор в самом деле сразу завалился на боковую; если так, то сегодня он должен был подняться с первыми петухами, поскольку к повторному допросу был в полной боевой готовности. На письменном столе были выставлены пять «Сикур», полученных от покупателей, не ведавших о том, что их облагопошили. Отвинченные задние стенки приемников обнажали детали «Дзинтара». Рядом с приемниками лежали квитанции и ярлыки, и на каждом документе красовалась собственноручная подпись приемщика Эмиля Мендериса. Три приемника принесла в скупку Ева Микельсоне, два — Артур Румбинiek. Это подтверждалось номерами их потерянных паспортов. Чуть поодаль внимание Яункална привлекла еще одна «Сикура». У нее задняя стенка корпуса тоже была снята, открывая взгляду выштампованную на шасси эмблему, знак Р и слова «Made in Japan». Этот приемник был принят на комиссию, а не приобретен в порядке скупки; подпись Гринцитиса на товарном ярлыке свидетельствовала о том, что он в первый вторник месяца самолично проверил документы владельца «Сикуры» Андрея Егорова.

— Я вас не спрашиваю, гражданин Мендерис, хорошо ли вы спали, — Селецкис больше не разыгрывал из себя

чуткого собеседника. — Я хотел бы узнать, хорошо ли вы все продумали.

— Всю ночь думал, — тотчас отозвался Мендерис, — каждый час всей своей жизни вспомню. Я из этого оружия ни в кого не стрелял. А эта несчастная десятка... Собираюсь отдать Гунтису при первой же возможности, но он как в воду канул.

— Ладно, с этим покуда обождем. И ваши похождения в Ужаве сегодня переживать не станем. Меня интересуют ваши махинации со скупленными «Сикурами».

— В чем виноват, того отрицать не собираюсь, — развел руками Мендерис. — Я еще в субботу сказал инспектору Яункалну, что магазин возместит ему убытки. Если вы считаете, что так будет лучше, могу и из своего кармана заплатить.

— Так и запишем: «Принимаю на себя ответственность за то, что транзисторный радиоприемник «Сикура» с товарным ярлыком № 1954/74 продан за сто пятьдесят рублей как японское изделие, хотя в нем находились детали приемника «Дзинтар», изготовленного в Риге». Так? Правильно?

Эмиль Мендерис тяжело вздохнул, но ничего не сказал. Казалось, сейчас его волнует только один вопрос: как бы поскорее выбраться отсюда с не слишком подмоченной репутацией законного супруга.

— Первый шаг всегда самый трудный, — подбодрил его Селецкис. — Вы не припомните, сколько продали таких поддельных «Сикур»? Сбывали их только в Вентспилсе или в других местах тоже?

— Не понимаю. Разве были еще такие недоразумения?

— Боюсь, «недоразумение» — не совсем подходящий юридический термин для данного случая. — Селецкис усмехнулся. — Но это пускай уж суд подбирает название... Тут, к примеру, есть еще пять экземпляров. Вы ведь не станете оспаривать, что эти подписи — ваши?

— Мои, — подтвердил Мендерис. — Но я же вчера сказал, что оставлял директору подписанные бланки, чтобы магазин мог работать и по понедельникам.

— Помню, помню. К вашему каждому слову здесь прислушивается чуткое ухо... Беда только в том, что директор эти приемники не принимал, никогда в глаза не видел людей, их продававших и выдававших себя за Ми-

кельсоне или Румбиниека. Все шло, как в сказке: по воскресеньям «Сикур» в магазине еще не было, во вторник с утра они уже оказывались на прилавке...

Дверь кабинета открылась. Видя, что Селецкис и Яункалн поднялись, Эмиль Мендерис оглянулся и увидел полковника милиции. Кашис выглядел столь внушительно, что и Мендерис хотел было вскочить со стула. Но Кашис сделал знак оставаться на месте.

— Отставить! Продолжайте разговор! — и сел на стул в темном углу комнаты.

Янису Селецкису пришлось заново изложить свои умозаключения. В честь полковника он не скупился на детали.

— Итак, вы не отрицаете, что купили и перепродали предъявленный Яункалном поддельный радиоприемник «Сикура», хотя документ составлен и подписан в понедельник, когда вы не имели обыкновения являться на работу. Не говорит ли это о том, что и все остальные «Сикуры», скупка которых оформлена вашей подписью, прошли через ваши руки?

— Так получается, — упавшим голосом согласился Мендерис.

— Вот это разумно! — расплылся в сердечнейшей улыбке старший инспектор. — Лично я готов поверить. Но для суда этого мало, там надо будет доказать, что это не бред, не оговор самого себя. Посему нам с вами придется вместе пройти путь от первоначального замысла аферы до момента вашего задержания, придется назвать по именам ваших компаньонов и помощников.

— У меня нет никакого помощника.

— Допустим. Я даже согласен допустить, что вы самолично доставали детали от «Дзинтара», сами монтировали их в японские корпуса, сами относили в магазин. В конце концов это не так уж сложно. Но кто привозил вам из-за границы пустые корпуса «Сикур», каким образом вы завладели паспортом Румбиниека, как узнали, что Микельсоне свой потеряла?

— Товарищ старший инспектор, — раздался голос Кашиса, — не пора ли сделать небольшой перекур? Попросите вывести задержанного.

Когда милиционер вывел Мендериса в коридор, оказалось, что курит один Селецкис. Эдуард Кашис, обращаясь к Яункалну, сказал с улыбкой:

— Я бросил курить два года назад, а вы, наверно, до сих пор не научились... Простите, что прервал нить ваших рассуждений, товарищ старший инспектор, но такие методы ведения допроса напоминают мне времена, которые вовсе не хотелось бы вспоминать. Вы не даете задержанному возможности высказаться, все время подсовываете ему фразы признания. Слабохарактерный человек — а Эмиль Мендерис, вне всякого сомнения, таков и есть — может незаметно для самого себя сунуть голову в петлю... К тому же я получил сведения, которые могут укрепить нашу позицию. Только что, когда сидел у начальника, позвонила моя дочь. Сообщила, что ваша союзница Зандбург с аппетитом позавтракала и теперь отдыхает. Просила до вечера ее не беспокоить. Кстати, Яункалн, вам горячий привет, только не понял, от кого — от бабушки или от внучки... Так вот: Расма виделась с Евой Лукстынь, урожденной Микельсоне. Есть вполне правдоподобная гипотеза, каким образом Мендерис мог завладеть ее паспортом.

Он вкратце пересказал то, что разузнала Расма, затем добавил:

— Вывод сделайте сами, я недостаточно в курсе, чтобы высказывать свое суждение. И вообще давным-давно не занимался хозяйственными делами.

— Так может, как раз подходящий момент вспомнить молодость, товарищ полковник? — сказал Яункалн.

— Поберегите свою хитрость для разоблачения преступника... Между прочим, я договорился с вашим начальством о том, что Яункална подключат к расследованию. Лучшей практики не придумать, авось, мир не рухнет, если Печак еще недельку повозится со своими несовершеннолетними... И ОБХСС тоже будет рад добровольному помощнику, верно, старший инспектор? О чем вы так задумались?

Селецкис встал. Он знал, что Кашис небольшой любитель внешних проявлений воинской дисциплины, однако после критических замечаний полковника не осмелился высказать свои мысли сидя.

— Лично мне кажется, мы палим из пушки по воробью. Этот несчастный Эмиль — его даже сердцеedom в полном смысле слова не назовешь — добивается успеха, используя материнский инстинкт, свойственный каждой женщине; прикидывается несчастненьким, непо-

нятым, заливает, будто влюблен по уши... Он мог бы присвоить найденные в сумочке деньги и продуть их в карты. Но чтобы оставить себе и хитроумно использовать чужой паспорт — тут требуется другая натура. Такой, как он, может за хороший магарыч помочь реализовать поддельные «Сикуры», но организовать и руководить целой группой жуликов Мендерис не способен — слишком велик риск. По-моему, он всего лишь колесико в механизме, а не пружина.

— Почему же он тогда готов взвалить на себя ответственность за чужие грехи? — поинтересовался Яункалн. — Ты ломаешь конструкцию, которую сам же возвел.

— С перепугу.

— Боится шефа банды?

— Не только. Еще и жены, нас боится. Как многие, кого никогда не лишали свободы, он толком себе не представляет, что такое тюрьма. Думает, отсижу годик или два, ни забот, ни хлопот, кормят задаром. А потом обо мне все позабудут и простят.

— Что вы предлагаете, старший инспектор? — перебил словоохотливого Селецкиса Кашис. — Практически! Мне тоже кажется, что Мендерис запутался во лжи, и все-таки без его прямого или косвенного участия эта афера была бы неосуществима. Он знает гораздо больше, чем вам кажется. Я не стал бы отказываться от вашего первоначального варианта, пока не вытянул бы всю правду из Мендериса, причем до того, как вы произведете проверку его родича Пумпура.

Янис Селецкис щелкнул каблуками.

— Так точно, товарищ полковник, будет сделано! — По-военному печатая шаг, он подошел к телефонному столику и позвонил дежурному по городу. — Есть что-нибудь новое о Гунтисе Пумпуре?.. Телетайп из Риги? Что у вас за порядок, черт возьми, при котором я все узнаю последним?! Ах, уже в пути! Спасибо и на том.

В дверь постучали. Бросив трубку, Селецкис сердито распахнул дверь, вырвал конверт из рук удивленного посыльного и подал его полковнику. Кашис с подчеркнутым спокойствием вскрыл конверт, надел очки, прочитал и сообщил:

— Перекур продолжается. Гунтиса Пумпура в настоящий момент не допросить. Он задержан в рижском

ресторане в неменяемом состоянии и его пришлось поместить в вытрезвитель. Врач надеется, что завтра сможет доставить его к нам.

Яункалн постепенно начинал верить во всемогущество милиции. Перед этим отыскиали пять «Сикур» со всеми соответствующими бумажками, теперь на горизонте замаячил столь необходимый для следствия Пумпур. Прямо-таки не верится, что некоторые преступления до сих пор все еще не раскрыты. Быть может, оттого, что не все еще работают с полной отдачей? Себя он, конечно, не мог упрекнуть в недостатке рвения. Вот и теперь назойливая мысль заставила его вернуться к началу разговора.

— Что касается паспорта Евы Лукстынь, у нас имеется если и не ясность, то во всяком случае правдоподобное допущение. Но как быть с документами Румбиниека? Неужели кто-то специально ехал в Ригу, чтобы вытащить у него из кармана паспорт?

— Не в бровь, а в глаз! — Кашис поднялся со стула. — На этот вопрос лучше всего вам ответит сам Артур Румбиниек. Если не возражаете, я поеду вместе с вами. Тем более, что мне запрещено идти домой к теще.

* * *

В распоряжение столь высокого гостя начальник городской милиции, разумеется, предоставил свою служебную «Волгу». Яункалн с большим удовольствием поехал бы на оперативной машине; ее сирена и «мигалка» позволили бы мчаться по улице с односторонним движением даже в запрещенном направлении, но и без того они достигли цели своего пути за неполных пять минут.

Сегодня этот дом почему-то казался таинственным, на лестничной клетке со щербатой штукатуркой Тедиса охватило мрачное предчувствие. Он понимал, что с тех пор, как пришел сюда первый раз, ровным счетом ничего не изменилось, однако это особенное настроение зарождалось, очевидно, не в мозгу, а где-то под ложечкой. Именно там он ощущал странную пустоту. Причина, возможно, была в тяжелых шагах Кашиса, глухо отдававшихся на лестнице и напоминавших сокрушительное для нервов

соло на барабане. Хотелось броситься бегом вверх по лестнице, но было бы неэтично опередить тяжело дышавшего полковника.

Наконец они остановились перед дверью двадцать восьмой квартиры, и Кашис кивком головы велел Яункалну постучать, а сам встал так, чтобы его не было видно через «глазок». Тедис постучал, обождал минутку, затем забарабанил громче и приложил ухо к двери. Изнутри не доносилось ни звука.

— Невозможно, чтобы он не слышал, — шепотом проговорил Тедис. — Там даже коридора нет, только кухня и сразу комната.

— Стучите сильнее, — как бы в ответ ему раздался женский голос. На площадку вышла соседка и с любопытством уставилась на Кашиса. — Старик Румбиниек вчера, видать, опять закладывал в одиночку, а теперь спит мертвецким сном.

— И часто он так? — поинтересовался Селецкис.

— Ой, зря сказала, — с притворным сожалением проговорила женщина. — Видать, никто, кроме меня, не знает, что он тихий пьяница, песен не поет, не дебоширит. Просто человек не может без этого уснуть и утром без опохмелки подняться не может. А днем капли в рот не берет.

— Откуда вы так хорошо знаете про него? В старых домах стены не такие уж тонкие.

Кашиса всегда подташнивало от квартирных сплетен, однако в следовательской работе игнорировать их полностью тоже было нельзя.

— Так я же у Румбиниека приборку делаю. Два раза в неделю. Он мне за это то кран починит, то электричество, то дров напилит. Одинокие люди должны помогать друг другу. У меня и ключи есть, чтобы войти, когда он уезжает в Ригу.

— Попробуйте-ка еще раз!

Кулаки Яункална безрезультатно сотрясали дверь.

— По каким дням вы наводите у него порядок? — дипломатично поинтересовался Селецкис. — Случайно, не по вторникам?

— По понедельникам и по четвергам. Но я могу поглядеть, не забыла ли там веник, — соседке очень хотелось прийти на выручку представителям милиции.

Она юркнула в дверь своей квартиры и вскоре

вернулась с двумя ключами. Вставив меньший в отверстие патентованного замка, а большой — в скважину под дверной ручкой, она одновременно повернула их в разные стороны.

Царивший на кухне порядок делал честь соседке Румбиниека. Даже половая тряпка была для просушки повешена над плитой и теперь слегка трепыхалась на сквозняке. Дверь в комнату была прикрыта.

— Наверно, вчера в Ригу уехал, — предположила соседка. — Мне во сне еще почудилось, вроде бы тут кто ходил. Наверно, торопился на ночной автобус.

— Похоже на то, — согласился Кашис и, остановив остальных у порога, обратился к Селецкису: — Проверьте-ка комнату, но не затапывайте слишком пол.

Соседка бросила на него благодарный взгляд. Ей и в голову не пришло, что предупреждение полковника могло иметь криминалистическую подоплеку.

Янис Селецкис на цыпочках пересек кухню и носком ботинка толкнул дверь комнаты. Затем вошел внутрь. Чуть погодя снова вышел, и Яункалн сразу понял, что ничего хорошего он не услышит: рот старшего инспектора был сжат в узкую полоску и лоб стянут морщинами.

— Сосед ваш умер, — сказал он, ни к кому непосредственно не обращаясь.

— В постели? — спросил Кашис.

— За столом. Скажите, — Селецкис обратился к соседке, — была у Румбиниека привычка пить из горлышка?

Прислонясь головой к дверному косяку, женщина всхлипывала и не расслышала вопроса. Зато Кашис сразу насторожился:

— А что такое?

— На столе «Черный бальзам», но нет ни одной рюмки.

— Тогда это, наверно, по моей части, — вздохнул Кашис. — А я-то надеялся малость отдохнуть у постели хворой тещи. Но Рената Зандбург никогда не даст покоя ни себе, ни другим... С чего начнем, Яункалн? С врача или с опергруппы?

— А нельзя вызвать сразу и то и то?

— Наш судебно-медицинский эксперт уехал на курсы повышения квалификации, — сказал Селецкис.

— Да, я на днях встретил старика Крустыньсона в

Риге, он еще сомневался в точности моего нового аппарата. Ничего, теперь я докажу, насколько он полезен! — Кашис словно стряхнул с себя десяток лет. — Брат Теодор, садитесь в машину, поезжайте домой (ваши взаимоотношения с этими женщинами лучше моих) и привезите мой коричневый портфель, тот, что с кодовым замком. А вы, старший инспектор, звоните в «Скорую» и дежурному по городу, вызывайте оперативную группу с экспертами. Да, по дороге попросите зайти сюда дворника, нам нужны двое понятых... Извините, как вас зовут, гражданочка?

— Пашкевич моя фамилия, — всхлипывала соседка, — но я ничего не знаю. И какой леший меня дернул совать нос в чужие дела...

Кашис присел у раскрытого окна кухни. Мучительно хотелось закурить. Он не курил вот уже двадцать три месяца и шестнадцать дней, но это был миг, по сравнению с сорока годами, на протяжении которых он ублажал себя никотином. Теперь он целыми неделями не вспоминал о своей былой слабости, равнодушно взирал на колечки дыма, выпускаемые курильщиками, но достаточно было столкнуться с трудно разрешимой проблемой, требовавшей напряженного мышления, и рука начинала машинально шарить в кармане брюк в поисках пачки сигарет.

Хотя Кашис всячески старался не забежать вперед с выводами до результатов осмотра, ему не верилось, что Румбинiek умер своей смертью. Это было бы столь выгодное совпадение, что преступнику стоило пойти на риск и подсобить судьбе. Каким образом, кто, почему, когда — все это предстояло выяснить в ходе следствия вместе с представителем прокуратуры. Хорошо, если бы им оказался толковый парень. Если бы только была возможность затянуться душистой сигареткой, гастроль в Вентспилсе могла бы начинаться хоть сию минуту.

Врачом «скорой помощи» оказалась стройная темно-волосая женщина, она и в комнате не сняла коричневых солнцезащитных очков, не позволявших увидеть цвет ее близоруких глаз.

— Бирута Кагайне, — представилась она. — Убийство?

Кашис в который раз проклинал судьбу, что пришлось с визитом к теще ехать прямо с совещания в Совете

Министров, куда требовалось явиться в полной форме. До отхода поезда не было времени съездить в Юрмалу и переодеться. А Регина в чемодан даже летних брюк не положила, одни только банки с вареньем.

— Прошу вас, пусть мое присутствие вас не смущает, — сказал он. — Мы хотим воспользоваться этим происшествием для обучения молодых специалистов. Поэтому в первую очередь сфотографируем общую картину и труп, поглядим, не обнаружатся ли подозрительные отпечатки пальцев, а тогда можете спокойно работать.

Врач присела на табуретку и достала из сумочки плоскую, темно-красную пачку сигарет с надписью золотыми буквами «Dunhill».

— Сын подарил на день рождения. Говорит, в Европе они сейчас считаются самыми лучшими.

— Моряк?

— Герберту всего шестнадцать. Наверно, купил около ворот порта. — Она нахмурилась и после короткой паузы сказала: — По дороге сюда я заехала в поликлинику и посмотрела историю болезни Артура Румбиниека. У него была стенокардия, так что ничего удивительного, особенно если учесть переменчивую погоду нынешнего лета.

Кашис не выдержал.

— Вы не угостите меня сигаретой? Свой забыл дома, — бессовестно солгал он.

Взяв с плиты спички, он предательски дрожащей рукой зажег сигарету и, словно в ожидании чуда, сделал первую затяжку. Сигарета оказалась такой крепкой, что у него дух перехватило; он поперхнулся и начал судорожно кашлять.

— Непривычная марка, — пояснила Кагайне. — Я всегда говорю мужу: если хочешь долго жить — не изменяй сигаретам и жене.

Слезы по-прежнему застилали Кашису глаза, тем не менее он вовремя заметил Яункална и успел выбросить сигарету в окно. Вскоре прибыла и опергруппа милиции.

Артур Румбиниек сидел за столом, будто спал, положив голову на локоть правой руки, и ничто в его позе не говорило о насильственной смерти. На расшитой народным узором скатерти стояла глиняная бутылка «Черного бальзама». Кашис осторожно приблизил нос к горлышку пустого коричневого сосуда и никакого подозрительного запаха не уловил.

В комнате был такой же, как и на кухне, образцовый порядок, кровать накрыта красивым шерстяным покрывалом. Трудно было себе представить, что сюда ворвался со злым умыслом какой-либо враг хозяина. А если враг под личиной друга?

Кашис вышел в кухню.

— Скажите, соседка, когда вы отпирали дверь, вы оба ключа поворачивали или только английский замок?

— Уже и не припомню, как оно было сегодня. Только Румбинiek всегда говорил, чтобы не забывала на нижний запереть, верхний, тот сам захлопывается. А сегодня вроде бы ручка сама по себе отперлась.

Ну, конечно, Румбинiek ведь находился в квартире, с какой стати ему было запирается, как в крепости? Однако и гость мог закрыть за собой дверь так же. Ладно, подождем, что скажет врач.

— Надо полагать, сердце, — сообщила Бирута Кайгаине. — Это не противоречит и диагнозу поликлиники.

— А более конкретно? — спросил Яункалн. — Сердечная недостаточность или инфаркт? Извините, я не медик.

— Это заметно. — Врач улыбнулась и сказала Кашису: — Протокол вскрытия пришлю завтра утром.

— Вы не могли бы сказать, когда наступила смерть? Хотя бы приблизительно, — попросил Селецкис.

— Поздно вечером или ночью. Без специальных приборов точнее определить невозможно. Я позову санитаров с носилками, хорошо?

— Одну минутку.

Наконец Кашису удалось набрать нужную комбинацию цифр и открыть портфель — подарок делегации народной полиции ГДР, в последние месяцы неимоверно усложнявший жизнь. Словно фокусник, вынимающий из шляпы кур и даже кроликов, полковник одну за другой извлек из портфеля несколько продолговатых коробок.

В первой находился электронный термометр, определявший температуру с точностью до сотых долей градуса в пределах от ноля до восьмидесяти градусов.

— Поглядите-ка, Яункалн, что показывает черный кот, — он кивнул на термометр-сувенир, стоявший на секретере.

— Восемнадцать. В эту комнату солнце, наверно, никогда не попадает.

— Только к вечеру, — уточнила дворник.

— А вчера целый день шел дождь. Ночью температура в комнате, надо полагать, упала до шестнадцати градусов. Ваши выводы, Яункалн?

— Вывод такой, что все происходило почти как в учебнике. Тело остывало на градус в час.

— Таблицу умножения мы еще не позабыли.

Кашис приложил термометр к трупу и посмотрел на шкалу.

— Восемнадцать; стало быть, температура окружающей среды. Ваша очередь, товарищ Яункалн.

Тедис, не без помощи пальцев на обеих руках, быстро произвел расчет.

— Сейчас три часа. Значит смерть наступила до одиннадцати часов вечера.

— Спасибо, хорошо... Еще год назад мы все рассуждали бы так же, как этот выпускник университета, и гадали бы по нескольким признакам. Но за это время наука шагнула вперед. Изобретен пружинный прибор, который по чертежам профессора Форстера и под моим наблюдением изготовили в механической мастерской.

Он раскрыл другую коробку, некогда служившую футляром для большого и, наверно, красивого ожерелья. Сейчас же на синем бархате покоилось весьма сложное устройство со спиральными пружинами, передачами, шкалами, защелками и рычажками, смахивающее на весы.

— Принцип действия весьма прост. Время окоченения трупа нам известно... Я зацепляю этот динамометр за ахиллесово сухожилие. Теперь, Яункалн, согните и разогните ему ногу в колене... Смелей, покойнику не больно... И теперь я могу рассчитать усилие, приложенное к окоченевшему мускулу трупа. Сейчас вам скажу. Смерть Румбиниека наступила между половиной девятого и десятью часами вечера.

Санитары подняли скрючившееся в предсмертной агонии и застывшее тело Румбиниека, положили на носилки. Но Кашис не завершил еще свои эксперименты. Деловитым движением, вызвавшим у Яункална, с одной стороны, восхищение, а с другой — внутренний протест, полковник приподнял веко покойника и принялся изучать глазное яблоко.

— Экхимоз, как я и предполагал, — пробормотал он.

— Эти красные точки еще не доказывают, что было удушье, — защищала свой диагноз врач.

— Однако почти полностью исключают вариант с инфарктом, — не думал сдаваться Кашис. — Пожалуй, они больше всего говорят о токсической асфиксии.

— Если вам известно, что его отравили, почему было не сказать об этом сразу? — откровенно возмутилась Кагайне. — Я же не специалист по судебной медицине.

Признав свою оплошность, Кашис сердечно попрощался с врачом, отпустил фотографа и технических экспертов, затем сызнова принялся экзаменовывать Яункална.

— Вы стали бы возбуждать уголовное дело против неизвестного убийцы? Если да, то почему?

Впервые Яункалну приходилось отвечать без подготовки по конспектам. Но он не смутился, поскольку за последние дни, как ему казалось, приобрел столько знаний, сколько за весь университетский курс.

— По многим обстоятельствам. Наиболее подозрительной мне кажется бутылка. Можно допустить, что хронический алкоголик пьет без закуски и прямо из горлышка. Но абсолютно немыслимо, чтобы после последнего глотка он достал носовой платок и обтер бутылку. На ней же нет ни единого отпечатка пальцев — ни Румбиниека, ни чьего бы то ни было, хотя бы продавщицы.

— Превосходно! — похвалил Кашис. — Дальше.

— Мне не дают покоя соседкины слова о том, что вчера она слышала, как кто-то выходил от Румбиниека. Это мог быть только убийца, он же и забрал с собой рюмки и другие компрометирующие вещественные доказательства.

— Мотив, разумеется, вам также ясен?

— Страх перед разоблачением. Убийца, по всей вероятности, инициатор аферы с «Сикурами», знает, что началось расследование. Он не уверен, станет ли Румбиниек молчать, и потому устраняет его.

— Только из-за этого?.. Но будем придерживаться фактов. Чем, по-вашему, он или она умертвили Румбиниека?

— Препаратом типа кураре, не оставляющим следов.

— Тут вы, дорогой мой, хватили через край. Это не роман про южноамериканских индейцев. Яд кураре действует на организм лишь при инъекции. По той же при-

чине отпадает и строфантин. Я полагаю, это должен быть очень сильнодействующий алкалоид, легко растворимый в алкоголе... Ну, это уточнит химический и биологический анализ в Риге. А теперь последний вопрос — кто мог это сделать?

— Опять-таки наш несчастный козел отпущения Эмиль Мендерис, — Селецкис сказал это и нервно засмеялся. — Из машины он вышел на рыночной площади после девяти, когда его задержал лейтенант Велдре. До этого он запросто мог заскочить к Румбиниеку и тяпнуть со старым приятелем перед сном.

— Не будем торопиться, — предупредил Кашис. — С тем же успехом это действие можно приписать половине жителей Вентспилса. Старший инспектор, дайте указание разыскать шофера молоковоза.

* * *

Когда троица «бизнесменов», так и не составив определенного плана действий, приближалась к дому Чипа, к парадному подъехал «газик» добровольного пожарного общества, на котором Чип работал сменным шофером: двадцать четыре часа дежурил, потом три дня бывал свободен и мог «заколачивать деньгу». В рабочее время ему тоже не запрещали пользоваться машиной для своих нужд, а в случае надобности начальник всегда мог его вызвать по радиотелефону. Что говорить, служба у Чипа была идеальная, только из-за нее теперь Мексиканцу Джо, Герберту и Кобре приходилось решать дополнительную проблему — как не упустить его из поля зрения.

— Этот драндулет даже без багажника, где бы спрятаться, — сетовал Герберт.

— Только этого еще не хватало. Чтобы в нем задохнуться и околеть, — мрачно заметил Мексиканец Джо. — А на велосипеде хвоста ему не приделать.

— Ребята, я совсем забыла вам сказать! — воскликнула Кобра. — Я же вчера купила мопед! Прежний хозяин выжимал на нем пятьдесят километров в час. И заплатила всего...

— Не пересказывай нам свою биографию! Вон твой автобус. Жди на тарахтелке у моста на той стороне. Быстро! — Герберт взял бразды правления операцией в свои руки и подтолкнул девочку по направлению к ав-

тобусной остановке. — Джо, монета есть? Гони сюда! И подольше поговори с Чипом о жизни и о его драгоценном здоровье, пока я найду таксу. А потом — бегом к Кобре! Ну, будет охота на лис — как при дворе английского короля!

Чтобы стимулировать интерес сына к иностранному языку, Бирута Кагайне то и дело подсовывала ему английские детективы. Сперва Герберт пользовался словарем, потом овладел небогатым лексиконом этого чтива и теперь мог без труда следить за развитием сюжета. Чуть ли не в каждой книжке встречалась ситуация, когда бесстрашный и смекалистый, сильный и ловкий главный герой видит, как его уже почти изловленная жертва вскакивает за руль мощнейшего автомобиля. Вот-вот он исчезнет из виду, опасный преступник неминуемо уйдет от рук правосудия... Но в этот момент, как правило, из темноты или тумана выныривает такси, герой поднимает руку, садится в машину и приказывает: «Следуйте за той машиной!» И начинается бешеная погоня по широким бульварам центральной части города, по булыжным переулкам, опасная игра со светофорами, трели полицейских свистков.

В глубине души Герберт давно мечтал когда-нибудь оказаться в подобной ситуации и, разумеется, в роли главного героя. И вот эта ситуация настала. В первую очередь пришлось рассказать шоферу придуманную наспех басню о пари и пообещать хорошие чаевые. Но и тогда водитель согласился на преследование главным образом из-за того, что предложение очень уж соответствовало его южному темпераменту.

Через пять минут он, однако, начал нервничать.

— Послушай, друг, для чего ты из меня нервы выматываешь? Известно тебе, что нервные клетки в организме не обновляются?.. Зачем так долго стоим? Мне надо план выполнять, на всех углах ждут пассажиры, женщины в родильные дома везти надо, мужчины к своим красавицам спешат, у стариков сегодня пенсия, скоро подойдет рижский поезд, а мы тут загораем.

Мексиканец Джо, кажется, перестарался. Он всячески затягивал свой визит, чтобы дать Герберту время найти свободное такси. Но Чип вроде бы никуда не спешил. Президент «бизнесменов» никак не предполагал, что хозяин квартиры в эти минуты мечтал лишь об одном: как

бы поскорей выпроводить непрошеного гостя за дверь. Нельзя же было в присутствии Мексиканца Джо лезть в тайник и вынимать товар, который сегодня обязательно надо было доставить клиенту. И без того дорога каждая минута, а этот тип явно не собирался уходить, очевидно, рассчитывая на угощение. Конечно, можно бы пропустить с ним по рюмочке, но парень тогда застрянет надолго.

— За рулем не пью, — сказал Чип, как бы в заключение внутреннего монолога. — По делу мы все обговорили. Поехали! Тебе куда?

— У меня свидание в сквере за мостом. Но я могу и пешком...

— Пока Чип жив, тебе даже на свои похороны не придется идти пешком. Отвезу!

Чип буквально вывел за руку Мексиканца Джо на лестницу и захлопнул дверь квартиры. Лучше сделать небольшой крюк, чем еще час валандаться с этим молодкососом.

Он включил сразу вторую передачу и дал газу. Красная машина рванулась вперед, проскочила мимо стоявшего на остановке автобуса и влилась в поток самосвалов, двигавшихся со стройки нового причала для танкеров.

Таксист не был готов к столь резкому старту. Ему пришлось долго стоять со включенным сигналом поворота у тротуара в ожидании момента, когда в потоке машин образуется промежуток. К тому же улица была узка, и обгон невозможен.

— Только без паники! — успокаивал он пассажира на заднем сиденье. — За мостом мы его обязательно доставим. Если только этот черт не включит маяк и не попрет на красный свет. Зачем сразу не сказал, что он ненормальный?

Однако им так и не посчастливилось догнать Чипа. Когда такси свернуло на съезд с моста, красный «газик» уже сделал полный круг, и, высадив пассажира, въехал на мост по противоположной стороне улицы и умчался назад в Парвенту. Знак «Одностороннее движение» не давал возможности развернуться и нестись за ним вдогонку.

Теперь шофера не требовалось подзадоривать: было задето профессиональное самолюбие. Оно и заставило его нажать педаль газа чуть ли не до предела: шины взви-

згнули, пробуксовывая на асфальте, как на старте кольцевых гонок. Герберт даже не успел помахать Мексиканцу Джо, сидевшему в ожидании Кобры на скамейке сквера.

Резкий тормоз, и словно железная рука толкнула мальчика в спину. Красный «газик» пожарников стоял на том же месте, где и десять минут назад, — перед дверью дома Чипа.

— Хочет поиграть со мной в кошки-мышки! — злился шофер. — Но второй раз у него номер не пройдет! Мы будем кружить вокруг квартала и тогда он узнает, что такое летучий старт. Захотел пришить Гвинадзе ту же бороду второй раз? Не выйдет!

Герберт был в восторге от того, что ему попался такой горячий союзник. Он уже понял, что это предприятие далеко вышло за рамки пионерской военной игры, что на сей раз он принимает участие в очень серьезном и опасном мужском деле, в котором можно заработать не только тычка в бок, но и финку в живот. Наверно, не надо было делиться, надо было оставаться всем вместе. В такси он себя чувствовал более или менее в безопасности, но было страшно подумать, что, возможно, придется вылезти из машины и идти по следу Чипа одному.

Теперь Чип не пользовался преимуществами своей пожарной машины и ехал, соблюдая правила, как участник конкурса месячника безопасности дорожного движения. Таксист закурил, высунул левый локоть в окно и в зеркальце встретился глазами с вопросительным взглядом Герберта.

— Хочет нашу бдительность усыпить... — бросил через плечо таксист. — Сейчас мы ему покажем черта лысого!

Гвинадзе прибавил ходу, обогнал Чипа и вскоре остановился на стоянке такси. Вышел, подошел к шоферу головной машины очереди и принялся что-то страстно ему доказывать. Затем вместе с ним вернулся к Герберту и сказал:

— Надо поменять машину. Как в старину, когда лошадей меняли. Что, работает голова у Гвинадзе, а? Только запомни: на этом счетчике уже три рубля.

Правда, Герберту казалось, что в окошке он видел цифры «197», но друзьям не к лицу быть мелочными. К тому же идея поменять черную «Волгу» на светло-серую стоила дороже рубля.

Чипа они догнали у базарной площади и больше не старались держаться от него на расстоянии. «Газик» свернул налево, «Волга» повторила маневр. Когда Чип остановился у неоштукатуренного четырехэтажного дома, Гвинадзе сделал то же самое, поставив свою машину неподалеку.

— Что дальше? — спросил он, когда Чип скрылся в парадном.

— Я не мог бы вас попросить, посмотреть, в какую квартиру он войдет? Меня он знает...

— А кто будет оплачивать дополнительную услугу, Шота Руставели, да? — заворчал шофер, вылезая из машины.

— Я. По двойному тарифу, — посулил Герберт, пытаясь рассчитать, сколько он еще может себе позволить кататься на такси.

Кто-то постучал в окно машины. Он испуганно поднял голову и увидел Мексиканца Джо в живописной позе, стоявшего с голубым мопедом и взиравшего на мир сквозь огромные очки со стеклами сиреневого цвета, наполовину скрывавшими его лицо.

— Мировая штука! В городе ему от меня не улизнуть.

— Жди за углом, может, и правда есть смысл еще раз поменять лошадей.

Так и не поняв, что имеет в виду приятель, Мексиканец Джо, с разбегу заведя мотор, вскочил на седло и с диким треском умчался. И вовремя, потому что из парадного вышел шофер, а за ним следом и Чип.

— Станный тип, — делился своими впечатлениями Гвинадзе. — Вошел во двор, покрутился, понимаешь, поглазел на окна, потом по черной лестнице поднялся на самый верх. Но там тоже не задержался. Так оттуда подорвал, что я едва успел отцепиться... Поехали!

Путь был недалек — всего лишь до пожарной части, где Чип загнал машину во двор и пошел в гараж потрепаться с шоферами.

— Тут он может проканителиться до вечера, — начал бунтовать Гвинадзе. — Будем считать — сыграли вничью: один-один — и разойдемся красиво. Ты мне пятерку, я тебе — пожелания счастья и успехов.

Такой итог вполне устраивал Герберта.

Таксист оказался прав. До двух часов дня Чип не выходил с территории части. Ребята, подгоняемые урчанием

в животах, собирались было уже покинуть свой пост, когда в воротах показался красный «газик». Рядом с Чипом сидел пожилой брандмайор в мундире с галунами и блестящими пуговицами.

— Повез начальство на обед, — с завистью в голосе предположил Мексиканец Джо. — Не будем зря бензин тратить.

— Но на обратном пути он неизвестно куда может завернуть, — возразил Герберт. — Мне этот его заезд к старому, нештукатуренному дому что-то не нравится. Думаешь, Чип поднимался на четвертый этаж ради того, чтобы бросить в почтовый ящик свою визитную карточку? Он не успокоится, пока не закончит свою комбинацию... Я пойду прямо туда, а ты не упускай его из виду.

Не иначе, как Чип установил новый рекорд скорости. В тот момент, когда Герберт, воспользовавшись всеми известными ему лазейками в заборах, спрямлял путь и проходными дворами приближался к дому, с другой стороны к нему уже подкатывал красный «газик». Чип и на этот раз вошел во двор через распахнутые настежь ворота, а не через парадное с улицы. Герберт прибавил шагу, но тут же был вынужден схорониться за стволом ближайшей липы. Словно пробка из бутылки шампанского, из парадного вылетел Чип, без оглядки вскочил в машину и умчался, оставив за собой облачко синей гари.

Лишь теперь, весь в пыли и разлохмаченный, подъехал Мексиканец Джо и без малейшего колебания зарулил напрямик в подворотню. Он тут же вышел на улицу, вид у него был растерянный, и от обычной самоуверенности осталась в лучшем случае половина.

— Там дело дрянь. «Красный крест» и две машины с фараонами! Мотаем отсюда.

— А может, как раз наоборот? Пойти и выложить все, что знаем?

— А что ты знаешь-то? Что торговал по заданию Чипа японскими открытками и зонтиками? Если уж очень хочешь стать пайнкой за казенный счет, то пошли лучше на исповедь к Жандармаме. Это она расколола «Сикуру» и втянула нас в заваруху, пусть теперь сама и расхлебывает.

Идея пришлась Герберту по вкусу, он даже дал себя уговорить на поездку на мопеде и пристроился сзади на багажничке, чтобы поскорей добраться до музея

рыболовства, где тетушка Зандбург с самого утра была на съемках.

Лоцманская вдова и на этот раз первым делом решила извлечь выгоду из новой ситуации.

— С вами-то мы всегда успеем разобраться, сейчас гораздо важнее накрыть этого висельника! Поезжайте к Кашису и скажите ему, что изгнание кончилось. Пускай идет домой, теще опять стало хуже. Я тем временем лягу в постель и выпью четыре стакана чая с малиновым вареньем. Если только сердце мое выдержит, он поверит, что меня прошиб предсмертный пот и начинается агония. А уж тогда пусть только посмеет мне перечить!

* * *

Яункалн и Селецкис сидели в кабинете заместителя начальника городской милиции и поджидали Кашиса. С того момента, как руководство следствием взял на себя полковник, эта комната превратилась в штаб оперативной группы.

Тедис до сих пор чувствовал себя как выброшенная в море пресноводная рыба — плыть по течению еще можно, но дышать трудновато. Смерть Румбиниека он, например, переживал куда тяжелее, чем остальные товарищи по работе. Несмотря на то, что полковник строго предостерег его не торопиться с выводами, поскольку еще не доказано, что совершено убийство, Тедис готов был дать голову на отсечение, что старика Румбиниека прикончили. Нельзя сказать, что ни с того ни с сего Тедис вдруг почувствовал симпатию к покойному. Старик как старик, мрачноватый, как это нередко бывает, если пенсионера потревожат во время дневного сна. Ходил по соседским квартирам, чинил электричество, утюги, ничего особенного от жизни не требовал, кроме своей рюмочки перед сном, чтобы среди ночи не просыпаться в полном одиночестве. Тедису не верилось, что Румбиниек был активным участником аферы. Быть может, он даже не подозревал, для какого дела понадобился его паспорт, который он, очевидно, «уступил» за несколько бутылок. Но он знал, кому его отдал, и теперь заплатил за это жизнью.

Тедис сознавал, что опять им движут чувства, необоснованные и недоказуемые подозрения, а они-то и есть

наибольшее зло при ведении следствия по уголовному делу. Если ему не удастся обуздать фантазию, приучить себя рассуждать бесстрастно и освободиться от абсолютно ненужной сентиментальности, то ему до самой пенсии пребывать в «детсаде», где такой чувствительный дядя будет очень по душе несовершеннолетним нарушителям...

В кабинет вошел дежурный сержант.

— Разрешите?.. Вот этот гражданин вас ищет, товарищ старший инспектор. По неотложному делу.

— Не такое уж оно срочное, это дело, просто подумал, что смогу быть вам полезен, — сказал директор комиссионного магазина Имант Гринцитис.

Не дождавшись приглашения, он прошел мимо сержанта и поклонился. По случаю официального визита он, невзирая на летний зной, был в застегнутом на все пуговицы темно-коричневом пиджаке. Из бокового кармана Гринцитис извлек конверт и протянул его Селецкису.

— Пришло с вечерней почтой, и мне почему-то показалось, что это письмо надо сдать в милицию. Ходят слухи, что Мендерис арестован. Это правда?

— Благодарю, — сказал Селецкис и положил письмо на стол. — Поскольку письмо не заказное, обойдемся без квитанции, я полагаю... Вы хотите сообщить что-либо важное, что может помочь следствию?

— Я право не знаю, — смутился Гринцитис. — Может, у вас есть какие-нибудь вопросы ко мне?

— Если возникнут, мы вас вызовем. Всего наилучшего! Гринцитис подал было на прощанье руку, но, заметив неприязненное выражение лица старшего инспектора, передумал.

— Отчего ты с ним так не приветлив? — спросил Яункалн. — Вчера мне показалось, вы с ним хорошие знакомые.

— Так уж оно есть с этой всенародной поддержкой. Теоретически нам трудно работать без помощи самых широких слоев населения. Но по собственной инициативе со своими наблюдениями чаще всего приходят всякие сплетники или же люди, желающие извлечь для себя таким образом какую-то пользу.

— Имант Гринцитис не похож на сплетника.

— Значит, у него на уме еще что-то. Быть может, его заботит репутация магазина, — ответил Селецкис и

посмотрел конверт на свет. — Не распечатывался, это видно и без экспертизы. Вчера поздно вечером отправлено из центра Вентспилса.

Он разрезал ножницами конверт и пинцетом извлек оттуда исписанный листок бумаги. Прочитал, покачал головой и протянул письмо Яункалну.

«Уважаемый тов. Мендерис!

Ни сегодня, ни завтра зайти я к Вам не смогу, ибо внезапно почувствовал слабость на сердце. Посему прошу извинить меня за то, что не принес товар. Однако дома держать тоже не хочу. После неожиданного визита стало страшновато. Прошу вас зайти, когда будет время, и я расскажу, где спрятал. Очень хочу этой ночью спать спокойно, поэтому приму свое черное снотворное. А также и за Ваше здоровье.

Очень Вас жду!

С глубоким уважением

Артур Румбиниек

5 августа 1975 года
Вентспилс».

Что-то было в этом письме ненастоящее, но что именно? Яункалн принес заявление Румбиниека об утере паспорта и положил рядом. Почерк тот же самый. Многословие можно было счесть возрастной чертой характера. Однако более всего смущало то, что письмо отвечало почти на все вопросы. Оно, казалось, было сочинено специально для того, чтобы милиции было легче расследовать дело. Но разве в жизни так не случается?

Полковник Кашис сразу уловил суть проблемы. Письмо Румбиниека осложняло, а отнюдь не упрощало вопрос о причине внезапной смерти пенсионера.

— Эмиль Мендерис ведь готов признать свое участие в афере с «Сикурами». Зачем ему было убирать опасного свидетеля? И еще одно неясное обстоятельство. Единственный яд, действующий сразу после введения, — это знаменитый цианистый калий, но у него выраженный запах горького миндаля. Позвонил в морг — инъекция отпадает, нигде нет ни малейшего следа от иглы. Производные дигиталиса дают смертельный исход лишь через шестнадцать часов. Вероятность эта не исключена, однако она опрокидывает все наши расчеты времени. Я уж

начал думать, что он умер естественной смертью, но тут откопал в вашей библиотеке учебник по фармакологии. Старенький, зато обстоятельный, даже с примерами из древнегреческой мифологии. На шестьсот одиннадцатой странице я обнаружил сведения об аконитине — алкалоиде растения аконит. Оказывается, фирма «Мерк» производит препарат «aconitinum crystallisatum», растворимый в спирте. Достаточно пяти миллиграммов, чтобы через три часа наступил паралич сердца.

— Значит, Румбинiek принял его до восьми часов. Но в это время Мендерис был еще в Ужаве или по пути оттуда, — задумчиво проговорил Селецкис.

— По его собственному утверждению, — заметил Кашис, — нами еще не проверенному.

— Шофер с молоковоза будет у меня завтра утром. Как только придет на работу. Вчера по этой трассе ездил только Филарет Воскобойников.

— Не козыряйте редкими именами, они не оправдывают недостаток оперативности! — полковник был не в духе. — Трупный материал самолетом отправлен в Ригу на исследование, там обещали работать всю ночь, если потребуется, и прислать нам заключение по телетайпу. Я и для вас двоих приготовил незаконную сверхурочную работу. Вам известен некто по прозвищу Чип?

— Настоящее имя Дзинтар Вульф, — подсказал Яункалн.

— Есть у нас в Вентспилсе такой спекулянт по морской части, — безразличным тоном отозвался Селецкис. — На учете у инспектора Дрейманиса.

— Ваш инспектор знает о нем меньше, чем моя теща, у которой из-за этого Чипа даже температура подскочила. К вашему сведению, он сегодня дважды побывал в парадном, где квартира Румбиниека, и смылся при виде милицейских машин. Даже если не верить моей теще, которая считает, что убийца обязательно возвращается на место преступления, все равно надо бы за этого типа взяться покрепче. Он получает от моряков подозрительно легкие для их размера свертки, которые переправляет дальше через посредничество несовершеннолетних... Одним словом, ясно?

— Ясно! — словно эхо отозвался Яункалн. — Теперь я знаю, чем различаются эти письма. Датой! Взгляните, как она написана в заявлении и как здесь.

Он придвинул полковнику оба листка. Цифры казались написанными одинаковым почерком, но манера написания даты была разная.

В заявлении — 19 $\frac{16}{X}$ 73, а в письме — 5 августа 1974 года, Вентспилс.

— На графологическую экспертизу! — отдал распоряжение Кашис. — Ну и, конечно, надо искать отпечатки пальцев.

— Графология — мое хобби, — с улыбочкой сказал Селецкис. — А то пришлось бы отсылать в Ригу.

— Да, гастроли в провинции — хлеб не из легких, — со вздохом проговорил Кашис. — А теперь пошли: Рената Зандбург и Расма Кашис ждут нас ужинать, Как там с угощением, не знаю, но то, что в саду у тещи не растет аконит, я проверял самолично.

День шестой

По соображениям конспирации, входящую в плату за жильё утреннюю кормежку тетушка Зандбург перенесла на вечер, когда приготовление жарева и варева можно было взвалить на Расму. До тех пор, пока соседнюю с кухней комнатку занимал зять, она побаивалась вставать с первыми петухами. Еще застывает на прогулке, разоблачит симуляцию, разозлится, все бросит и уедет. А кто станет ловить мошенников, околпачивших бедную, неимущую лоцманскую вдову на кругленькую сумму в семьдесят пять целковых?

Расма, конечно, так рано не вставала, у полковника самый крепкий да и самый громкий сон наступал после восхода солнца. Но сегодня Тедису не хотелось отстать от Селецкиса. Он понимал, что секрет успеха старшего инспектора по части сбора информации кроется отнюдь не в сверхъестественном даре ясновидения, но в тщательной повседневной работе, которой он занимался по утрам и вечерам. Яункалн свое задание тоже решил выполнить до начала рабочего дня — пусть даже и натошак!

Дворник уже закончила поливку тротуара и была готова к исполнению роли понятой. Выразила свое согласие также и соседка Румбиниека — любопытство оказа-

лось более сильным фактором, чем вызванные первым шоком слезы сочувствия.

Яункалн сорвал бумажки с печатями, которыми были заклеены замочные скважины, и вставил ключи. Дверь раскрылась без скрипа.

Внутри все выглядело так же, как накануне — чистота, граничившая с неуютом и нагонявшая тоску на посетителя. Ощущение неуютности подчеркивало еще назойливое воспоминание о скрючившемся за обеденным столом мертвеце.

Яункалн ни разу самостоятельно не производил квартирный обыск. Первое задание такого рода, к счастью, было нетрудным уже потому, что Тедис отчетливо себе представлял объект поиска — надо было найти несколько образчиков почерка Румбиниека и посмотреть, не припрятаны ли где-нибудь детали от «Дзинтара», или корпус от «Сикуры», или еще какие-либо предметы, говорящие об активном участии хозяина квартиры в махинациях с радиоприемниками. Если Тедис будет действовать последовательно и в соответствии с методикой, он управится вполне за час...

— Чувствуйте себя как дома, — подбодрил он внезапно притихших женщин. — Располагайтесь поудобнее. Вам надо будет только расписаться за изъятые предметы. Да, и также надо следить, чтобы я что-нибудь не изъял втихую или наоборот — не вытащил из кармана и не выдал за вещь покойного.

— Что вы, что вы!.. — замахала руками дворничиха. — Да вы и не способны на такое!

— Вам же за честность платят зарплату, — присоединилась к ее мнению вторая понятая.

Осмотр кухни был делом пустяковым: посудный шкафчик, одновременно служивший столом, полка с двумя сковородами, тремя кастрюлями и жестяным чайником, плита, раковина, под которой стояло мусорное ведро, два стула и небольшой, встроенный под подоконником шкафчик для хранения продуктов. Яункалн дотошно осмотрел все, даже заставил себя заглянуть в каждую посудину и в духовку. Внимательней всего он проверял ящик с ложками, вилками и ножами. Нашел в нем новейшей конструкции открывалку для консервных банок, но никаких инструментов, достойных серьезного внимания, не обнаружил.

Вызванное этим обстоятельством недоумение сразу же рассеял полированный под орех секретер, занимавший угол между окном и дверью. Все нижнее отделение ломилось от всевозможного инструмента — отвертки, паяльники, кусачки, плоскогубцы, напильники всех сортов, сверла и прочие подобные вещи. Хранить столько всякого технического барахла мог себе позволить только закоренелый старый холостяк. Даже самая терпеливая жена давно бы уже повыбрасывала весь этот хлам: старые распределительные коробки, розетки, ржавые замки и щеколды, обрезки проводов, трубок и прокладок, электропредохранители, гвозди, шурупы, гайки и болты. Но слесарь или электротехник тут нашел бы для себя несметные богатства.

Яункалн тщательнейшим образом перебрал все эти сокровища. Трудно было придумать предмет домашнего обихода, который нельзя было бы отремонтировать с помощью «фондов» этогохламохранилища — от старинного примуса до новейшей швейной машины, но только не радиоприемник. Быть может, Румбиниек транзисторы, резисторы и прочие конденсаторы, а также инструменты для радиомонтажа хранил в другом месте?

Тедис открыл секретер. В отделении для документов он сразу же обнаружил сколотые скрепкой корешки почтовых переводов. Все они были заполнены на пишущей машинке и адресованы Артуру Румбиниеку, высылались ежемесячно семнадцатого числа. Все переводы были по тридцать рублей. В первый момент Тедис решил, что Румбиниеку присылали по почте пенсию, и он еще удивился, что она так мала. Но потом обратил внимание на обратный адрес: «Вентспилс, ул. Ригас, 187, кв. 32, Я. Озолинь».

В школьные годы Тедис жил как раз на этой улице, в последнем доме, и прекрасно помнил даже его номер — 149. На нем кончалась пригодная для застройки территория. Стало быть, адрес фиктивный, имя отправителя, скорей всего, тоже.

Он посмотрел на даты переводов. Первый был получен в октябре прошлого года — спустя несколько дней по возвращении Румбиниека из Риги. А не была ли это плата за «утерю паспорта»?

Яункалн отложил корешки и стал рыться дальше.

Ящик был доверху полон оплаченными счетами, квитанциями из химчистки, использованными талонами на междугородные телефонные переговоры и старыми лотерейными билетами. Пьяницы, как правило, не педанты. Румбинiek, по-видимому, был исключением. В особом отделении он хранил свою корреспонденцию: открытки, присланные старыми знакомыми с южных курортов, письма родственников из Риги. А вот и еще одно немаловажное открытие — вырезка из газеты шестилетней давности, автор которой в приподнятом тоне сообщал о проводах на пенсию выдающегося радиомастера Артура Румбиниека после сорока лет безупречной службы на предприятии бытового обслуживания. Круг обещал замкнуться.

Нельзя сказать, что Румбинiek был большой любитель писать письма или что-либо еще. Яункалну удалось обнаружить лишь общую тетрадь, в которой пенсионер, переселившись в Вентспилс, начал записывать свои расходы. Однако, чем чаще в этих записях фигурировало слово «Кристалл», тем больше становились промежутки времени между записями. С появлением наименования «Экстра» и новой цены — «4 р. 12 к.», Румбиниеково увлечение бухгалтерией окончательно угасло.

В гардеробе висели два костюма, старая телогрейка, рабочие брюки; на полках — дюжина сорочек и несколько пар белья. В тумбочке — два порошка от головной боли и снотворное, а также очки для чтения. Простукивать крашеные стены и искать под полом тайники было бы явно чересчур. Яункалн сложил свои находки в сумку и уже приготовился было писать акт, когда заметил на секретере стопку чистой бумаги. Взял ее, положил на стол, чтобы удобней было писать, и тут обратил внимание на то, что верхний листок уже использовался в качестве подложки и хранил оттиск написанного шариковой ручкой. К сожалению, прочитать что-либо было невозможно. А если положить на этот листок полученное вчера письмо?..

Яункалн подошел к окну и еще раз обвел взглядом помещение. Чего старику не хватало, зачем было подрабатывать нечестным путем? Он, Яункалн, почел бы за счастье иметь такую квартиру. Человек окончил университет, приступил к ответственной работе, а о собственном жилье не смел покамест и мечтать. Общежития, родительский дом, комната старухи Зандбург — нигде он не

чувствовал себя полновластным хозяином. А если посчастливилось бы очаровать такую прекрасную девушку, как, скажем, Расма, куда он привел бы ее после загса? Снова пришлось бы ютиться у чужих людей...

Чтобы не поддаваться более настроению безысходности, навеваемому нарастающим чувством голода, Тедис решил пойти позавтракать.

* *

Кашис с нетерпением поджидал остальных участников утренней летучки. Ждал и майор Блумберг, прибывший с первым поездом из Риги и теперь жаждавший активно подключиться к операции. Покамест его участие выразилось лишь в доставке заключения экспертизы. Он не предполагал, что окажет Кашису неоценимую услугу тем, что обсудит со следователем по особо важным делам Вольдемаром Страупниеком все добытые материалы, объективные факты и предположения, которые среди криминалистов принято деликатно называть гипотезами. Собственные мысли из чужих уст звучали совсем по-иному, так что можно было критически их проанализировать, четче отделить отсутствующее желаемое от того, что есть в наличии.

Эдуарду Кашису довелось работать вместе со Страупниеком, с которым был знаком еще по латышской стрелковой дивизии. Он очень уважал советника юстиции за его опыт и умение смело пойти в решающий момент на риск, пренебрегая иной раз многими формальностями, что зачастую приводило к осложнениям с начальством. Со Страупниеком всегда было трудно различить переход функций милиции к функциям прокуратуры. К примеру, сегодня: другой вызвал бы оперативных работников к себе в кабинет, стал бы говорить о необходимости действовать быстрее, энергичнее и целеустремленнее, велел бы дважды в день докладывать по телефону об успехах, а Страупниек сам отправился в ОВД, чтобы руководить расследованием и надавать кучу ценных советов.

Быть может, как раз потому Кашис, открывая совещание, не мог удержаться от соблазна подчеркнуть свою роль в предшествовавших операциях:

— Я был прав. Результаты рижской экспертизы целиком подтвердили мое предположение о причине смерти Румбиниека. И более того. Если учесть ослабленность организма алкоголем и хроническими болезнями, то можно смело допустить, что паралич сердца и органов дыхания наступил уже через два часа после употребления аконитина... Отсюда вытекает, что роковой глоток бальзама был сделан между шестью и восемью часами вечера.

— Эмиль Мендерис отпадает, — сказал Селецкис. — Только что допросил шофера молоковоза. Филарет Воскобойников ездит строго по графику и на каждой ферме отмечает время. Пассажира на ужавской дороге он посадил после двадцати часов. На предъявленной фотографии он опознал Мендериса.

— Никто пока что не отпадает! — впервые взял слово Волдемар Страупниек. Он показал на стену. — Я позволил себе немножко приглядеться к карте района. До Ужавы менее часа езды на легковой машине. Теоретически Мендерис мог от шести до семи находиться в квартире Румбиниека, затем вернуться в Ужаву и оттуда с надежным свидетелем вернуться в Вентспилс. Посему надлежит очень тщательно проверить алиби Мендериса после восемнадцати часов.

— Как раз это я и хотел сказать, — хмуро заметил Кашис. — Но мне не дают договорить до конца. Первым делом надо окончательно выяснить вопрос с ядом. Еще в конце сороковых годов или с начала пятидесятых все препараты аконитина изъяты из фармакопеи и сняты с производства. В аптеках Советского Союза их нельзя ни купить, ни украсть. Разумеется, настойку можно приготовить самостоятельно, но это не сделаешь за один день. И опять-таки все дороги ведут к Сильве из ужавской аптеки.

— Как будто я не сказал об этом пять минут назад, — с обидой первоклассника вскинулся следователь прокуратуры.

На сей раз Кашис великодушно пропустил замечание мимо ушей и церемонно предоставил слово Селецкису.

— Не буду утруждать ваше внимание техническими деталями, — старший инспектор тоже умел блеснуть воспитанностью. — Все они изложены в моем заклю-

чении. Скажу только, что тетрадь, обнаруженная в квартире Румбиниека, и письмо, полученное в магазине, дают достаточно материала для сравнения. Короче говоря — если только это не гениальная подделка, на которую способен лишь выдающийся специалист, то письмо написано рукой Артура Румбиниека. — Выдержав театральную паузу, Селецкис продолжал: — Это подтверждается оставшимся на чистом листе бумаги оттиском текста, написанного шариковой ручкой. По ширине и высоте следы в точности совпадают со строчками письма, таким образом, можно сделать вывод: этот лист лежал под тем, на котором писалось письмо... Особенно внимательно я исследовал даты и не обнаружил никаких противоречий. Заявление Румбиниек сочинял в милиции, потому и обозначил дату коротко, формально. А когда писал письмо в домашних условиях, то предпочел более полную форму написания числа и месяца.

— Мне пришло в голову другое объяснение, — поднялся со своего места Яункалн. — Возможно, он писал под диктовку. Незвестный посетитель убедил его, что единственное спасение — свалить всю вину на Мендериса. Никто из нас не был знаком с Румбиниеком, но мне не верится, что старый мастеровой стал бы писать такими гладкими фразами. Сказано ровно столько, сколько надо, ни одного лишнего намека. Он и дату написал так, как пишет Озолинь...

— Что еще за Озолинь? — спросил Страупниек.

Тогда Яункалн выложил на стол корешки почтовых переводов, которые сразу же пошли по рукам.

— Картина обрастает деталями, но яснее не становится, — заговорил майор Блумберг. — Кто-то хочет во что бы то ни стало загнать в наши сети Эмиля Мендериса. По-видимому, не зная, что он не станет этому противиться. Он ведь считает, что в тюрьме будет чувствовать себя лучше, чем под крылышком у жены. Не так уж далеко от истины, если принять во внимание, что мы имеем дело с убийцей, спасающим свою шкуру. Только чересчур уж густо намазывает свой бутерброд, полагая нас полными болванами, которые без его помощи заблудятся в трех соснах. Я несколько не удивлюсь, если обнаружится, что бланки почтовых переводов заполнялись на машинке, стоящей на столе у Мендериса в комиссионном магазине... Провзрьте, Селецкис!

— Есть проверить! Хочу только заметить, что к машинке имеет доступ также директор, продавщицы и даже уборщица. Сейчас не те времена, когда пишущие машинки полагалось держать в опечатанном шкафу. В этом же магазине их штук шесть стоит на полках.

— Что еще на повестке дня? — прервал бесплодную дискуссию Кашис. — Да, а Дзинтара Вульфа, который под подозрением у гражданки Зандбург, вы допросили?

— Чип пропал из виду. Дома не ночевал. Сегодня его не было ни на работе, ни в районе порта. В данное время его разыскивают по всему городу.

— Наверно, забрался к дружку и отсыпается после пьянки, — предположил майор.

— Непонятно, почему вы о нем говорите с таким безразличием. Версия с Дзинтаром Вульфом мне сейчас кажется более правдоподобной, чем с Мендерисом. — Страупниек не скрывал своего недовольства. — Сами же его проворонили, поскольку не оставили где-нибудь в переулке оперативную машину, и теперь удивляетесь, что он смазал пятки.

— До вечера разыскать! — коротко распорядился Кашис. — Яункалн, привлечите дружинников, заодно и ребят Зандбург. Пускай помогают расхлебывать кашу, которую сами же заварили. А после этого прямиком на почту! Выясните, когда и где отправлено адресованное Мендерису письмо. До или после смерти Румбиниека. Это важно, и потому не жалейте сил... Селецкис отправится в комиссионный магазин. А старая гвардия под твоим командованием, товарищ Страупниек, возьмет в оборот Гунтиса Пумпура. Выжмем как лимон, по всем правилам. После обеда все вместе выедем на лоно природы. Я, например, давно мечтаю полюбоваться ужавским маяком.

Эдуард Кашис встал и вышел из кабинета. Хотелось хоть недолго побыть на свежем воздухе, прогуляться до Венты, посмотреть, живы ли еще старые мостки, на которых после войны часами просиживал с удочкой, никогда не теряя надежды пополнить скудный паек служащего несколькими окуньками или плотвичками... Мог же он, в конце-то концов, позволить себе крошечную передышку, поскольку приехал сейчас в Вентспилс не в служебную командировку, а в отпуск за свой счет.

К тому же и обстоятельства дела не требовали столь

большого умственного напряжения, как раньше, когда приходилось иметь дело со спекулятивными махинациями, с поддельными подписями, незаконными накладными и тому подобными вещами хозяйственно-бюрократического свойства. Как только в картине преступления «всплыл» труп, полковник уже не сомневался в том, что убийца будет найден. Теперь фабула происходящего была хорошо знакома: преступник чувствует, что над ним нависла угроза, и начинает барахтаться изо всех сил, чтобы вырвать ноги из болота. Но увязает от этого все глубже и глубже — к одному преступлению добавляет другое, третье, а спешка не позволяет их обдумать столь тщательно, как первое. Все чаще приходится оставлять незамеченные следы, обращаться за помощью, доверяться случайным знакомым. И постепенно из нападающего он становится беглецом, который потерял ориентировку и петляет вокруг одного и того же места. И предоставляет милиции все больше фактического материала, по сути дела, саморазоблачается.

Тем не менее, нельзя сидеть сложа руки и выжидать, когда преступник допустит еще одну ошибку; загнанный в западню зверь всегда опасен. Действовать надо быстро, покуда он затылком чувствует горячее дыхание преследователей. Стало быть, есть смысл сделать круг и выйти на его след в той же самой Ужаве. Все говорило за то, что снабдила ядом или по крайней мере советом Сильва из тамошней аптеки. Не могло быть случайным совпадением то, что туда же ездил Мендерис, что именно там Лукстынь посеяла свой паспорт, который недель позже фигурировал при продаже «Сикуры».

* * *

Гунтис Пумпур не был симпатичным толстяком наподобие корабельных коков из старых кинокомедий, но и худеньким его было не назвать. Скорее он походил на борца-легковеса, начинающего полнеть после прекращения регулярных занятий спортом. Сильней всего это сказывалось на его лице — как у всех закоренелых пьяниц черты его расплылись и окончательно утратили молодую упругость. Однако щеголеватый летний костюм и почти свежая белая сорочка (несмотря на то, что

Пумпур провел ночь в вытрезвителе) свидетельствовали о том, что он еще не скатился на дно пропасти. На вопросы Пумпур отвечал более или менее связно.

Да, он понимает, что такая жизнь до добра не доведет, вот он и отпраздновал расставание со старыми собутельниками, раз инспектор отдела кадров пригрозил снова списать его на берег. Если на берег спишут — не видать ему тогда «Жигулей» как своих ушей.

Разговор приобрел желаемое направление, теперь ничто не мешало перейти к существу дела.

— Скажите, а ваш дядя, Эмиль Мендерис, не слишком вас зажимает? — спросил Кашис. — Не присваивает себе слишком большую долю заработка?

— Все сосут из меня кровь. Как пиявки! И еще прикидываются добродетелями, вроде бы спасают мою душу, — в сердцах сказал Пумпур. — А самая ненасытная — это тетка моя, Виктория. Вечно твердит, что заменила мне родную мать, и знай шарит по карманам. Только приди без подарка — она и переночевать не предложит.

— Зато уж пистолету, наверно, она обрадовалась?

— Этот, который дымовой, что ли? Который мне на Гибралтаре всучил один японский мариман? Я ему три пол-литра за него отдал и две банки шпрот, думал — во, классная зажигалка. Самый смех был, когда нашему чифу дал прикурить. Он едва без глаз не остался. Во-нища пошла, что без противогаза в каюту не зайти... Виктории я его на Новый год загнал. В душе надеялся хоть разок ее проучить как следует. Но где там! Она же своему мужу курнуть в доме не дает. Зажигалку под стекло положила и раз в неделю с нее пыль стирает.

— А это правда, что вы ей подарили транзисторный приемник «Сикура»? — поинтересовался майор Блумберг.

— Это был мой первый и последний гешефт с этой семейкой. — Чувствовалось, что Пумпур все выкладывает совершенно откровенно, потому что не чувствует за собой никакой вины перед законом. Кто может запретить продавать вещи, привезенные из заграницы в соответствии с таможенными правилами? — Фактически, я этот приемник привез одной рижской дамочке, которой я давно задолжал. Но Эмиль пристал как банный лист — уступи да уступи. Потом выставил бутылку на стол и стал торговаться, будто я ему навязываю свой товар. А

когда я пол-литра залью, я уже не в силах долго сопротивляться — забирай и выкладывай деньги на бочку, елки-палки! Так он стал умолять, чтобы я тетке назвал только половину цены и сам взял у нее деньги... Другую половину он пообещал отдать через несколько дней. До сих пор еще не отдал. Ну и черт с ним. Теперь хоть у меня есть причина к ним не заходить, я даже за своими долларами не хочу к ним идти.

— А как же вы теперь сбываете «Сикеры»? Через комиссионный магазин или прямо Артуру Румбиньку? — Страупниек не признавал окольных путей.

— Ах, так этого типа Римбиньком звать! Для нас он просто Чип. Удобно и хорошо. Чип, сгоняй за пивцом! Чип, дай займы десятку! И он дает запросто. Обслуживание — почти как в портовом кабаке в Гамбурге... Но я давно уже не привожу радиоприемники. Канительное дело. Это и не сувенир и не выгодный товар. Мы их покупаем только для себя и продаем, когда приходится зубы класть на полку. Вообще, я начал новую жизнь. Нашел себе хорошего посредника, он работает за проценты, и порядок! На кой мне теперь эта Виктория с ее проповедями или крашенные девки, которые отираются около ворот порта и норовят обчистить мне карманы. Теперь никаких хлопот, даю Чипу два кило мохеровой шерсти, получаю четыре сотни. Сколько он дерет с деревенских за моток — меня не касается.

— Два кило и за границей тоже денег стоят. Какую валюту вы скупаете на черном рынке? Кроны, гульденны или западногерманские марки? — Блумбергу были известны все ухищрения моряков.

— Запишите мой возмущенный ответ: никакую! — заявил Пумпур. — С тех пор, как погорел на автомобильной лотерее, я вообще не пускаюсь ни на какие спекуляции. Я туда уже вложил тридцать рубчиков золотом, когда эти паразиты нашли повод и списали меня на берег за пьянство.

— Это было давно, — пояснил своему рижскому коллеге Блумберг. — Моряки пронюхали, что в Бельгии можно по дешевке покупать подержанные «Волги». Одному человеку это было не по карману, поэтому складывали валюту в шапку, грузили на палубу две машины и разыгрывали — кому достанутся. Кто выигрывал, обязан

был участвовать и в последующих складчинах-лотереях, но уже без билетов, чтобы машинами могли обзавестись и остальные. Но пароходство вскоре прикрыло эту лавочку, потому что новые владельцы «Волг» всячески пытались перейти на другие суда, а остальные наоборот — их даже в очередной отпуск было не выгнать... — Он вновь обратился к Гунтису Пумпуру: — Вы, очевидно, понимаете, что выводы из этого протокола мы доведем до сведения капитана «Булдури», так же как и извещение из вытрезвителя. Последнее слово, конечно, останется за ним, но я сомневаюсь, что вы в скором времени станете кататься на «Жигулях»...

— Почему? — Пумпур был в полнейшем недоумении. — Дядя грешил, а я — отвечай? Это несправедливо!

* * *

Оказалось, что у почтовой связи есть общее с айсбергом: на поверхности видна лишь третья часть. В остальных двух, скрытых от глаз постороннего наблюдателя, работа продолжается круглосуточно. Приходят и уходят почтальоны, одни работники изымают отправления из почтовых ящиков, другие доставляют их в аэропорт, на вокзал, автостанцию, непрерывно работает сортировка.

Выслушав просьбу Яункална, начальник почты в раздумье поглядел на конверт, осмотрел печать.

— Трудная задача... Письмо отправлено позавчера, надо полагать, после четырех часов, иначе было бы доставлено в магазин с утренней почтой... Что еще вам сказать? Оно извлечено из почтового ящика в помещении телеграфа и междугородного телефона, а доступ к нему открыт всю ночь. В каком часу? Наверно, около одиннадцати, иначе на печати была бы вчерашняя дата. Точнее — не скажу. Вынимать письма каждый час нет никакого смысла. Если берем около четырех, тогда успеваем обработать до вечернего транспорта. Потом даем накопиться, ночью сортируем и рассылаем по главным направлениям...

— Меня интересует только одно — это письмо было опущено в ящик до восемнадцати или после двадцати часов?

Начальник почтового отделения пожал плечами.

— Тут все равно, что на кофейной гуще гадать. Давайте пройдем в отделение, к девушкам, вечером там народу немного, возможно, они что и заметили, Но, по-моему, надежды мало.

Телефонистка, разумеется, ничего не помнила и даже взъелась.

— Все думают, мы тут ничего не делаем. Только подслушиваем чужие разговоры и людей оговариваем. А у меня нету времени даже взглянуть, кто стоит у окошка. Тут работать может только специалист по географическим кроссвордам. Моряки заказывают разговоры с поселками, которых ни на одной нормальной карте нету, номеров абонентов не знают и еще грубят, когда я отказываюсь вызывать тетю Анну, которая живет в третьем доме от магазина...

Начальник привел Яункална в сортировочную, где шесть женщин, согнувшихся над длинными столами, разделяли поток писем и открыток на мелкие ручейки и продвигали в различных направлениях. От их внимательности зависело, попадет ли письмо в Лиепаю прямо или же с «пересадкой», через Ригу.

— Когда все граждане приучатся писать почтовые индексы, — сказал начальник почты, — мы сможем применять автоматы... Сейчас позову бригадира, она работала в тот вечер.

Бригадиром оказалась немолодая, агрессивно настроенная женщина, при всяком удобном случае норовившая пригрозить, что не далее, как сегодня, уйдет на пенсию, срок давно вышел. Вот и сейчас она даже не пыталась вникнуть в суть дела.

— Книга жалоб в отделе доставки. Пишите, только не мешайте мне работать!

— Такая уж она есть, наша Элза Зариня, — постарался сгладить неловкость начальник почты. — Душа нашего отделения. Пошумит, пошумит, но сделает.

— Говорят еще и по-другому: собака, которая лает — не укусит... Ну, что там у вас, мне некогда...

Она повертела письмо в руках, затем, без тени сомнения, сообщила:

— Скажите спасибо, что вообще получили вчера. В последний момент выудила из рижского мешка.

— Вы в самом деле помните это письмо? — не поверил своим ушам Яункалн. — Может, еще сумеете сказать, когда оно было брошено в почтовый ящик?

— Спросите чего-нибудь полегче. Но конверт этот видала, еще подумала, отчего Эмилю Мендерису пишут в магазин, а не домой. Небось, какая-нибудь жалоба? — Бригадир почему-то больше не казалась безумно занятой.

— Говорите, говорите, — подбодрил женщину Яункалн. — Чем запомнился вам этот конверт?

— Проработайте тут двадцать три года, тогда и вам адреса станут по ночам сниться... Есть тут у нас один знаменитый марочник, он переписывается с филателистами во всем мире. Новые марки скупает целыми сериями, лепит на большущие конверты и рассылает во все стороны. И ему такие же присылают. Интересно, письмо с приветом тоже кладут?... Я теперь на адрес даже не гляжу — отсылаю прямо на Ригу, пускай там раскладывают по разным странам, у нас тут прямой связи ведь нету. Позавчера ночью тоже цельная куча попала. Схватила, на транспортер кинула, потом гляжу: в середине конвертик поменьше застрял. Тот, что был Эмилю адресован.

— Значит, письмо брошено почти одновременно с корреспонденцией филателиста, — уточнил начальник почтового отделения. — Вам придется сходить к нему, может, вспомнит, во сколько это было.

— Чего это идти к нему? — возразила бригадир. — Он всегда приходит вечером, заодно и собачку прогуливает... — Она раскрыла дверь и позвала: — Скайдрите, твой кавалер во сколько позавчера приходил? Тот, который с коричневым бобиком!

— Когда в вечерней смене работала? — раздался голос телефонистки из соседнего помещения. — Около одиннадцати, как всегда. Я как раз не могла добудиться одного несчастного абонента во Владивостоке. Там в это время солнце только всходит. Если надо, можно по корешкам талонов поглядеть.

— Спасибо, не беспокойтесь, — сказал Яункалн и добавил уже начальнику отделения: — Схожу к филателисту, мне необходимо письменное показание. Вы мне очень помогли.

Перед тем, как отправиться в комиссионный магазин, Янис Селецкис пошел домой. Он снимал комнату на втором этаже у одного рыбака. Это было довольно далеко от центра города, но дальние прогулки как раз входили в физкультурный режим Селецкиса.

Сегодня же инспектор поехал на автобусе — хотел успеть на производственную гимнастику, которую в одиннадцать ноль-ноль передавало рижское радио. Правда, упражнения эти были сущей забавой, но музыка и утрированно бодрый голос диктора дисциплинировали, не давали мыслям переключиться на другое. Он даже ни капельки не вспотел и мог сразу надеть китель. Почему-то Селецкис решил, что сегодня в магазин ему следует прийти в милицейской форме. Возможно, на него повлиял пример полковника Кашиса.

В помещении, где принимали вещи, сидела старшая продавщица, обычно работавшая в отделе готовой одежды. Кричаще покрашенная девица при виде инспектора не выказала удивления, но и не проявила ни малейшего расположения. Было видно, что она испытывает глубочайшее безразличие ко всему, что не относится к ее внешнему виду или не сулит ощутимую материальную выгоду.

— Мне нужны оттиски шрифтов всех ваших пишущих машинок, — сказал Селецкис. — Достаточно будет нескольких строчек.

— По мне, хоть цельный роман настукайте. Я пишу только пером, мне ногтей жалко.

— Скажите, у директора есть машинка, кроме этой? — поинтересовался Селецкис, отпечатав на листке шрифт «Оптимы».

— Он вроде вас — двумя пальцами печатает... А как же те, которые в продаже? Сказать, чтобы принесли, или сами пойдете к Майге?

Машинок было довольно много. Рядом с «Ремингтоном» выпуска начала века стояла новейшая электрическая модель с кареткой почти метровой ширины. У одной были только заглавные буквы, очевидно, она предназначалась для телеграфистов. Шире всего было представлено семейство «Эрик» с русским и латинским

шрифтами; затесавшийся среди них «Гермес-Бэби» выглядел просто карликом.

— Наш Эмиль все еще в каталажке? — полюбопытствовала продавщица. — Из-за этой несчастной «Сикеры» или за левый товар?

— А за ним такое водится?

— Вы не меня, вы директора лучше спросите. Он уже третий день ходит как в воду опущенный. Каждый час звонит в свой бывший магазин — уж не собрался ли обратно?.. Я-то плакать по нему не стану, сколько можно жить на зарплату и квартальную премию? Ведь он — ни себе, ни людям, каждое утро проверяет, не осталось ли что припрятано под прилавком... Может, вы тоже хотите глянуть, не зажала ли какую-нибудь дефицитную пишущую машинку...

Выйдя из магазина, Селецкис увидел Ренату Зандбург, отчаянно сражавшуюся с мужским складным зонтиком.

— Слава богу, дождя нет и не скоро пойдет, — пошутил инспектор и показал на безоблачное небо. — Надо нажать вот эту кнопчку.

— Да я и солнца не боюсь, — сказала тетушка Зандбург, спрятавшись под черный зонт. — Это на всякий случай, чтобы зять меня не увидел. Он думает, я лежу больная.

— Может, вам и впрямь не стоит выходить из дому, в ваши годы со здоровьем шутки плохи.

— А кто же будет брать Чипа, если милиция не справляется? Моя команда и так не в полном составе. Морозовы испугались и отправили своих мальчишек в деревню, чтобы за лето заработали себе на школьную форму... Остальных прогнала в порт, а сама решила покараулить возле лавки — должен же этот жулик в конце концов выплыть на чистую воду.

— Желаю успеха! — откланялся Селецкис.

«Ты бы лучше пожелал мне терпения», — сердито подумала тетушка Зандбург, Она не имела ни малейшего представления о том, как разыскивать в городе человека, решившего, надо полагать, скрыться из виду. Она, например, скорей всего поехала бы прятаться к одной из своих дочерей. Гениальный ход: схорониться от милиции в юрмалской квартире полковника Кашиса; никому не пришло бы в голову искать там. Настроение Ренаты

Зандбург дало резкий скачок вверх, однако вскоре упало. К Чипу не подойдешь с меркой нормального человека. Тот, кто может хладнокровно отравить своего компаньона, скорее всего не страдает от угрызений совести. Такой негодяй, вполне возможно, загорает себе на пляже... Вероятность, конечно, невелика, тем не менее она решила пройтись до взморья. Играть роль часового у самого оживленного перекрестка в городе было совсем уж глупо.

Предложение пришлось по вкусу также и Мексиканцу Джо, который полностью завладел мопедом Кобры и, как и положено моторизованному авангарду, первым возвратился из рекогносцировки в районе порта. Остальные тоже не возражали, и часом позже всемогущие «бизнесмены» уже брызгались, плавали и ныряли в волнах, поднятых западным ветром. Удовольствие было еще больше от сознания, что все это они проделывают по заданию милиции, в интересах народа и государства. А тетушка Зандбург, караулившая одежду, тем временем с ужасом думала о том, что морские купания способствуют усилению аппетита.

Остаток дня прошел в столь же безрезультатных поисках. «Бизнесмены» поочередно катались на мопеде, даже предлагали обучить этому искусству тетушку Зандбург. Кобра съездила к ней домой и выпустила Томика в сад. Чипа же никто нигде не видел. Похоже, он и в самом деле убрался из города; соседям он также не попадался на глаза. Наконец, Герберту Третьему такое положение наскучило.

— По-моему, добровольная помощь грозит перейти в принудительную. Сколько мне за харч полагалось, я честно отмантулил, теперь приподыму свой культурный уровень. Вечером будут передавать мировейший футбол.

— Если ты бы столько времени не путался с Чипом, — наставительно заметила тетушка Зандбург, — он уже сидел бы за решеткой. И кто знает, может, человек остался бы жив.

Ребята выжидательно помалкивали. Никто не хотел пускаться в дискуссию на столь невыгодную тему, поскольку она неизбежно перешла бы на их собственную «коммерческую деятельность». В особенности, теперь, когда было твердо решено с прежним образом жизни покончить. Они понимали, что настанет день, когда при-

дется в присутствии родителей в детской комнате милиции дать торжественное обещание; там будут и слезы матерей и отцовские наравоучения с неизбежными автобиографическими отступлениями: «Я в твои годы...» Но зачем же к этому разговору готовиться заблаговременно?

— А я смотреть не стану, — поморщилась Кобра. — Орава старикашек гоняет мяч, а по воротам пробить не могут. Лучше уж дожидаться осени, когда начнется драчка у хоккеистов.

— Была бы хоть цветная картинка. А на твоём ящике едва можно игроков отличить одного от другого, — проворчал Мексиканец Джо.

— Ребята, у меня идея! — воскликнул Герберт. — Братан говорил, в интерклубе поставили цветной телик. Последняя модель.

— А кто тебя туда пустит? Тоже мне — иностранный моряк! — усмехнулся Рудис.

— Меня одного братан, может, провел бы. А всех нас может провести туда только тетя Рената. Скажет, экскурсия в воспитательных целях...

— Ты меня не учи, кому чего говорить, — гордо выпрямилась тетушка Зандбург. — Вы еще, может, не родились на свет, когда я своим дочерям рассказывала такие сказки, что они потом целую ночь не спали... Пошли!

В клубе иностранных моряков не понадобилось ничего выдумывать, поскольку в вестибюле была Ева Лукстынь, она сразу узнала Ренату Зандбург и охотно пустила ребят в фойе, где стоял телевизор.

— После чемпионата мира ни разу не включали... Но отсюда чтобы больше никуда! Если захотите пить, тетя Рената сходит в бар и принесет вам лимонада.

В этом возрасте жажда постоянно мучит человека, и тетушке Зандбург пришлось вскоре подниматься с удобного кресла, опять спуститься на первый этаж и опять раскошелиться.

В сумрачном, претенциозно стилизованном зале буфета бородатые, вооруженные трезубцами нептуны на стенах гонялись за полуголыми морскими русалками. Посетителей было маловато. Лишь за одним из дальних столиков, под штурвалом с электрическими свечками, сидели четверо мужчин и так выразительно молчали, что даже полиглот не сумел бы сказать, из какой страны

они сюда пожаловали для столь сердечной беседы. Могло показаться, что они вообще глухонемые, если бы не раздававшееся время от времени приказание, произносимое без малейшего акцента.

— Водка!

И буфетчица мгновенно подавала им поднос с четырьмя рюмками, которые осушались без лишних тостов.

Несколько посетителей сидели на высоких табуретах у стойки бара. Большую часть из них тетушка Зандбург видела со спины, но двоих — в профиль.

Тетушка Зандбург зажмурилась, вновь раскрыла глаза — видение не исчезло. В ее возрасте действительно было вредно перенапрягаться... Стараясь не глядеть в ту сторону, где ей примерещился Чип и собственная внучка Расма, тетушка Зандбург засеменила к стойке и, позабыв о мучимых жаждой ребятах, шепотком попросила у буфетчицы:

— Коньячку мне! Только поживей, поживей!

Выпить, однако, не успела, потому что на локоть ей легла рука, и голос Расмы произнес:

— Бабуля, даже ради конспирации не следует напиваться... Значит, милиционеры тебя, все-таки, разыскали! Я уж начала было волноваться, звонила в милицию, но отец с Тедисом куда-то уехали. Попросила, чтобы вызвали тебя. До каких пор я могу держать этого вашего Чипа, он уже становится нахальным.

— Как тебе удалось его разыскать? — придя в себя от изумления, спросила Зандбург. — Мы весь город исколесили.

— Я не бегаю за мужчинами, они и без того липнут ко мне... Пришла поговорить с Евой, сели попить кофе, пока танцы не начались. И вдруг этот тип — как с неба свалился. Уже успел мне рассказать обо всех своих болезнях и загубленной молодости. Но вчера и сегодня вы его зря искали — он был в Ужаве.

* * *

Эдуард Кашис блаженствовал на пустынном ужавском пляже и не желал уходить. После привычной толчеи на берегу в Булдури ему казалось, он попал в рай — ку-

пайся и загорай хоть без плавок, вокруг ни души. Песок был поглубже, зато приятно щекотал пятки.

— Думать я привык головой, а не ногами. Теперь я тут поваляюсь и пораскину умом, а вы себе ступайте. Еще не хватало, чтобы к этой, извините за выражение, личности, явилась делегация во главе с полковником.

Когда менее чем через полчаса все вернулись, Кашис, разумеется, спал крепким сном. Однако сонливости как не бывало, лишь только он увидел в руках у Яункална толстую книгу в синем холщовом переплете: «Фармакология. С токсикологией и рецептурой».

— Та самая, которую я штудировал... Докладывайте все по порядку.

— Сильва на работе, — сообщил Матис Блумберг. — Но хозяева утверждают в один голос, что в понедельник Эмиль Мендерис ушел только около восьми часов. Еще сетовал, что проспал поезд, позвал Рихарда с маяка на прощанье пропустить по маленькой в станционном буфете, после чего отправился на шоссе «голосовать». Это подтверждают и соседи. Здесь ведь шагу не ступить без того, чтобы не попасть кому-то на глаза. Вчера, например, к Сильве приехал двоюродный брат и даже остался ночевать. Приехал он с двумя чемоданами. Известно ли вам, что в них было?

— Меня куда больше интересует, как звать вчерашнего гостя?

— Сильва скажет, старший инспектор Селецкис пошел в аптеку, чтобы никто не успел ее предупредить, — сказал Страупниек.

— Гость привез австралийскую шерсть «Мохер» в мотках. В фирменной упаковке и с гарантийными печатями. Целое состояние! Хозяйка разрешила нам заглянуть в Сильвину комнату. Там же мы нашли и эту книгу. Была открыта на шестьсот двадцать второй странице. — Блумберг раскрыл книгу и принялся читать вслух: — «В «Метаморфозах» Овидия сказано, что у Цербера, когда Геркулес вывел его из ада, от гнева великого потекла изо рта пена белая, и вырос из нее ядовитый аконит, позднее в руках у Медеи стал он смертоносным оружием мести...»

— Знаю, знаю, я и сам грамотный, — махнул рукой Кашис и стал быстро одеваться. — Сейчас узнаем, кто убийца.

...Это была старая сельская аптека. На полках красовались белые фарфоровые банки с латинскими надписями, под стеклом лежали пестрые коробочки с патентованными средствами, а также самое необходимое из принадлежностей туалета и гигиены. Здесь распоряжался седой и сутулый провизор, в данный момент дремавший на ветхом кожаном стуле за окошком приема рецептов. Во внутреннем помещении приготавливали заказные лекарства — порошки, мази, микстуры. С восьми утра до четырех часов дня тут хозяйничала Сильва Калныня. Аптекарское искусство она освоила на двухгодичных фармацевтических курсах. Вот и сейчас за полупрозрачными стеклами была видна склоненная над ретортами фигура молодой женщины.

— Мы вынуждены вас и фармацевта Сильву Калныню допросить в связи с уголовным делом об убийстве Артура Румбиниека, — сказал Волдемар Страупниек, после того, как он и работники милиции предъявили свои служебные удостоверения. — Есть основания предполагать ваше соучастие в преступлении.

— Да, да, пожалуйста! — радостно закивал провизор. — Только говорите громче, в последнее время я что-то на ухо туговат.

— И общий старческий склероз, — негромко добавил Кашис, затем повысил голос: — Где вы держите яды? Список у вас имеется?

Напуганная громким голосом, из лаборатории выбежала Сильва Калныня — зеленоглазая женщина лет двадцати пяти. Голова у нее была покрыта белой косынкой. Пухлые губы дрожали от испуга, поскольку в отличие от провизора она сразу поняла, что привело сюда этих людей.

— Здесь, в шкафу, — сказала она предательски упавшим голосом. — Ключ всегда у заведующего.

Полковник Кашис пробежал глазами наклеенный на обратной стороне двери список и крикнул провизору в ухо:

— Аконитин куда запрятали?

Теперь и старик стал проявлять беспокойство. Красные пятна покрыли лицо провизора, он даже стал заикаться:

— Я никому не отпускал. Но жене он очень помогает при радикулите и невралгии тройничного нерва. Есть такая пропись: тинктура аконитина с ланолином, спиртом и хлороформом для втирания в кожу... И потом несколько дней назад... Вы уж простите, Сильва, но я должен сказать правду... В латышской народной медицине отвар корней руты применяют с целью аборта... А еще один ребенок без мужа... Но если вы пользовались аконитином по моей прописи... До сих пор ничего дурного не случилось... Сильва, вы ведь развели, как я велел?

— Пройдемте к вашему рабочему месту, гражданка Калнынь. Полагаю, мы обойдемся без свидетелей, — предложил ей Кашис, кивая на окно, за которым уже собирались любопытные.

— Рассказывайте! — достав из портфеля бланк протокола допроса, приказал майор Блумберг.

— Что вам рассказывать? — захныкала Сильва.

— Начнем с гостей. Кто к вам приезжает из Вентспилса?

— Я его вовсе не звала. Но за дверь ведь не выставишь, брат, как-никак, двоюродный! И такую замечательную шерсть привез. Сказал, если продам по пятнадцать рублей моток, то могу и себе на джемпер оставить. Сказал, в конце недели снова приедет или позвонит... Я никому еще ничего не продала, можете проверить.

— Его имя, фамилия?

— Дзинтар Вульф. Его все Чипом зовут.

Кашиса это почти не удивило. Не раз приходилось полковнику расследовать сложные преступления; неожиданные повороты в ходе следствия не обескураживали его — у жизни есть своя логика, в отличие от логики хитро закрученной версии. И лишь значительно позднее, когда дело уже бывает передано в суд, появляется убеждение, что все развивалось закономернo — если не с точки зрения милиции, то наверняка уж в соответствии с психологией преступника.

— И Чип выжал из вас аконитин? — неуверенно предположил он.

— Чип?.. Нет, лекарство я давала Иманту. Он хотел усыпить больную собаку.

— Какому Иманту? Говорите по порядку и подробно.

— Иманту Гринцитису, директору моего Эмиля. Он приезжал в воскресенье вечером.

Сильва уже укладывалась спать — перед визитом Эмиля она старалась выспаться — кто-то постучал в ставни. Оказалось, это Имант Гринцитис, он иногда приезжал вместе с Эмилем по праздникам или когда хорошей рыбки захочется. В этот раз он был чем-то сильно взволнован и озабочен судьбой Эмиля. Заставил Сильву поклясться, что будет молчать как могила, потом рассказал, что Эмилию грозит арест за спекуляцию японскими радиоприемниками. Но он сказал, что не намерен оставить друга в беде, кого надо — подмажет, недостатку покроет из своего кармана. Сказал, что станет посылать деньги и Сильве, если та будет держать язык за зубами. В настоящий момент скандал только повредит репутации Эмиля. Имант даже выдал ей аванс, затем достал из портфеля бутылку настоящего французского коньяка, чтобы sprysнуть уговор.

— И он, увы, не ошибся, — завершила свою исповедь Сильва. — На следующий вечер моего Эмиля взяли. Скажите, что ему будет, бедняге?

— На вашем месте я больше беспокоился бы о том, что будет вам за предоставление убийце яда, — холодно сказал Страупниек. — Кому из вас пришла идея насчет аконитина?

— Имант холостяк, а за больной собакой нужен постоянный уход. И настоящий хозяин всегда сам пристреливает свою собаку. Уведет ее в лес, там же и похоронит. Но Имант не охотник — где ему взять ружье? Вот и попросил какого-нибудь яда, чтобы можно было дать с конфетой; отвести собаку к ветеринару у него не хватило пороку. Мы вместе перелистали книгу по фармакологии, дошли до аконитина, и я вспомнила, что провизор продает его старухам от подагры. Хорошо, что у Иманта была с собой еще бутылка, без нее старого хрыча было бы не уломать. Наговорила ему, что мне, мол, срочно надо делать аборт, он и дал из своей заначки... Ой, Имант же не велел ничего выбалтывать, если не хочу, чтобы мой Валдик помер с голоду... — Сильва Калнынь сизнова залилась слезами.

— О вашем ребенке позаботятся, — сказал Кашис. — Я думаю, вас лишат материнства. Даже в том случае, если суд решит не лишать вас свободы... Товарищ Блумберг, оформите протокол. Да возьмите с нее подписку о

невыезде из Ужавы без разрешения следователя. Я подожду на улице.

Подышать свежим воздухом вышел и Страупниек. — Ты доволен? — спросил он у Кашиса. — На сей раз у тебя получилось как у Цезаря: пришел, увидел, победил...

— До победы еще далеко, — задумчиво сказал Кашис. — У меня такое предчувствие, что этого Гринцитиса голыми руками не возьмешь. И пока я себе очень еще смутно представляю, как организована эта махинация с приемниками, кто еще в ней замешан, какая роль отведена Мендерису и его любовнице, почему все время путается под ногами этот Чип...

— Товарищ полковник, — обратился к нему шофер машины. — Только сейчас вызывал Вентспилс. Просили, чтобы отсюда мы ехали напрямиком в Интернациональный клуб моряков.

* * *

Янис Селецкис Чипа увидел сразу — тот сидел у стойки бара. Обычно посетителя, хватившего лишку, выставляли за дверь, но Ева попросила не трогать Чипа. Теперь оставалось созревший фрукт лишь снять с ветки.

Зато Кашису стоило хлопот урезонить свою тещу. — Другой сказал хотя бы спасибо, ручку поцеловал, — выражала неудовольствие тетушка Зандбург. — А ты меня домой тащишь. Отоспаться я и в гробу успею, на этом свете хочу гулять! И вообще без Расмочки я никуда отсюда не пойду.

— И моя дочь тоже здесь?

— Гляди, как мило она танцует с нашим Тедисом. Кашис уже заметил Яункална в толчее танцующих, но никак не мог поверить в то, что яркая блондинка в его объятиях — Расма. Наконец музыка смолкла, и запыхавшаяся пара подошла.

— Ева одолжила мне свой парик, — рассмеялась Расма. — В прошлом году это был последний крик моды, она его носила не снимая, а сейчас решила, что свои волосы красивее.

Кашис не слушал болтовню дочери, зато Яункалн чуть не подпрыгнул — вот почему в комиссионном магазине

ему сказали, что Ева Микельсоне блондинка! Чьи же это были слова — бедняги Эмиля или скользкого Иманта?

День седьмой.

Спал в ту ночь скорее всего один Имант Гринцитис, который считал, что удалось разогнать черные тучи над головой. Тетушка Зандбург после коньяка боялась принимать свой привычный седуксен и, чтобы время не пропадало даром, занялась наведением в доме порядка, не давая спать ни Тому, всякий раз оказывавшемуся на пути у веника, ни бедной Расме, заслужившей отдых после блестящей операции в Интерклубе.

Не теряли времени и участники следственной группы. Тедис Яункалн и Янис Селецкис хотели прямо из клуба пойти к директору комиссионного магазина, но Эдуард Кашис посоветовал не спешить. Нечего было рассчитывать на то, что Гринцитис сам поднимет руки вверх и добровольно признает свою вину. Как раз наоборот — надо полагать, что человек, так хитроумно замысливший убийство, приготовился к обороне до последнего дыхания. И было бы не удивительно, если бы нашлась даже отравленная аконитином собака. Ведь Эмиль Мендерис по-прежнему был готов принять на себя все семь смертных грехов... Значит, надо было тщательно подготовиться к акции обыска, надо было распределить силы, чтобы в первом разговоре обвинение было не из пальца высосанным, а опиралось на убедительные доказательства. И тем не менее Тедису казалось, что Кашис со Страупниеком нарочно затягивают совещание. Не считают ли по-прежнему работники старой закалки, что наилучшее время для таких посещений — час рассвета?

Выбор пал на майора Блумберга и Тедиса Яункална. Милиционер, дежуривший в парадном дома напротив, сообщил, что Гринцитис никуда не уходил, что свет в окне на втором этаже погас вскоре после полуночи.

В пижаме и с сеточкой на голове Гринцитис больше походил на потревоженного мещанина, нежели на загнанного в западню злоумышленника. Изучив предъявленные ордера на обыск и арест, он развел руками.

— Очевидно, протестовать сейчас не имеет смысла. Но предупреждаю вас, этого безобразия я так не оставляю, и принесением извинений вам не отделаться. Это возмутительно! И вам придется за это ответить.

— Оденьтесь, пожалуйста! — сказал Блумберг. — Советую прихватить туалетные принадлежности. Не уверен, что вам удастся быстро доказать, будто действительно произошло недоразумение... Мы покуда взглянем, как живут руководящие торговые работники.

По обстановке квартиры нельзя было сказать, что в этих двух комнатах проживает человек, имеющий доступ к вошедшей в моду старинной мебели, а также и к любым изделиям местного деревообрабатывающего комбината. Но и убогой ее было не назвать. Скорей всего она была типичной для холостяка, редко проводящего время дома. В спальней стояла широкая кровать и двухдверный гардероб, в кабинете — уголок, в котором было приятно почитать или посидеть с гостем: два удобных кресла, торшер и бар на колесиках. Книжная полка и большой письменный стол дополняли меблировку комнаты. Здесь тоже не было ни рекламных репродукций или календаря, ни сувениров, ни хотя бы заграничной пепельницы, которая указывала бы на возможности служебного положения Гринцитиса. Посредине полки, рядом с телевизором, стояла старинная, под дерматиновым чехлом, пишущая машинка фирмы «Континенталь». Стараясь придать голосу абсолютное безразличие, Яункалн сказал:

— Где у вас бумага? Я напишу на машинке акт осмотра квартиры.

— В верхнем ящике. А сберкнижка, которую вы, очевидно, ищете, лежит с правой стороны, — язвительно сказал Гринцитис.

Глядя, как майор умело и быстро исследовал содержимое ящиков стола, осмотрел отделения полки и бара, прощупал обивку кресел и в поисках тайника даже простучал подоконники, Тедис с горькой улыбкой вспоминал, как он сам проводил обыск в квартире Румбиниека, как не хватало ему этой сноровки. Тем не менее здесь результаты были еще более скудными.

— Сберкнижка ни имя Иманта Рейнисовича Гринцитиса с вкладом на сумму четыреста рублей, — диктовал майор. — Перчатки из искусственной замши с темным пятном на большом пальце правой руки. Два порожних

пузырка и пипетка. Неоткупоренная глиняная бутылка с черным Рижским бальзамом. Пишущая машинка марки «Континенталь» с фирменным номером 980664. Подписи: ваша, Гринцитиса и понятых свидетелей. Все.

— Вы что же — совсем один тут проживаете? — обратился майор к Гринцитису, облачившемуся за это время в темный костюм. — Хоть бы собаку завели, все-таки живая тварь встретит дома, обрадуется хозяину.

— С животными мне не везет, — ответил Гринцитис. — Прежние хозяева квартиры оставили мне своего кота, а тот в марте удрал, да так и не вернулся. Потом я обзавелся симпатичным таким хомячком, до того был ручной, что я даже клетку не запираю. Ночью зверек нагуляется по комнатам, днем спит у себя в клетке. А однажды вечером пришел домой поздно, и подвернулся он мне под ногу — я не успел даже свет включить. — Он прикрыл рукой лицо. — Только косточки хрустнули. Два дня я ходил как больной... Перед ивановым днем купил на рынке щенка. Мальчуган, который мне его продал, говорил, что мать щенка две медали имеет и отец чистокровная гончая. А у бедного Джерика задние лапы были парализованные. Лечил его рыбьим жиром, витаминами, но он даже по лестнице подниматься не мог. Сколько можно мучить несчастное животное? С большим трудом достал через знакомых яду, потом труп утопил в Венте. Вести пса к ветеринарному врачу было просто выше моих сил.

— А на шею, наверно, привязали камень потяжелее? — поинтересовался Блумберг. — Так что течение навряд ли его унесло.

— Наверно, надо было, но я не смог, — со вздохом признался Гринцитис. — Положил в фанерный ящик и бросил с моста. За эти дни уже, наверно, в море унесло.

* * *

Разговор Яниса Селецкиса с Чипом проходил более откровенно. Поначалу задержанный, конечно, пытался разыграть недоумение, даже строил из себя жертву чьих-то злых козней, но, познакомясь с подписанными показаниями Пумпура и Сильвы, быстро сдался и разговорился даже чересчур. Рассказывал о своем искалеченном детстве, одинокой юности, о благих намерениях, осуществ-

влению которых всегда мешали злые силы. Похоже было, самобичевание доставляло ему наслаждение. Выяснив все необходимое, Селецкис решил не терять времени понапрасну и усадил Чина за стол.

— Возьмите перо, бумагу и напишите все собственноручно. Потом присовокупим к делу ваше признание.

Так появился на свет документ, язык которого свидетельствовал, что Дзинтар Вульф не впервые подвергался допросу и знаком с канцелярским стилем следственных органов.

«Вопрос: как я связан с судовым поваром Гунтисом Пумпуром. Отвечаю: с Пумпуром познакомился в 1974 году зимой, какого числа не помню, в ресторане «Страуме», где он просил меня познакомить его с девочками. Под конец не хватило денег рассчитаться за столик, и я согласился купить у него четыре мотка шерсти мохер. Заплатил ему честно, поэтому на другой день Пумпур спросил, не хочу ли я по такой же цене купить целый килограмм. Я согласился, потому что мои знакомые в деревне как раз искали шерсть. Судно Пумпура ходило на западногерманской линии, он сказал, что может привезти еще, только нужны деньги. У меня случайно оказалось несколько марок, которыми один иностранец заплатил мне за водку. Потом я еще несколько раз давал Пумпуру валюту, когда и сколько — теперь не помню, и он привозил мне мохер, который всегда оставлял в условном месте, недалеко от нефтепорта. В последнее время у меня стало плохо со здоровьем, потому в деревню сам езжу редко. Нитки передавал одному знакомому, которого знаю по кличке «Мастер» и у которого есть мотоцикл с коляской. Но он потерял совесть, запрашивая каждый раз все больше комиссионных. Поэтому во вторник поехал в Ужаву к своей двоюродной сестре Сильве Калнынь и оставил у нее две пачки мохера, которые она обещала продать по пятнадцати рублей за моток.

Вопрос: чего я во вторник делал в доме шестнадцать по улице Селгас. Отвечаю: ничего не делал, только искал Гунтиса Пумпура, он там живет во флигеле на верхнем этаже. Но его не встретил. Когда второй раз приехал, у дверей увидел милицескую машину и дальше не пошел, потому что думал, не за Пумпуром ли. Был у него также вечером в понедельник. Он дал мне чемодан с шерстью, хотел еще дать, но я столько нести не захотел. Поэтому

во вторник приехал на машине. В понедельник, когда поднимался по лестнице, видел неизвестного мужчину, вышедшего из квартиры, из которой — не помню. Воротник пальто у него был поднят, на лестнице было темновато, но думаю, узнал бы его при встрече. Лицо показалось мне знакомым, но я не присмотрелся, я тоже не хотел, чтобы меня узнали.

На вопрос, скупал ли я корпуса радиоприемников «Сикура», чистосердечно признаюсь, что мне принадлежит приемник «Сикура», который полгода назад я купил в комиссионке, но моряки мне никогда не предлагали, потому что на них нельзя заработать. Батарейки еще не менял и в нутре у него не копался.

Вопрос: знаком ли я с Артуром Румбиниеком. Признаю, что первый раз в жизни слышу это имя и предъявленную фотографию также вижу первый раз. С Эмилем Мендерисом в компании бывал, играли в карты, мне известно про его связь с Сильвой, но ничего больше об этом сообщить не имею. Нового директора комиссионного магазина никогда не встречал.

О том, как провел конец дня в понедельник, могу сообщить следующее: из дому вышел около четырех часов, потому что хотел до пяти часов поспеть в нефтепорт и встретить моряков, возвращающихся из Канады. Это могут подтвердить Виктор Загайло и Адам Тирелис, в доме у которого мы ужинали и говорили о последних международных событиях. Поэтому я немного опоздал и к Пумпуру пришел около девяти часов. Он был уже навеселе и до двенадцати часов ночи не отпускал меня. Время помню хорошо, потому что по радио играли гимн, когда я укладывал его спать.

Правильность всех этих сведений подтверждаю собственноручной подписью.

Дзинтар Вульф»

*

Сведения, сообщенные Яункалну знаменитым вентспилсским коллекционером, были намного меньше по объему, но зато важнее по существу. Да, последнюю свою корреспонденцию он отнес на почту в понедельник вечером, когда вывел на прогулку собаку. Это было ровно в

половине одиннадцатого, он хорошо помнит, потому что проверил свои часы по настенным в помещении междугородного телефона, он еще спросил, не получены ли марки какой-либо новой серии. Оказалось, имеется новый юбилейный блок, которым он наверняка мог бы порадовать своего пражского корреспондента. И хорошо, что он еще не успел бросить в ящик это письмо. В то время, когда он наклеивал только что купленные марки, вошел мужчина в коричневом плаще с поднятым воротником и в кепке. Филателист обратил на это внимание, потому что угрожающе зарычал его пес. Мужчина бросил в почтовый ящик письмо и сразу же ушел. После этого коллекционер отправлял свои остальные письма.

— Скажите, товарищ Козловский, — спросил Яункалн, — вы узнали бы этого мужчину, если бы мы вам его показали?

— Отчего нет? Правда, Рексис сделал бы это еще лучше. Уж если он кого не влюбит, так на всю жизнь, но бедняга еще не научился разговаривать... Нельзя ли еще раз поглядеть на ваше удостоверение? Вы в самом деле из милиции?

Рассеяв свои сомнения, Карлис Козловский отворил дверь комнаты. До этой поры разговор происходил в передней, где карие глаза боксера Рексиса неотступно следили за каждым движением Яункална.

— Вы уж не обессудьте, но мы, филателисты, должны соблюдать меры предосторожности. Одного в Риге даже убили из-за коллекции. Вы, наверно, не представляете себе, какова ценность этих альбомов с почтовыми марками. У меня, конечно, нет таких уникальных экземпляров, как красно-коричневая марка острова Святого Маврикия или Вольного Орана, но кое-что из отмеченного в каталогах брака, опечаток и изъятых из обращения выпусков имеется. Иностранцы коллекционеры платят за такие марки по несколько тысяч долларов. И вывезти марки намного проще, чем золото или драгоценные камни... У меня есть все серии, выпущенные в Латвии, — коллекция перешла ко мне от деда, а он начал собирать ее чуть ли не в конце прошлого века. Может, хотите взглянуть?

— В другой раз — с большим удовольствием, — Яункалн стал поспешно прощаться. — Значит, договорились, через несколько часов я вам позвоню.

Не только марки, но даже предложение осмотреть сокровища гробницы Тутанхамона не смогло бы отвлечь Яункална от выполнения задания — так велики были чувство ответственности и желание поскорей увидеть Расму, которая, по всей видимости, минут пять как поджидала в кафе напротив почты. Через четверть часа туда явится Ева Лукстынь, и опять не удастся затронуть тему, которую можно развивать лишь наедине друг с другом. Тедис не собирался сказать девушке ничего особенного, просто ему хотелось еще раз почувствовать возникшее вчера во время танцев ощущение близости. Вчера впервые в жизни ему показалось, что кто-то проявляет искренний интерес к его взглядам, к его планам на будущее.

Тедис тоже умел серьезные проблемы обсуждать с модной нынче иронической улыбкой, перекидываться остротами, но иногда ведь хочется быть естественным, не пугаться слов, которые постепенно начинают исчезать из языка его сверстников. Одним из таких слов было «любовь», его даже в книгах почти перестали употреблять и вслух произносят только под покровом темноты...

Расма была отнюдь не в элегическом настроении. Она даже не дала Тедису с ней поздороваться прочувствованным рукопожатием, а с ходу задала вопрос:

— Он признался?

— Ты глубоко ошибаешься, если продолжаешь считать убийцей очарованного тобой Чипа.

— Тогда, выходит, я зря убила на него вечер. А в портовом клубе показывали новую французскую кинокомедию.

— А наш танец? — напомнил Тедис.

— Дай огня! — попросила Расма, взяв в рот супердлинную американскую сигарету. Затянувшись, она сочувственно спросила:

— Вы опять остались с носом, да?

— С твоим отцом просто невозможно потерпеть неудачу. У меня такое впечатление, что он всегда все знает наперед... по крайней мере на сутки раньше других работников милиции. Я, кажется, все отдал бы за возможность хоть год поработать под его руководством.

— Недавно ты говорил совсем другое.

— Тогда я вашу семью так близко еще не знал.

— Только не следует пересаливать! В халате и шлепанцах идеалы теряют свою привлекательность...

— Не кощунствуй. Если бы вы не приехали, следствие еще и сейчас не вышло бы из тупика.

— Благодарю за множественное число. По-видимому, опять смогу быть полезна, иначе разве мне была бы оказана честь посидеть в кафе с таким выдающимся криминалистом?

— Твой рассказ о мытарствах Евы мне очень помог. Как ты говорила — скользкий как угорь? Это подходит разве что Иманту, ведь более скользкого человека, чем директор комиссии Имант Гринцитис, трудно себе представить. Он, даже вися на крючке, и то норовит вывернуться... Если Ева опознает его на фотографии — все концы будут в наших руках!

Поняв, что интересуется Яункална, Ева Лукстынь покраснела, но вскоре овладела собой. И когда увидела фото Гринцитиса, то вспыхнула благородным гневом:

— Каков негодяй! Человек занимает такую большую должность, а ведет себя как последний гангстер!

* * *

Волдемар Страупниек не спал и трех часов, но, выпив черного кофе, присланного ему в термосе Ренатой Зандбург, почувствовал себя заново родившимся.

Вполне сносный вид был и у Эмиля Мендериса. Виктория — ее нельзя было слишком долго держать в неведении о случившемся — принесла чистую сорочку, электробритву и письмо: в нем она, наверно, впервые в жизни назвала Эмиля дорогим муженьком и употребляла другие ласковые выражения. Разумеется, Мендерис понимал, что ураган еще впереди, но панический страх исчез.

— Я вас очень прошу не смешивать две абсолютно разные вещи, — сказал следователь. — Ваши отношения с женой и с Сильвой Калнынь нас не интересуют, поскольку никто не обвиняет вас в неуплате алиментов или двоеженстве. Это вопрос чисто моральный. Отпало также и обвинение в отравлении Румбиниека, — у вас есть алиби. Я даже полагаю, что после этого разговора мы сможем вас отпустить, только дадите подписку о невыезде. Разумеется, до суда; это уж он определит, в какой мере ваши преступные действия, я имею в виду заранее подписанные вами бланки документов, помогли афери-

стам... А теперь расскажите о своих отношениях с Имантом Гринцитисом.

— Директора я знаю еще с того времени, когда он работал в радиомагазине. Вместе сидели на совещаниях, вместе подписывали разные обязательства — до него я ведь три месяца исполнял обязанности директора комиссионного магазина. Но кто-то наверху, наверно, шепнул насчет Сильвы, и поставили Гринцитиса. Он в первый же день предложил не совать нос друг другу в дела, но уже через неделю знал обо мне всю подноготную — как малыша звать, сколько денег отвожу Сильве, как выкручиваюсь, чтобы зарплату всю до копейки отдавать жене... Мои побочные доходы невелики. Поверьте, все, что вы видели у меня дома, заработано Викторией. За каждую луковицу тюльпанов она ведь получает по пятнадцать копеек. Потом огурцы и...

— Ясно! — Сраупник в данный момент не был расположен философствовать о выгодах огородничества. — Какой компромисс он предложил?

— Обещал отпускать меня по понедельникам. Раньше я мог вырываться только после работы, изредка — по воскресеньям, если скажу Виктории, что еду за рыбой... Но для надежности он мне велел расписываться на квитанциях, чтобы начальство не уличило нас в мелком жульничестве. Басню про ревизию тоже Гринцитис придумал. Время от времени он ездил со мной в Ужаву, на смотрины подарил целых двенадцать серебряных ложек, а уж бутылок привез... Мне только не нравилось, что слишком часто он говорил о своей роли благодетеля, напоминал даже в тех случаях, когда просил о самом пустячном одолжении. И сразу начинал угрожать, если во вторник я удивляюсь, откуда вдруг столько «Сикур». Но я ничего плохого не подозревал — люди их разбирали, словно горячие пирожки, и никто не жаловался.

— А граждан, сдававших «Сикуры» для продажи, вы лично не видели?

— Никогда!

* * *

Опознание требовало немалой подготовки. Надо было подыскать двух мужчин, ростом и сложением схожих с Гринцитисом, но чтобы не носили очков и не выделялись

никакими особыми приметами; нужны были коричневые плащи и кепки; опознаваемых надо было соответственно одеть и посадить рядом с директором комиссионного магазина. И лишь после этого пригласить в кабинет Еву Лукстынь.

Она села на стул для посетителей, застенчиво опустила глаза и терпеливо слушала разъяснения Страупниека о цели эксперимента.

— Можете ли вы среди присутствующих опознать мужчину, который одиннадцатого октября прошлого года провожал вас на станцию Ужава и по дороге набросился на вас? Попрошу вас посмотреть внимательно и ответить на вопрос, сознавая всю ответственность.

Ева ни секунды не колебалась. По ее глазам было видно, что она сразу узнала Иманта Гринцитиса. Однако ей до того хотелось насладиться ощущением своей значительности, ведь от нее сейчас зависела судьба человека, что Ева притворилась, будто она сомневается. Еще и еще раз обвела взглядом всех троих, но не произнесла ни слова.

— Кончайте ломать эту комедию! — вдруг злобно выпалил Имант Гринцитис и вскочил на ноги. — Это был я! И не стал бы отрицать, если бы меня кто спросил. Разве это преступление, если мужчина хочет поцеловать красивую девушку?

— Вы это подтверждаете, товарищ Лукстынь? — спросил Страупниека, на которого ничуть не подействовал взрыв Гринцитиса.

— Да.

— Где вы его видели раньше?

— В Ужаве, на именинах у моей бывшей одноклассницы Сильвы Калнынь.

— Вам известны его имя и фамилия?

— Его там все называли «Тихоупокройником».

— Благодарю вас. Если нужна справка по месту работы, секретарь вам даст.

...Чип такой уверенности не проявил. Он долго смотрел на троих мужчин, попросил их встать, повернуться в профиль. Наконец, показал пальцем на Гринцитиса.

— Наверно, вот этот и был. Если б заранее сказали, я бы тогда лучше разглядел.

— Гражданин Гринцитис, шаг вперед, — приказал Страупниека.

— Ну да! — воскликнул Чип. — Теперь знаю, где видал эту личность. Это же он в комиссии уговорил меня купить «Сикуру»!

— Достаточно, уведите! — Страупниек сделал жест сержанту милиции, который тут же положил руку Чипу на плечо.

...Опознавание Гринцитиса филателистом Козловским происходило еще быстрее. Он не пожелал дослушать до конца вопрос Страупниека. Встал и громким голосом заявил, показывая рукой на Гринцитиса:

— Этого человека я видел на почте в отделении телеграфа и междугородного телефона в понедельник вечером в двадцать два часа сорок минут. Он вошел, опустил письмо в почтовый ящик и ушел. Как сегодня, так и в тот вечер, будучи в здравом уме, я готов в любое время подтвердить свое показание, если потребуется — под присягой.

Он поклонился, повернулся и четким шагом вышел из кабинета. Когда вышли и одетые в коричневые плащи сотрудники милиции, Гринцитис обратился к Страупниeku:

— Разрешите спросить, чего вы хотите добиться или доказать?

— Вообще-то, в этой комнате вопросы задавать — моя обязанность и моя привилегия, — сказал Страупниек. — Но в виде исключения попробую вам объяснить. Начнем с показания Евы Лукстынь. Осенью, правда, она еще носила свою девичью фамилию — Микельсоне. Теперь мы можем считать доказанным, что вы знакомы с любовницей Мендериса Сильвой Калнынь и все время были осведомлены о двойной жизни приемщика вещей.

— Конечно! — воскликнул Гринцитис. — Личные секреты подчиненных — незаменимый рычаг для поддержания дисциплины. Это вам подтвердит кто угодно. Только таким образом я мог заставить Мендериса работать с полной отдачей. Угроза разоблачения не позволяла ему связываться с мелкими мошенниками, рисковать и плутовать у меня за спиной.

— Грубо говоря, вы его шантажировали?

— Верно, сказано очень грубо, — осклабился Гринцитис. — Лучше запишите, что директор Гринцитис в интересах наилучшего выполнения плана товарооборота пренебрег общепринятыми нормами морали и не известил

широкую общественность о распутном образе жизни Эмиля Мендериса.

Да, Гринцитис был серьезным противником. Посему в словопрения включился полковник Кашис.

— До того, как мы сообща разберемся, что к чему в показаниях двух свидетелей, интересно послушать, что нам расскажут... Сильва Калнынь и заведующий аптекой о вашем последнем приезде в Ужаву. Или перед этим познакомить вас с заключением экспертизы о том, что полученные Артуром Румбиниеком по почте от некоего Я. Озолия — кстати его адрес вымышленный — денежные переводы написаны на вашей машинке «Континенталь»? За что вы ему платили по тридцать рублей в месяц?

Гринцитис побледнел, но с ответом не торопился.

В кабинет влетел Тедис Яункалн. Его энергичная поступь красноречиво свидетельствовала о том, что у него важные новости. Положив на стол перед Кашисом листок с донесением, он сказал:

— Старший инспектор Селецкис остался в радиомагазине. По корешкам гарантийных талонов в мастерской ему удалось установить, что там в прошлом году по трудовому соглашению работал пенсионер Артур Румбиниек...

— Правильно, теперь я вспомнил! — воскликнул Гринцитис. — Незадолго до моего ухода мы приняли его на работу. Неплохой мастер, но со странностями. Просил, чтобы деньги ему высылали по почте и притом анонимно. Чтобы обойти райсобес.

— И вы заполняли переводы на своей машинке, хотя в это время уже работали в комиссионном магазине. Так и запишем в протоколе. — Кашис обратился к Яункалну: — Позовите Сильву Калнынь.

Она почти слово в слово повторила то, что рассказывала накануне вечером. В присутствии Гринцитиса обвинение звучало еще тяжелее. Тедис довольно долго избегал смотреть на директора комиссионного магазина — зрелище не из приятных: искаженное ужасом лицо убийцы в момент разоблачения. Однако, подняв на него взгляд, был поражен — на губах Гринцитиса играла холодная усмешка.

— Так-с, гражданин Гринцитис, теперь показание Калнынь я дополню фактами, полученными по ходу следствия, — вновь перехватил нить допроса Страуп-

ник. — Вечером в понедельник вас видели выходящим из квартиры Румбиниека — в то время он уже был мертв или в состоянии предсмертной агонии. В половине одиннадцатого вы на почте опустили в ящик письмо, адресованное Эмилю Мендерису. Хотя оно и написано рукой Румбиниека, но отправлено после его смерти. Это делали вы — мы располагаем соответствующими справками — и, следовательно, еще раз доказано, что вы были в его квартире. Теперь нам известно, что в воскресенье вы получили от Калнынь аконитин, которым — по результатам вскрытия — отравлен Румбиниек. И сказка про больного щенка не пригодится даже вашему адвокату, поскольку в суде будут фигурировать показания жильцов дома — сейчас их принес инспектор Яункалн: никто никогда не видел вас с собакой, не слышал, чтобы в вашей квартире лаял или скулил щенок.

— До того, как вы запутаетесь во лжи, Гринцитис, — сказал Кашис, — я изложу легко подтверждаемый фактами ход событий; их вполне достаточно для того, чтобы вас осудить. Я пока не стану касаться мошеннической аферы. Румбиниек, которому вы ежемесячно платили по тридцать рублей за «утерю паспорта» и другие услуги, рассказал вам о неожиданном визите милиции. Очевидно, он напугался, возможно, даже потребовал денег, чтобы убраться отсюда. Вы понимали: этот человек может вас выдать и придумали подлейший способ, как отвести подозрения от себя на Мендериса, чье слабое место было хорошо вам известно. Достали яду и с бутылкой бальзама навестили Румбиниека. Уговорили его написать Мендерису письмо, возможно, даже посулили денег. Покуда Румбиниек писал, накапали ему в рюмку яда. Когда все было кончено, забрали письмо и рюмки — их-то вы и бросили в Венту — пошли на почту и опустили письмо... Остальное продиктовала жизнь и различные случайности, ведь они — неотъемлемая часть этой самой жизни. В какой-то мере непредвиденным можно считать обстоятельство, что смерть Румбиниека обнаружили сотрудники милиции, а не соседи, которые, по всей вероятности, не стали бы поднимать тревоги.

Имант Гринцитис по-прежнему сидел с насмешливой гримасой на лице.

— Местные милицейские пешки никогда в жизни не пронюхали бы. Но кто мог подумать, что придут та-

кие тузы из Риги? Как видно, нет смысла тянуть резину дальше, а то неизвестно, какие еще грехи мне пришьете... Пишите!

В кино возможны всяческие неожиданности. Бывают они и во время киносъемок, но, как правило, мало кого радуют: вдруг в лаборатории выясняется, что пленка — брак, и все эпизоды необходимо переснимать, на худосвете ни с того ни с сего забраковывают отснятые эпизоды, которые при обсуждении сценария признали самыми удачными, капризная погода ломает график работы, согласованный в разных инстанциях и учреждениях, болезнь артиста вынуждает режиссера отказаться от первоначального замысла и перенести натурные съемки в павильон. И тем не менее фильм должен сниматься, он должен увидеть экран — в него вложены идеи, творческая энергия многих людей, материальные средства.

Все это директор картины Янсон пытался объяснить начальнику городской милиции, который наивно ссылался на уговор о том, что съемки в зале состоятся в субботу или воскресенье.

— Прибыло начальство из Риги. Что оно обо мне подумает?

— Оно увидит, что вы укрепляете связь с народными массами, что оказываете поддержку самому массовому виду искусства — кинематографу.

— И превращаю наш отдел в балаган.

— Помогаете выполнению государственного плана, экономии средств. Я же не могу держать тут лишние дни всю съемочную группу. За это никто мне спасибо не скажет. Известно вам, во что это обойдется?

— Надо было снимать в прошлое воскресенье...

— И пропустить солнце и шторм! Такие идеальные обстоятельства бывают один раз за лето... Ну хорошо, предлагаю компромиссный вариант: будем снимать без музыки, без единого громкого возгласа — как во времена «великого немого». Озвучим в Риге. Заметано?

Полковник уступал помалу и неохотно:

— Но чтобы ни одно из ваших огородных чучел не бегало по коридорам! И въезд со всем оборудованием только через двор!

Условие, которое до сведения группы довел режиссер, старательнее всех соблюдала тетушка Зандбург. Ей только не доставало попасться зятю на глаза, когда она в таком виде: старомодное, в рюшах и оборках, лиловое бальное платье, лаковые туфли на каблуках-шпильках. И вообще она жалела, что столь легкомысленно бросилась в эту сомнительную авантюру. Не из-за того, что она в действительности боялась Кашиса, но теперь все эти кино съемки казались ей совершенно бессмысленными. Даже сценарий, еще неделю назад восхитивший ее, казался преснятиной по сравнению с кипящим водоворотом жизни, закрутившим ее в последние дни. Не радовало даже обещание Янсона пригласить ее в Ригу на озвучивание.

В перемене умонастроения тетушки Зандбург была повинна также и ее внучка. Все утро Расма терпеливо выслушивала рассказ о событиях, происходящих в фильме, потом широко зевнула.

— Мелодрама, от нее же разит нафталином! Можно подумать, нынче не кипят страсти. Почему, к примеру, не сделать кино про то, как мы ловим убийц и спекулянтов?

— А любовь?

— Не обязательно. На худой конец можно присочинить, будто Яункалн влюбился в меня...

Расма стояла между осветителями и гримершами, и физиономия у нее была настолько кислая, что лишила тетушку Зандбург остатков вдохновения. Но именно эта вялость в движениях и томная презрительность привели режиссера в восторг.

— Изумительно! Настоящая светская дама!

Внезапно выражение лица Расмы изменилось. Теперь в нем было что-то озорное, лукавое, предвкушение чего-то. Почуввав неладное, тетушка Зандбург обернулась и встретила глазами с ошарашенным полковником Кашисом.

* * *

— Старого Румбиниека знал еще по Риге, он работал в мастерской, куда я отдавал ремонтировать электро бритву и кофемолку, — рассказывал Имант Гринцитис. — Когда он захотел перебраться в Вентспилс, по-

мог ему найти квартиру и работу в радиомагазине, где был тогда директором. Там и началась эта афера с транзисторами. Однажды пришел моряк, принес свою «Сикуру» и попросил переставить ее в белый корпус, который больше подходил к новой мебели у него на кухне. Кожух он привез из заграницы, но что-то не клеилось с антенной. Послав его к Румбиниеку, тот перемонтировал приемник за десять минут. От платы отказался, только спросил, не может ли оставить себе старый корпус. Прошло два месяца, я уже перешел в комиссионный магазин, нуждался в деньгах, потому что еще не акклиматизировался на новом месте. В понедельник, когда голова трещала с похмелья после именин у Сильвы, пришел Румбиниек и поставил на стол «Сикуру». «За сколько его можно продать?» — спросил он. Покрутил я ручки — приемник работает как часы. В Риге, где охотников на импортные вещи больше, он ушел бы за пару сотен, а здесь — за полторы. Он улыбнулся и сказал, что согласен отдать за сто, потом рассказал, что шулки ради вмонтировал в ящик от «Сикуры» бракованный «Дзинтар». Я сразу понял, что из этой шулки можно сделать серьезное дело, откупил приемник за сорок целковых и стал думать. А не пустить ли пробный шар? Все-таки, наверно, я не рискнул бы, не будь у меня в руках паспорт Евы Микельсоне, который нашел в ее сумочке в ужавском лесу. Собирался послать ей с тремя розами, но потом передумал. Ничего, белокурая бестия выправит себе новые документы... Одним словом, оформил Микельсоне как владелицу радиоприемника. «Сикуру» купили в тот же день, а у меня в кармане осталась сотня чистоганом. Я понял, что открыл золотую жилу. Трудней всего было уговорить моряка — вначале боцман Лиепинь никак не хотел понять, что ему гораздо выгодней привозить из заграницы пустые ящики и самому оставаться в тени, чем заставляя свою мать в Риге торговать кружевами или шерстью. Зато старый пьяница Румбиниек за тридцатку в месяц сразу согласился написать заявление о том, что он посеял паспорт. Конечно, было бы разумней использовать другие имена, но паспорта на дороге не валяются. А за Эмиля Мендериса можно было быть спокойным, у него своих забот хватает... Да, глупо то, что все лопнуло теперь, когда я уже собирался закрывать лавочку, — у Лиепиня на его танкере какие-то неприят-

ности, стало все труднее по дешевке доставать детали от «Дзинтара»... Из-за этого приходилось держаться за первый выпуск. Я бы наверняка заметил фирменный знак, но старик Румбинiek слаб глазами — в особенности по вечерам, когда приходилось работать в мастерской. Вообще у него от пьянства нервы частенько шалили. После прихода милиции он стал совсем психом, начал угрозами вымогать у меня деньги. Это действительно было очень кстати, что он ненароком отравился. Не то ведь и ему тоже пришлось бы остаток жизни провести за решеткой.

— Вы, значит, по-прежнему отрицаете, что убили Румбиниека? — задал вопрос следователь.

— Ничего я не отрицаю, я рассказываю, как было. И прошу записать мои слова. — Имант Гринцитис решил, что ему выгодней понести наказание за мошенничество, нежели за убийство. И потому с отчаянием утопающего ухватился за придуманную наспех сказочку. — Яд, который нашли в организме Румбиниека, предназначался мне. Я знал, что не выдержу позорища суда и каменных работ, поэтому решил расстаться с жизнью. Но старый склеротик схватил и выпил мою рюмку. И я был вынужден ликвидировать все следы, отправить письмо и молчать. Уже ничего нельзя было исправить, но невиновным садиться на скамью подсудимых тоже не хотелось.

— Как правило, следователи напоминают о том, что чистосердечное признание является смягчающим обстоятельством, — сказал Страупниек. — Разумеется, когда преступник сам приходит с повинной. К вам это не относилось бы. Но теперешняя ваша бессмысленная и, я бы сказал, наглая ложь ни в ком не пробудит сочувствия.

* *

Тедис Яункалн сидел в помещении радиостанции порта, связанной незримыми нитями с судами в различных морях и океанах всего мира. Только что удалось установить связь с танкером «Булдури» в Северном море и передать радиограмму капитану. В ожидании ответа он вновь перебирал в уме, что будет говорить на собрании, созванном в детской комнате милиции. От этого в значительной мере зависел успех его дальнейшей

работы. Тедис больше не надеялся, что его скоро переведут на другую должность, да и не очень к этому стремился. За последние дни он понял, что на такой работе не обойтись без опыта, без настоящей закалки, знаний и — сказать прямо — трезвого ума. Конечно, горячность и в «детсадике» помешает пожинать лавры, зато чуткое сердце здесь поможет находить верный путь в ситуациях, которые не укладываются в статьи кодексов. Взять хотя бы проблему будущего всемогущих «бизнесменов»... Ни в коем случае нельзя всех их мерить на одну мерку, засунуть в один мешок братьев Морозовых и Мексиканца Джо. Но и на него не следует махать рукой — под бдительным надзором парень поймет, как опасны поиски легкого заработка. Если невозможно повлиять добром, убеждением, то надо действовать по-другому. Остальные доказали, что в решающий момент могут сами разобраться, что плохо, а что хорошо, поэтому было бы непедагогично без конца напоминать им о прошлых грехах. Пускай до начала занятий идут поработают, пускай узнают удовлетворение, которое приносит честно исполненный труд...

Гораздо серьезнее разговор предстоит с родителями, которые по разным причинам забросили воспитание своих детей. Но их всех тоже нельзя стричь под одну гребенку. Яункалн не сомневался, что врачи, супруги Кагайнис, впредь будут уделять больше времени своему предприимчивому сыну Герберту, возможно, даже откажутся иной раз от выгодного ночного дежурства на «скорой помощи». В отзывчивости Морозова он тоже не сомневался. Но как найти общий язык с бабушкой Рудиса, которая все происшедшее воспримет как подтверждение своей эгоцентрической правоты и не поймет, что только нехватка чуткости у нее самой выгнала внука на улицу? Как повлиять на других родителей, взваливших заботы о своих детях на школу и общество?

Радист подал Яункалну принятую с «Булдури» радиограмму:

**БОЦМАН ЛИЕПИНЬ В РЕЙСЕ НЕ УЧАСТВУЕТ
ТОЧКА В РИГЕ СПИСАН НА БЕРЕГ И ПРЕДАН ТО-
ВАРИЩЕСКОМУ СУДУ ЗА СПЕКУЛЯЦИЮ ВОДКОЙ
В ГАМБУРСКОМ ПОРТУ ТОЧКА КАПИТАН КВИЕ-
СИТИС**

Лига Печака готовилась к собранию, как к административному мероприятию. О том, что она скажет, старший инспектор никогда специально не задумывалась, авось в последний момент найдутся соответствующие общему настроению мысли и фразы, поскольку проступки «бизнесменов» лишний раз подтверждали ее теорию о нынешней тенденции к организованным преступлениям. Гораздо больше ее огорчало то, что и Кашис и Страупниек отказались почтить своим присутствием общее собрание. Приходилось удовольствоваться Яункалом и Зандбург, которая даже предложила после собрания просмотреть последний детективный фильм Рижской киностудии. Вот поработай с такими несерьезными педагогами...

Опасаясь, как бы старая активистка не наговорила «ереси», Лига Печака решила, что разговор с родителями должен происходить при закрытой двери. Таким образом «бизнесмены» получили возможность спокойно рассказать все новости вызванным из деревни Славику и Владику.

— Если бы мы не разыскали Сильву, — хвастался Рудис, — рижский полковник так и остался бы с носом.

У Райты главное ее оружие выбито из рук. Но она отнюдь не собиралась сдаваться.

— Если бы не мой мопед, Чип ни за что не засыпался бы.

— А кто с опасностью для жизни выслеживал его на улицах города? — откозырял в свою очередь Мексиканец Джо.

— А мы придумали подарить тетке Зандбург шенка, который и раскрыл всю аферу, — напомнил Славик.

— Тут-то собака и зарыта, что они присвоили себе наши заслуги, — рассудительно сказал Герберт. — Миллионеры ведь не покупают «Сикуры», что они смыслят в музыке!

— Тогда выходит, нас незачем и перевоспитывать! — воскликнул Янка. — Если ликвидируют все подозрительные элементы, милиция останется без дела.

* * *

Необычное тепло этого августовского вечера позволило Ренате Зандбург накрыть стол для прощального ужина в саду. За калиткой под аккомпанемент воинст-

венного тьяканья Томика уже урчал мотор «Волги», напоминая рижанам, что впереди еще дальняя дорога. Пустой графинчик говорил о том, что все традиционные тосты произнесены. Можно бы и отправляться домой, но хозяйка еще не сказала последнего слова. Наконец, она поднялась.

— В детективных романах есть такой закон: когда преступник посажен за решетку, герои собираются вместе поговорить на моральную тему. Наверно, боятся, что читатель ничему не научился. Мне тоже хотелось бы, чтобы вы поняли, что мы убили одним выстрелом трех зайцев...

— Ясно, — осмелился прервать «выступление» Зандбург Яункалн. — Три степени преступности — мелкий бизнес школьников, спекулятивные махинации и убийство...

— Вы забыли еще про один традиционный прием, — улыбнулся Страупниек. — Обычно главный герой не успевает перевести дух, как его посылают на очередное опасное задание. Так что держитесь, товарищ Яункалн!

— Но сперва он целует свою возлюбленную, — напомнила Расма.

— Я собиравался говорить о другом, — перебила ее тетушка Зандбург. — Спасибо, что ты приехал, Эдуард! Ты помог мне снова встать на ноги. Теперь можешь спокойно возвращаться к своей Регине.

— Именно теперь-то мне и надо бы остаться, — отшутился Кашис. — Поскольку вы больше не прикованы к постели, то я знаю — покоя мне не будет.

— Но я ведь в Вентспилсе, — серьезно сказал Яункалн. — И майор Блумберг по соседству живет.

— Если еще и Селецкис берет на себя опеку над моей тещей, то, возможно, обойдетесь без дополнительных штатных единиц.

— Главное — не сдавать завоеванных позиций до Нового года, — сказала Расма. — Ева пойдет в декретный отпуск, и я обещала за нее поработать.

— Мы будем очень ждать тебя! — с чувством сказала тетушка Зандбург, потом заметила, что Яункалн покраснел, и добавила: — Я и Томик.

ИБ № 2087

Гунар Цирулис (*Гавриил Ефимович Цивьян*)

ГАСТРОЛЬ В ВЕНТСПИЛСЕ

Редактор *В. Семенова*

Художественный редактор *М. Драгуне*

Технический редактор *Г. Слепкоза*

Корректор *А. Савина*

Сдано в набор 20.02.79. Подписано в печать 17.08.79. Формат 84×108/32. Типографская бумага № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. 10,5 усл. печ. л.; 10,83 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз. Заказ № 513. Цена 85 коп. Издательство «Лиесма», 226047 Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. № 406/29952/Ю-2664. Отпечатано в типографии «Циня» Государственного комитета Латвийской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 226011 Рига, ул. Блауманя, 38/40. Обложка и форзац, отпечатаны в Рижской Образцовой типографии, 226004 Рига, Виенибас гатве, 11.

Цирулис Г.

Ц718

Гастроль в Вентспилсе: Повесть / Пер. с латыш. Ю. Каппе; Ил. Я. Рейнберг. — Р.: Лиесма, 1979. — 199 с. — Приключения, фантаст., путешествия.

Латышский советский писатель Г. Цирулис посвятил свою новую повесть проблемам воспитания подрастающего поколения. Юные герои помогают следственным органам раскрыть шайку авантюристов. В процессе расследования подростки учатся различать добро и зло, начинают понимать, что далеко не все их занятия были безобидными. Книга отмечена на конкурсах Министерства внутренних дел и Министерства юстиции Латв. ССР.

Ц 70303—406
М801(11)—79 349.79.4702340200

L2
84.3Лат7

